

Январь
2012

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

*Проблемы внешней политики, дипломатии,
национальной безопасности*

***Россия и Европа - возможен ли прорыв
в отношениях?***

Игорь Иванов

Президент Российского совета по международным делам

О стратегической концепции НАТО

Янис-Алекс Зепос

Генеральный секретарь Министерства иностранных дел Греции

Народная дипломатия московских депутатов

Владимир Платонов

Председатель Московской городской думы

О нефти, экономике и политике

Юрий Шафраник

Председатель совета Союза нефтегазопромышленников России

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й Ж У Р Н А Л

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА

И.Иванов. Россия и Европа - возможен ли прорыв в отношениях? 2

10 мая 2005 года на саммите Россия - ЕС в Москве были одобрены «дорожные карты» по формированию четырех общих пространств. Строились оптимистические сценарии того, как будет происходить отмена визового режима, каким образом будет осуществляться гармонизация законодательства сторон, какие институциональные формы может приобрести заявленное «стратегическое партнерство между Европейским союзом и Россией». Сегодня количество оптимистов в Москве и Брюсселе существенно поубавилось. В Москве все громче звучат голоса тех, кто считает, что центр мировой экономической активности перемещается из Атлантики в Тихий океан, что Европа оказалась не готовой к глобализации и потому обречена на растущее отставание от Азии.

И.Тимофеев. Советы по международным делам: зарубежный опыт и российский проект 15

Создание Российского совета по международным делам (РСМД) и проведение первого собрания его членов в июле 2011 года породили целый ряд вопросов. В чем специфика новой организации? Каковы сходства и отличия от зарубежных аналогов? Чем она занимается? Каким образом можно принять участие в ее работе? Мы попробуем дать ответы на эти вопросы, ориентируясь на обратную связь наших коллег - дипломатов, сотрудников профильных ведомств, ученых, а также бизнесменов и представителей неправительственных организаций.

Янис-Алекс Зепос. Оглянитесь назад, чтобы увидеть будущее
О Стратегической концепции НАТО 21

Проблемы НАТО отличаются от проблем иных организаций, столкнувшихся с новыми отношениями, которые развивались за пределами трансатлантической области, организаций, которые изо всех сил пытались разобраться в новой запутанной и тревожной глобальной повестке дня и разработать меры по повышению безопасности. В отличие от них, озабоченностью НАТО стала адаптация блока, а не выживание. Таким образом, был поднят вопрос о том, какую важную роль может и должен играть блок НАТО в сфере безопасности в следующем десятилетии при создании более широкой международной идентичности, направленной на консолидацию своих возможностей по мобилизации ресурсов, необходимых для выполнения совместно принятых целей.

В.Платонов. Народная дипломатия
Московской городской думы 36

Городская дума осуществляет международные связи с целью более эффективного решения проблем городского управления, внедрения различных передовых технологий. В состав зарубежных делегаций, которые к нам приезжают, обычно входят не только депутаты, причем представители всех фракций без исключения, но и представители исполнительной власти. Это нормальная международная практика. Мы представляем граждан во власти, и наша задача в международной деятельности прежде всего состоит в том, чтобы столичным жителям было комфортно в других государствах и, соответственно, иностранцам в Москве.

Ю.Шафраник. Запасы нефти были, есть и еще
будут на столетие точно 46

В последние десятилетия мы почти в два раза увеличили экспорт нефти, представьте, как мы увеличили объем. Для этого мы запустили много проектов, например, запустили БТС (Балтийскую трубопроводную систему). Это огромный труд, это просто колоссальный успех. Мы увеличили экспорт и нарастили объем добычи почти в два раза. Цена в это время возросла с 20 долларов примерно до 110, то есть в пять раз. Мы на этом получили огромные деньги, которые страна никогда не получала: затраты догоняли, а рост цены опережал. Но как только цена устанавливается на год-полтора на каком-то уровне, затраты тут же догоняют эту цену.

МИР ВОКРУГ НАС

Фарит Мухаметшин. Новый гуманизм
как мировоззренческая основа культуры мира 56

Мировоззренческая палитра не только усложняется, но и становится более хрупкой, неустойчивой. Кризисные явления современной цивилизации провоцируют лавинообразное распространение социальных пороков, глобализируют экстремизм, крайним проявлением которого является терроризм.

Нет необходимости доказывать, что как оцененные, так и недооцененные пока мировым сообществом угрозы и вызовы XXI века могут и должны опознаваться и парироваться в рамках международного сотрудничества. Действительно, «наведение мостов», стремление к согласованным коллективным действиям - это уже, без преувеличения, предпосылки и императивы нашего дальнейшего существования.

А. Орлов. Трудные времена европейской социал-демократии: испанский пример 63

Существует известная точка зрения, согласно которой минувшее столетие было «золотым веком» социал-демократии. Конечно, у этой тезы есть не только горячие сторонники, но и не менее активные противники. Однако трудно не согласиться с тем, что и сама социал-демократическая идеология, и ее «материальные носители» - социалистические и социал-демократические партии - прочно заняли позиции в авангарде идейно-политического устройства современного мира. На протяжении своего существования, насыщенного ожесточенными классовыми и жаркими парламентскими баталиями, социал-демократическая идея пережила глубокую эволюционную трансформацию.

П. Искендеров. Европа - кризис идентичности или «раздвоение личности» 76

2011 год стал одним из самых противоречивых в современной истории Европы. Несмотря на многие апокалипсические прогнозы, Европейскому союзу удалось избежать немедленного краха, а колебания курса единой европейской валюты не приобрели разрушительной амплитуды. Однако главные трудности для европейцев впереди, и носят они не сезонный или спекулятивный, а, без всяких преувеличений, системный характер. Сомнительные итоги декабрьского саммита ЕС ознаменовали переход данной организации в новое состояние, при котором управление осуществляется в «ручном», а не автоматическом режиме. Создание Европейского фонда финансовой стабильности, начало разработки соглашения о новых принципах действий ЕС в бюджетно-финансовой области и множасьщиеся расколы в рядах Евросоюза по экономическим, внешнеполитическим и другим вопросам наглядно продемонстрировали неработоспособность введенных в 1990-х годах механизмов евроинтеграции.

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

А. Оганесян. Если завтра война... 84

Закон, позволяющий Президенту США существенно ограничить экспорт иранской нефти, вызвал целый поток комментариев и резкую реакцию Ирана. Затем антииранская риторика поутихла и послышались примирительные нотки с обеих сторон. Это, разумеется, не меняет сути дела и не снимает с мировой повестки главного вопроса: намерены ли США воевать с Ираном и если да, то когда? В политике прогнозы подобного рода - вовсе не гадание на кофейной

гуще, поскольку всякая война требует подготовки. Из мозаики предпринимаемых Вашингтоном действий постепенно складывается любопытная картина. Почти одновременно с законом о новых санкциях против Ирана мы услышали под Новый год еще одно заявление, на этот раз из уст вице-президента США Джозефа Байдена. Оказывается, талибы больше не являются врагами США.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Е. Пядышева. Гражданское общество и спасение государства 88

Почти за 6 тыс. лет существования государства привычным стал трагический круговорот истории: «смена государей - разорение, войны и жертвы народа - стихийные бунты и революции - новая смена государей - новые обещания - новое разорение и жертвы» и опять повторение того же. По подсчетам, за последние два века лишь в 20% государств - членов ООН удалось частично нарушить этот трагический круговорот и ослабить причины бунтов и революций и еще в 20% государств предпринимаются попытки строить новые отношения между властью и народом. Книга С.Я. Курица и В.П. Воробьева «Гражданин и государство - трагический круговорот истории» о том, как найти пути и средства, чтобы стремления власти и народа совпадали.

Международная научная конференция «Россия - Украина - Белоруссия: пути интеграции» . . . 93

Журнал «Международная жизнь» при поддержке МИД России провел 17-21 октября 2011 года в Ялте Международную научную конференцию, которая собрала российских, украинских и белорусских ученых и экспертов в области политики, истории, экономики, политологии. Основной темой обсуждения стали направления, пути и возможности интеграции трех братских государств в современных международных условиях.

Международная

ЖИЗНЬ

ПОЛИТИКА

Игорь Иванов:

«Не хочу, чтобы мои слова были истолкованы как попытка противопоставить Европу Азии. Я имею в виду нечто другое - в современном, быстро меняющемся мире лидирующие позиции не гарантированы никому. Ни прошлый опыт, ни нынешнее богатство, ни грандиозные планы на будущее - ничто не может дать гарантий успеха. Глобальный мир предъявляет очень жесткие требования ко всем, условия игры меняются буквально на глазах, и я бы воздержался от излишне категоричных суждений относительно роли тех или иных регионов мира в экономике и политике будущего».

Иван Тимофеев:

«Создавая Российский совет по международным делам, мы учитывали зарубежный опыт, но ориентировались прежде всего на запрос отечественного внешнеполитического сообщества. Распоряжение Президента России о создании Совета задавало в качестве ведущего звена его деятельности экспертно-аналитическую составляющую».

Янис-Алекс Зепос:

«Стратегическая концепция НАТО являет собой новый коллективный и динамичный ответ на важнейшие вопросы международных отношений, способствует достижению совместных результатов, преобразовывая общие ценности и устремления в инновационную политику».

Владимир Платонов:

«Мы заинтересованы больше всех, чтобы пребывание здесь тех, кто приехал к нам на работу, было в строгих рамках законодательства. Никто же не обижается на США или Германию, что туда просто так не приедешь и не пойдешь работать, куда хочешь».

Юрий Шафраник:

«Периодически возникает дискуссия о том, что в мире нет нефти. Ладно бы так говорили просто журналисты, но и Международное энергетическое агентство предсказывало снижение добычи нефти, снижение нефтяного потенциала. Все это блеф. Запасы нефти были, есть и еще будут на столетие точно».

Игорь ИВАНОВ

Президент Российского совета
по международным делам

Россия и Европа - возможен ли прорыв в отношениях?

10 мая 2005 года на саммите Россия - ЕС в Москве были одобрены «дорожные карты» по формированию четырех общих пространств (экономического; свободы, безопасности и правосудия; внешней безопасности; а также науки, образования и культуры). Эта договоренность породила много надежд и ожиданий - политики, эксперты, журналисты говорили о прорыве в отношениях между Россией и единой Европой, о том, что стороны наконец-то преодолели принципиальные разногласия, бюрократические препятствия и готовы выйти на качественно новый уровень сотрудничества по широкому спектру вопросов. Строились оптимистические сценарии того, как будет происходить

отмена визового режима, каким образом будет осуществляться гармонизация законодательства сторон, какие институциональные формы может приобрести заявленное «стратегическое партнерство между Европейским союзом и Россией».

Сегодня количество оптимистов в Москве и Брюсселе существенно поубавилось. Мы еще раз смогли убедиться в том, что общие политические декларации автоматически не трансформируются в конкретные договоренности, а упущенные единожды возможности потом долго не повторяются. А нынешний финансовый и институциональный кризис в Европе вообще поставил под вопрос актуальность «европейского проекта» для России. В Москве все громче звучат голоса тех, кто считает, что центр мировой экономической активности перемещается из Атлантики в Тихий океан, что Европа оказалась не готовой к глобализации и потому обречена на растущее отставание от Азии. Отсюда следует вывод - будущее нашей страны прочно связано с «тихоокеанской цивилизацией», Россия должна, по возможности, дистанцироваться от неизбежного европейского упадка, столь явно проявившегося в последние месяцы.

С мнениями такого рода трудно согласиться. Конечно, экономические достижения Азии последних десятилетий более чем очевидны. Но хочу заметить, что «упадок» в Европе предрекают уже не в первый раз на протяжении последних 100 лет. А Европа по-прежнему остается игроком высшей лиги в мировой экономике, глобальным источником технических инноваций и огромной социальной лабораторией. Очевидно, что возможности «европейского проекта» далеко не исчерпаны. Темпы развития азиатских экономик вызывают восхищение, но процессы социальной и политической модернизации в большинстве стран Азии заметно отстают от экономической модернизации. А такое отставание чревато нестабильностью, кризисами и иными потрясениями.

Не хочу, чтобы мои слова были истолкованы как попытка противопоставить Европу Азии. Я имею в виду нечто другое - в современном, быстро меняющемся мире лидирующие позиции не гарантированы никому. Ни прошлый опыт, ни нынешнее богатство, ни грандиозные планы на будущее - ничто не может дать гарантий успеха. Это относится и к отдельным людям, и к странам, и к целым континентам. Глобальный мир предъявляет очень жесткие требования ко всем, условия игры меняются буквально на глазах, и я бы воздержался от излишне категоричных суждений относительно роли тех или иных регионов мира в экономике и политике будущего.

Современный мир вообще не укладывается в традиционные географические рамки, его уже невозможно поделить на Восток и Запад, Европу и Азию. В глобальном мире корпорации из Евросоюза строят заводы в Китае, японские студенты едут учиться в Оксфорд, по итальянским лекалам шьется одежда в Малайзии, а индийские программисты выполняют заказы из Силиконовой долины, не покидая Бангалора. География перестает быть фактором, жестко детерминирующим экономический уклад, стиль жизни или профессиональные перспективы. В каждой стране современного мира есть своя «Европа» и своя «Азия», свой «Запад» и свой «Восток». В наше время, наверное, более продуктивным было бы делить страны не по географическому принципу, а по тому, насколько успешно (или неуспешно) они вписываются в современные глобальные тенденции, насколько удачно они реализуют в глобальном мире свои сравнительные преимущества.

Снижение значения географических параметров в современном мире не означает, однако, что понятие «Европа» вообще теряет смысл. Просто это понятие сегодня надо определять не в старых географических терминах, а в новых - социальных, культурных, экономических и политических. «Европейская модель», безусловно, имеет свою специфику, связанную с историей, традициями и иными особенностями европейского континента. Вполне уместно, например, говорить о европейской политической культуре, существенно отличающейся от политической культуры не только Азии, но и Соединенных Штатов. Можно отметить специфические черты европейского «социального государства», которые также не имеют полных аналогов в других регионах мира.

При этом очевидным является и то, что в глобальном мире жесткая конкуренция не исключает, а предполагает тесное сотрудничество. Европа и Азия нужны друг другу - в экономическом, технологическом, культурном отношениях. «Европейская» и «азиатская» модели дополняют друг друга, причем эта взаимозависимость, судя по всему, будет с течением времени только возрастать. С этой точки зрения крайне опасными выглядят распространенные сегодня и в Европе, и в Азии настроения «регионального эгоизма» - представления о том, что какой-то регион мира сможет решить свои экономические, финансовые, социальные или иные проблемы, отгородившись от своих соседей и игнорируя их интересы. Выжить в одиночку, может быть, и получится, но процветание может быть только совместным.

А что же Россия? Способна ли наша страна стать активным и конс-

продуктивным игроком в отношениях между двумя частями евразийского континента? От ответа на этот вопрос во многом зависит будущее страны. Как мне представляется, для нынешней России главная внешнеполитическая задача заключается совсем не в том, чтобы наконец определиться - принадлежит ли она к Европе или к Азии. Эти схоластические споры имеют очень опосредованное отношение к современным реалиям мировой политики и экономики. Наша задача куда более прагматична - не выпасть из системы складывающегося европейско-азиатского сотрудничества, не остаться за бортом тех интеграционных процессов, которые развиваются на пространствах евразийского континента - в экономике, науке, образовании, культуре и в других сферах.

А угроза остаться за бортом, к сожалению, очень и очень реальна. Россия, конечно, присутствует на евразийских рынках, но нельзя не отметить, что включенность России в механизмы и процессы евразийского сотрудничества на текущий момент выглядит очень поверхностной, неоднородной и хрупкой. Россия пока остается главным образом основной евразийской кладовой природных ресурсов, источником сырья и энергии для своих соседей. И такое положение создает проблемы не только для нашей страны, но и для всего формирующегося евразийского сообщества, которое пока лишено возможности использовать Россию как своего полноценного участника.

При этом следует подчеркнуть, что для России европейское направление внешней политики будет и дальше оставаться приоритетным. И не только в силу того, что именно Европа является важнейшим экономическим партнером нашей страны, здесь находятся основные российские рынки, сюда охотнее всего едут наши сограждане - учиться, работать, отдыхать. Но и в силу того, что Россия была, есть и будет частью Европы - географически, исторически и культурно-цивилизационно. Мы - преимущественно европейская страна, хотя и протянувшаяся далеко на восток - к берегам Тихого океана и границам Китая и Кореи.

Могут сказать: да, Россия - преимущественно европейская страна, но это «особая» европейская страна, «другая Европа», и потому ее отношения с «остальной» Европой всегда были и будут сложными и противоречивыми. Вероятно, в этом утверждении есть своя логика. Но давайте зададимся вопросом: а есть ли в Европе «неособые» страны? И для кого из европейских стран отношения с «остальной» Европой не были сложными и противоречивыми? Взять хотя бы Германию - еще сотню лет назад многие интеллектуалы к западу от Рейна серь-

езно сомневались в том, что Германия может по праву считаться истинно европейской страной. Приводились многочисленные аргументы, призванные доказать, что Германия навсегда обречена оставаться вне Европы, не вписываясь в европейские традиции, институты и ценности. И тем не менее именно Германия стала локомотивом процесса европейской интеграции во второй половине прошлого века. А разве «возвращение» Испании в европейское политическое, экономическое и культурное пространство после десятилетий франкистской диктатуры не было мучительным и противоречивым?

На протяжении большей части XX столетия Россия была отделена от запада европейского континента глубокой идеологической пропастью. В тех условиях говорить о европейской судьбе России было действительно трудно (хотя и в XX веке Россия оставалась частью обще-европейской цивилизации в широком смысле этого слова - ведь даже марксизм был порождением европейской философской традиции). Но сегодня холодной войны больше нет, системный конфликт между Россией и Европой отсутствует. Почему же вопрос о принадлежности России к Европе до сих пор вызывает вопросы?

Наверное, это связано не только с инерцией мышления холодной войны, хотя и ее нельзя не учитывать. Оглядываясь назад, на уже двадцатилетнюю историю внешней политики новой России на европейском направлении, испытываешь смешанное чувство удовлетворения и разочарования. С одной стороны, за 20 лет мы сильно сблизились с нашими ведущими партнерами в Европе - в экономическом, политическом и гуманитарном отношениях. Россия стала полноправным членом многих важнейших европейских институтов - от Совета Европы до Европейского суда по правам человека. И тем не менее, как это не печально признавать, наша страна по-прежнему воспринимается в большинстве европейских стран как нечто внешнее по отношению к «настоящей» Европе, да и сама себя обычно воспринимает как нечто отдельное от остальной Европы.

Значительная часть ответственности за такое положение лежит на российской стороне. Нам еще предстоит учиться быть европейцами, это знание не приходит сразу. Даже сегодня мы далеко не всегда понимаем логику наших европейских партнеров, недостаточно учитываем нюансы европейской политики, упускаем из виду малозаметные, но очень важные детали, характеризующие веками складывавшуюся европейскую политическую культуру. Нам часто кажется, что в Европе к

России относятся несправедливо, что нашим мнением и нашими интересами пренебрегают, а наши инициативы постоянно игнорируют.

С другой стороны, и наших европейских партнеров есть в чем упрекнуть. Хорошо известно, как медленно согласовываются позиции внутри Европейского союза, с каким скрипом обычно работает европейская бюрократия. Нам проще договариваться с отдельными странами - членами Евросоюза, чем с Союзом в целом - и не потому, что мы хотим развалить европейское единство, просто переговоры с Брюсселем сплошь и рядом оказываются крайне длительными, сложными и малоэффективными.

Но кого бы мы ни обвиняли в существующих проблемах, для политиков в Москве должно быть ясно одно: любое «вхождение» - или «возвращение» - России в Европу потребует настойчивости, последовательности, терпения, а также долгосрочных и очень значительных политических инвестиций с нашей стороны.

Можем ли мы отложить вопрос о взаимодействии России и Европы до лучших времен - например, подождать стабилизации финансовой ситуации в Европейском союзе? На мой взгляд, потеря темпа в наших отношениях очень опасна для обеих сторон. Вызов модернизации (понимая под модернизацией не только структурную перестройку экономики, но и обновление социальной, политической и культурной сфер тоже) в той или иной степени стоит перед всеми странами и всеми регионами мира. Никто не знает окончательных ответов на вопросы, которые ставит перед человечеством вызов модернизации, ни одному обществу не гарантировано положение лидера в модернизационной гонке. Мир меняется все быстрее, и закрывать глаза на эти изменения - значит, рано или поздно, оказаться на обочине мирового развития.

Россия и Европа - тоже участники модернизационной гонки. У нас очень разные стартовые позиции, разные конструкции двигателей, разные уровни подготовки экипажей, но гоночная трасса - одна. И на этой трассе идет острая борьба, ставки в которой исключительно высоки. Для России отставание в модернизационной гонке означает окончательное превращение страны в сырьевой придаток более развитых стран, постоянную зависимость от мировых цен на энергоносители, деградацию пока еще существующей национальной научно-образовательной системы и в итоге - утрату не только позиций великой мировой державы, но даже и положения самостоятельного участника мировой политики.

Для Европы потеря темпа в модернизационных процессах, вероятно, приведет к менее драматичным, но не менее серьезным последствиям: хронической экономической стагнации, социальным конфликтам, потере конкурентных позиций на наиболее перспективных мировых рынках. Производство будет уходить из Европы в Восточную Азию, инновационные идеи - в Северную Америку. Неспособность справиться с вызовом модернизации может поставить под угрозу и сам «европейский проект» как таковой.

В этой связи возникает очень важный вопрос для России и для Европы: кто мы друг для друга в этой модернизационной гонке? Являемся ли мы конкурентами или потенциальными партнерами? Сходятся или расходятся наши интересы в эпоху глобализации? И в России, и в Европе немало тех, кто считает, что ничего существенного в плане модернизации мы уже предложить друг другу не можем, а поэтому следует искать других партнеров и других союзников в модернизационных проектах.

Если следовать этой логике, то несложно предсказать, что Россия и Европа будут дрейфовать в расходящихся направлениях. Конечно, нас по-прежнему будут объединять география, общая история, конъюнктурные экономические интересы, но стратегически мы будем все более расходиться, пытаясь - каждый по-своему - имитировать иные, более перспективные и привлекательные модернизационные модели. Иными словами, и Россия, и наши европейские соседи окончательно встанут на путь так называемой «догоняющей модернизации», со всеми преимуществами и издержками, связанными с этим вариантом развития.

Есть ли альтернатива такому варианту развития? Я глубоко убежден, что альтернатива есть. И связана она далеко не только с общей географией, историей и культурой. Европа и Россия всегда гордились качеством своего человеческого капитала. Именно человеческий капитал - а не ресурсная база, не существующие производственные мощности, не валютно-финансовые резервы - лежит в основе современных модернизационных процессов. А человеческий капитал создается в соответствующей культурной среде, в системе среднего и высшего образования, в научных и инновационных центрах. В Европе и России есть традиции развития человеческого капитала, есть среда, стимулирующая его рост. И нам есть, что предложить друг другу в этой сфере.

Хочу подчеркнуть: в современном мире экономическая модернизация неотделима от модернизации социальной, а социальная модерни-

зация невозможна без критического осмысления состояния основных социальных институтов. Нам часто говорят: в России, как и в Европе, социальная нагрузка на государство слишком велика, социальные издержки препятствуют эффективности экономики, нужно сворачивать социальные обязательства. Но можно ли свернуть социальные обязательства, не поставив под угрозу человеческий капитал? Или речь должна все же идти о повышении эффективности социальных институтов при сохранении традиций «социального государства»? На мой взгляд, эти вопросы одинаково актуальны для России и для Европы и, стало быть, именно здесь надо искать пересечение «модернизационных повесток дня» России и Европы.

Как представляется, мы должны существенно активизировать наше сотрудничество с Европой в поисках путей повышения эффективности человеческого капитала: это предполагает взаимодействие в таких областях, как образование, национальная научная стратегия, культурная политика, социальное обеспечение, здравоохранение, управление миграциями, развитие институтов гражданского общества и местного самоуправления и многое другое. Производство может сбежать в Китай или Индонезию, технологии могут перетекать в Силиконовую долину, но человеческий капитал останется в обозримом будущем главным конкурентным преимуществом и главной экспортной статьей европейской культуры, к которой без всяких оговорок можно отнести и Россию.

Конечно, социальное взаимодействие России и Европы не может подменять собой сотрудничество в сфере безопасности. Тем более что в этой сфере наши интересы практически совпадают. Поговорите с любым ответственным политиком в Берлине, Брюсселе или в Москве об угрозах евроатлантической безопасности и о глобальных вызовах современности. Оценки, скорее всего, будут очень схожими. Мы мыслим одними категориями, нас беспокоят одни и те же проблемы, предлагаемые нами решения идут в одном направлении. Не хочу упрощать - не все приоритеты безопасности России и Евросоюза полностью идентичны, хотя бы в силу различного геополитического положения, не все точки зрения можно свести к единой позиции. Но ведь и внутри Евросоюза не всегда удается достичь единства. Важно другое: все мы - от Атлантики до Урала, а точнее, от Ванкувера до Владивостока - так или иначе объединены общими угрозами и вызовами. Это реальность, которая вряд ли изменится в обозримом будущем.

Казалось бы, в этих условиях задача формирования надежной сис-

темы общеевропейской безопасности становится чисто технической. Фундаментальная общность интересов неизбежно должна привести к созданию механизмов сотрудничества. Однако приходится констатировать, что такие механизмы до сих пор или не созданы, или не работают должным образом. А единого евроатлантического пространства безопасности как не было, так и нет по сей день.

Вряд ли будет справедливым списывать все на сохраняющееся наследие холодной войны. Конечно, инерцию прошлого игнорировать нельзя, но ведь холодная война закончилась не вчера и даже не десять лет назад. За более чем два десятилетия после падения Берлинской стены в наших странах сменилось целое поколение государственных деятелей, а в строительстве евроатлантической безопасности мы продвинулись, мягко говоря, не слишком далеко. Между тем нынешнее «окно возможностей» в отношениях между Россией и Западом вряд ли сохранится надолго. Особенности политических циклов в Соединенных Штатах, России и некоторых ведущих европейских странах таковы, что через несколько лет добиться прорыва в этих отношениях будет гораздо труднее, чем сегодня. Не хочу показаться пессимистом, но шанс, который имеется сегодня, может оказаться последним для нашего поколения политиков.

По всей видимости, одна из первоочередных задач, стоящих перед нами сегодня, - попытаться объективно оценить причины того, почему не оправдались надежды последних 20 лет, не пытаясь свалить всю вину на другую сторону, не стремясь в очередной раз доказать свою правоту и не возвращаясь к бесплодным дискуссиям о совместимости или несовместимости европейской цивилизации и России. 20 лет - достаточно длительный исторический период для того, чтобы выявить общие закономерности взаимодействия современной России и ее западных соседей, обозначить типичные ошибки и дать обоснованные рекомендации на следующие десятилетия.

Один из очевидных исторических уроков, на мой взгляд, состоит в том, что принципиальные договоренности и политические декларации - необходимое, но недостаточное условие для развития отношений. В самом деле, основополагающий акт о взаимных отношениях между Россией и НАТО от 1997 года, а также Римская декларация «Отношения Россия - НАТО: новое качество» от 2002 года - хорошие документы, но они, к сожалению, не вывели наши отношения на качественно новый уровень.

С российской стороны нам не удалось серьезно мобилизовать общественность, экспертное сообщество, военных, средства массовой информации, частный бизнес и другие потенциально заинтересованные в сотрудничестве с Западом профессиональные и общественные группы. Не получилось это и у наших западных партнеров. В результате двусторонние соглашения между Россией и НАТО так и остались бюрократическими документами, крайне уязвимыми при любых изменениях политической конъюнктуры в России или на Западе.

Поэтому мне представляется малопродуктивным обсуждать перспективы подписания каких-то новых «всеобъемлющих» документов или настаивать на создании дополнительных механизмов взаимодействия России и НАТО.

Лихорадочная активность вокруг существующих или предлагаемых европейских институтов безопасности порой напоминает болезненную «пактоманию» 30-х годов прошлого века в Европе, когда европейские страны отчаянно пытались отодвинуть надвигающуюся катастрофу подписанием множества двусторонних и многосторонних соглашений о сотрудничестве, ненападении, нейтралитете и пр. Чем кончились 1930-е годы, мы все хорошо помним, «пактомания» не решила, да и не могла решить ни одной проблемы европейской безопасности.

Конечно, современная Европа радикально отличается от Европы 30-х годов XX столетия. И в первую очередь тем, что, как уже отмечалось выше, сегодня континент более не расколот идеологическими противоречиями. Мы отнюдь не обречены на противостояние - политическое или военное. Но, с другой стороны, сегодня попытки свести все многообразие мировой политики к межгосударственным соглашениям и международным институтам еще более ущербны, чем они были в прошлом веке. Значительная часть современной, быстро меняющейся международной жизни проходит мимо организаций с их сложными процедурами, неразворотливой бюрократией, длительными сроками согласования позиций. Глобальные и региональные институты безопасности - ООН, НАТО, ОБСЕ и другие - не успевают реагировать на возникающие кризисы, и очень часто их место занимают тактические коалиции, создающиеся *ad hoc* для решения конкретных задач.

Разумеется, традиционные международные организации, которые нуждаются в серьезном реформировании, будут по-прежнему играть важную роль в обеспечении глобальной и региональной стабильности. Однако строить новую европейскую систему безопасности сверху вниз,

громоздя новые институты на старые, - дело, как мне кажется, совершенно безнадежное. У нас нет никаких гарантий того, что новые институты будут лучше старых, потенциал которых далеко не исчерпан. Единая Европа, если мы все-таки придем к европейскому единству, сложится сначала как Европа режимов, а уж новые институты вырастут там, где в них возникнет острая необходимость.

Такой подход мы и попытались применить в отношениях между Россией и ЕС, договорившись о создании «общих пространств» в четырех областях сотрудничества. Эти «общие пространства» должны были основываться на применении общих или совместных правил и норм, включая совместные административные процедуры как основу для масштабных совместных действий. Реализация «дорожных карт» по формированию «общих пространств», к сожалению, в силу различных политических причин продвигается не так быстро, как хотелось бы. Однако сам подход в современных условиях представляется верным, а может быть, и единственно возможным.

В Европе, да и не только в Европе, уже накоплен немалый опыт успешного функционирования международных режимов. Этот опыт еще ждет своего обобщения. Тем не менее представляется возможным сделать ряд предварительных выводов относительно тех условий, при которых международные режимы оказываются эффективными.

Прежде всего, для успеха режима необходимо наличие значительных общих интересов. И не только наличие, но еще осознание участниками этой общности. В этом осознании, на мой взгляд, успех многих субрегиональных форматов сотрудничества на европейском континенте (таких как сотрудничество на севере Европы или в зоне Черного моря). Разумеется, такие общие интересы не приходят сами. Ответственная политика как раз и заключается в том, чтобы настойчиво и последовательно искать сферы общих интересов, выявлять пусть скромные, но реальные возможности для практического взаимодействия. Очевидно, что в строительстве режимов европейской безопасности предпочтительно идти от простого к сложному: начинать с технических, политически нейтральных вопросов, постепенно переходя к более чувствительным и трудным темам.

Кроме того, очень важную роль в обеспечении эффективности международных режимов играет вовлеченность в их работу международно-го экспертного сообщества. Общие политические декларации мало что значат, если они не сопровождаются «шлейфом» экспертных разрабо-

ток; по каждому направлению сотрудничества необходим постоянный и максимально конкретный экспертный диалог. Можно констатировать, что международный режим становится эффективным, когда эксперты и специалисты стран-участниц начинают говорить на одном языке.

Надо признать, что на многих направлениях российско-европейского диалога сегодня ощущается явный дефицит в экспертном сопровождении, что не позволяет нам в должной мере воспользоваться благоприятными возможностями, время от времени возникающими на политическом уровне.

Еще одно важное условие успешного функционирования международных режимов безопасности - готовность участвующих сторон изолировать, оградить успешные режимы от возникающих проблем, кризисов и конфликтов в других областях. Современный мир взаимосвязан, режимы неизбежно влияют друг на друга, но нельзя допустить, чтобы сотрудничество в сфере безопасности строилось по наименьшему общему знаменателю. Нельзя позволить, чтобы очередной кризис в отношениях - а такие кризисы возникают время от времени даже в отношениях ближайших союзников - возвращал бы взаимодействие по всем направлениям к нулевой отметке. Практика «увязывания» должна быть решительно отвергнута.

Конечно, речь идет только о «негативном увязывании»: в идеале международные режимы могли бы усиливать друг друга, успех на одном направлении должен стимулировать сотрудничество на смежных направлениях, постепенно расширяя сферу сотрудничества. Таким образом, будет шаг за шагом выстраиваться *система режимов*, обладающая значительной прочностью и сопротивляемостью по отношению к возможным перепадам политической конъюнктуры.

Очевидное преимущество режимов по сравнению с жесткой институциональной системой - их открытость и демократизм. И этим преимуществом следует воспользоваться, открывая возможность для участия всем заинтересованным сторонам - не только государствам или отдельным европейским международным организациям, но и институтам гражданского общества, частному сектору, профессиональным организациям, то есть всем, кто заинтересован в достижении прогресса на данном направлении.

Мы должны научиться формировать максимально широкие коалиции, «критическую массу» самых различных игроков для совместной работы по строительству международных режимов. Эта задача выходит

за рамки традиционной дипломатии, она предполагает использование новых инструментов внешней политики. И нам, и нашим партнерам еще только предстоит осваивать эти инструменты. Здесь потребуются скоординированные усилия широкого круга министерств и ведомств, средств массовой информации и бизнеса, экспертного сообщества и институтов гражданского общества.

Строительство системы режимов международной безопасности в Европе - дело очень трудоемкое, технически весьма сложное и не обещающее быстрых результатов. Вероятно, далеко не все попытки будут успешными, далеко не все режимы окажутся продуктивными.

И все же поступательное движение по длинному пути решения практических проблем европейской безопасности представляется сегодня предпочтительным. Сверхоптимистические цели, продиктованные той или иной политической конъюнктурой, только заморозили бы процесс формирования новой архитектуры безопасности в Европе, включая отношения России с НАТО и Евросоюзом.

В заключение хотел бы подчеркнуть еще раз - у нас, живущих на европейском континенте, не так много времени, чтобы продемонстрировать свою конкурентоспособность в глобальном мире XXI века. Другие страны и народы, другие регионы мира и континенты не будут ждать, пока мы перешагнем через наши взаимные обиды и подозрения, преодолеем старые предрассудки и положим конец мелким дрызгам европейцев между собой. Мир будет идти вперед, и скорость перемен будет только возрастать. Число претендентов на глобальное лидерство тоже будет расти, причем новые потенциальные лидеры будут возникать отнюдь не в Европе. Действуя вместе, дополняя друг друга, Европе и России будет легче не оказаться в числе проигравших в этой глобальной гонке. XXI век не должен стать веком осуществления мрачных пророчеств о закате нашей общей цивилизации.

Ключевые слова: «дорожные карты», «европейская» и «азиатская» модели, отношения России с НАТО и Евросоюзом.

Иван ТИМОФЕЕВ

Программный директор Российского совета
по международным делам
I.Timofeev@russiancouncil.ru

Советы по международным делам: зарубежный опыт и российский проект

Создание Российского совета по международным делам (РСМД) и проведение первого собрания его членов в июле 2011 года породили целый ряд вопросов. В чем специфика новой организации? Каковы сходства и отличия от зарубежных аналогов? Чем она занимается? Каким образом можно принять участие в ее работе? Мы попробуем дать ответы на эти вопросы, ориентируясь на обратную связь наших коллег - дипломатов, сотрудников профильных ведомств, ученых, а также бизнесменов и представителей неправительственных организаций.

Начнем со специфики. Сегодня в мире насчитывается не менее двух десятков советов по международным делам. Их названия варьируются, однако о них можно говорить как об организациях особого типа. Обычно они представляют собой некоммерческие партнерства, то есть подразумевают членство, объединяя различных представителей внешнеполитического сообщества. Нередко их членами являются крупные общественные фигуры. Значительный интерес к подобным организациям проявляет бизнес, ориентированный на внешние рынки или сотрудничество с зарубежными партнерами. Часто советы по международным делам позиционируются как связующее звено между государством, экспертным сообществом, бизнесом и гражданским обществом в реше-

нии внешнеполитических задач и реализации интересов страны. Тем не менее пока трудно говорить о наличии общепризнанных стандартов и правил деятельности. От страны к стране они могут отличаться друг от друга по принципу построения, приоритетам, механизму членства, финансовой базе и иным признакам.

Так, например, в США действует сразу несколько подобных организаций. Наиболее известным и влиятельным, конечно, является Совет по международным отношениям, который базируется в Нью-Йорке. С момента основания в 1921 году его особенность состояла в сильной привязке к интересам бизнеса. Впоследствии он стал также и мощным инструментом деятельности правительства. Со временем Совет в Нью-Йорке выработал известную гибкость в соединении коммерческих и государственных интересов, превратившись в площадку их неформального согласования. Политическая работа Совета базируется на серьезном аналитическом фундаменте - это один из ведущих «мозговых трестов» США в области международной проблематики. Главный его ресурс, несомненно, представлен членской базой, куда входит порядка 4300 представителей внешнеполитического сообщества и около 200 транснациональных корпораций (на правах корпоративных членов).

Советы в странах Западной Европы имеют свою специфику. Здесь роль государственных структур является более выпуклой. Германский совет по международным отношениям, созданный в 1955 году, финансируется МИД ФРГ. Его деятельность получает серьезную донорскую поддержку со стороны частных компаний и фондов, хотя роль бизнеса здесь не столь высока в сравнении с американским аналогом. Членская база также достаточно солидна (2300 членов, представляющих внешнеполитические круги). Примечательно наличие корпоративного членства для зарубежных дипломатических представительств - Совет используется как инструмент взаимодействия с ними. В Германии также опробована модель использования Совета для формирования кадрового резерва на базе молодежной секции.

Во Франции роль такой организации закреплена преимущественно за Французским институтом международных отношений. Здесь значительный акцент сделан на аналитической работе, обеспечении правительства объективными (внепартийными) исследовательскими продуктами. Интересно, что свое будущее институт видит в экспертном сопровождении работы не только французского правительства, но и структур ЕС. Его членская база отличается достаточно большим числом корпоративных (порядка 150), но меньшим в сравнении с немецким аналогом числом индивидуальных членов (около 440 человек).

Британский Чатем Хаус - Королевский институт международных отношений (создан в 1920 г.) также известен своим креном в сторону исследовательской и аналитической работы. Существенным отличием является опора на спонсорскую поддержку, гранты и членские взносы. Государство не финансирует Чатем Хаус.

Интересна попытка создать наднациональную версию совета. В 2007 году начал свою работу Европейский совет по международным отношениям. Он финансируется государственными структурами стран - членов ЕС, а также рядом фондов. Первыми членами стали 50 известных политиков, ученых и общественных деятелей из ЕС и стран-кандидатов. Наряду с исследовательской работой в число приоритетов входит продвижение внешнеполитического курса, основанного на «европейских ценностях».

Следует также упомянуть несколько прецедентов советов по международным делам, созданных за пределами «западного» сообщества. Одним из старейших является Индийский совет по международным делам. С момента своего создания в 1943 году он принимал активное участие в выработке индийского внешнеполитического курса. Его членами являются преимущественно отставные военные, дипломаты, эксперты. В 1989 году Совет по международным отношениям открыт в Израиле. Он строился по модели аналогичного совета в Нью-Йорке, а также - Чатем Хауса. Основной акцент здесь делается на работу с иностранными дипломатами, общественными деятелями, экспертами, обмен мнениями по наиболее актуальным вопросам МО, и особенно проблемам ближневосточной политики. В 2001 году образован Мексиканский совет по международным отношениям. Он стремится к сетевому объединению различных сегментов мексиканского общества, вовлеченных во внешнеполитический процесс (около 400 членов).

Приведенные примеры, конечно, являются далеко не единственными. Однако они достаточны для того, чтобы выделить ряд общих черт подобных организаций.

Во-первых, специфическая организационная форма. Она обычно представлена небольшим аппаратом штатных сотрудников и разветвленной членской базой, объединяющей различных представителей внешнеполитического сообщества. Корпоративные акценты могут отличаться от страны к стране, но определяющую роль играют государственные структуры, бизнес и экспертное сообщество.

Во-вторых, участие в выработке внешнеполитического курса. Практически каждый совет или институт подобного рода является «моз-

говым трестом» - самостоятельным или ассоциированным с правительством. Экспертиза осуществляется штатными сотрудниками либо ведется по проектному принципу, когда эксперты собираются из разных институтов для решения конкретных проблем.

В-третьих, активная работа с зарубежными контрагентами. Советы ориентированы не только на свои страны, но и на зарубежные аудитории. Форматы такой работы могут быть самыми разными - начиная от участия в работе международных организаций и заканчивая непосредственным взаимодействием с зарубежными правительственными и неправительственными структурами. Аналитические и политические комментарии советов зачастую становятся информационными поводами для международных СМИ.

В конечном итоге преимуществом и ценностью советов по международным делам является гибкая структура, что делает их эффективными в использовании механизмов «мягкой силы».

Создавая Российский совет по международным делам, мы учитывали зарубежный опыт, но ориентировались прежде всего на запрос отечественного внешнеполитического сообщества. Распоряжение Президента России о создании Совета задавало в качестве ведущего звена его деятельности экспертно-аналитическую составляющую. Международный опыт показывает, что подобная деятельность является основной практически для всех подобных организаций. Однако вставал вопрос об отличиях РСМД от уже существующих российских «мозговых трестов». Здесь принципиально важным стало то, что Совет задумывался как партнер, а не как альтернатива научным и аналитическим центрам. Задача Совета, грубо говоря, в том, чтобы соединять международные исследования с конкретными проблемами, артикулировать запрос ученым-международникам со стороны практиков, закладывать результаты исследований и экспертизы в проекты политических решений и международных соглашений. В этом смысле РСМД - инициатор и координатор исследовательских проектов, в которых объединяются заинтересованные научные коллективы и которые выполняются для достижения конкретных политических задач. Определяющее значение для успеха реализации этой задачи, несомненно, играют члены Совета. Среди них - как ведущие российские исследователи, так и руководители министерств и ведомств, крупных компаний и корпораций, СМИ, общественных организаций.

Отметим лишь несколько проектов в рамках данного направления. Прежде всего, мы запустили два информационно-аналитических проекта. Первый - «Международные исследования в России». Он направлен на

создание справочника и базы данных российских организаций и экспертов, занимающихся международными исследованиями. Запрос на такой продукт назрел уже очень давно. Его появление существенно облегчит заинтересованным ведомствам поиск организаций и людей для экспертного сопровождения их работ, а для экспертов - поиск партнеров. Важно то, что такой справочник будет существовать в печатной версии и интерактивном виде на интернет-портале РСМД. Второй информационный проект - хрестоматия «Россия в глобальном мире: 2000-2011». Речь идет о большом шеститомном издании, которое объединяет в себе ключевые научные разработки 2000-х годов, созданные российскими международниками. Необходимость этого продукта также очевидна. Он сводит воедино основные достижения наших ученых. Это принципиально важно для доведения этих достижений до уровня практиков, учитывая то, что многие публикации вышли небольшим тиражом и попросту труднодоступны за пределами узких сообществ экспертов.

Мы инициируем и другие исследовательские проекты. В фокусе внимания достаточно широкий круг вопросов: проблематика АТЭС, роль России в «G-20», «G-8» и БРИКС, проблема миграции, ситуация на Ближнем Востоке, отношения с ключевыми зарубежными партнерами. Подчеркнем, что все эти проекты реализуются по запросу и в тесном взаимодействии с заинтересованными государственными структурами. К ряду проектов привлекаются бизнес и НКО. Все проекты проходят тщательный отбор. Проектные предложения принимаются по тематическим направлениям, которые рекомендуются Попечительским советом под председательством Е.М.Примакова. Научный совет (председатель - академик А.А.Дынкин) дает рекомендации относительно содержательного наполнения проектов. Окончательное утверждение проекты получают на заседаниях Президиума РСМД.

Открывая РСМД 20 июля 2011 года, мы заявили не только об исследовательской, но и просветительской направленности работы Совета. Здесь основной целевой аудиторией является перспективная молодежь, а Совет выступает как один из инструментов подготовки кадрового резерва для организаций, участвующих во внешнеполитическом процессе. На данном направлении мы также начали ряд проектов. В октябре стартовал конкурс молодых российских ученых-международников. Его мы осуществляем совместно с Фондом Горчакова. По результатам конкурса мы примем первых членов в молодежную секцию РСМД. Готовится проведение зимней школы для молодых дипломатов и экспертов. Большое внимание уделяется молодежи из российских регионов - стар-

туют совместные проекты РСМД с федеральными университетами - Арктическим, Балтийским, Уральским, Дальневосточным.

Очевидно, что членская база Совета дает ему серьезный ресурс в решении политических задач на уровне публичной дипломатии. Мы провели серию консультаций с нашими перспективными международными партнерами, включая Чатем Хаус и Европейский совет по международным отношениям. В России же нами готовится серия мероприятий под общим названием «Посольские беседы». Этот формат подразумевает диалог ведущих российских политических фигур, включая членов РСМД, с дипломатическими представителями зарубежных государств.

В качестве своего приоритета мы рассматриваем развитие интернет-ресурса Совета. В настоящее время ведется работа над порталом РСМД. Мы закрепляем за ним несколько задач. Во-первых, он выполняет информационно-аналитические функции. На портале публикуются экспертные комментарии, статьи и интервью самого широкого круга представителей отечественного внешнеполитического сообщества и их международных партнеров. Во-вторых, это коммуникационная функция - мы видим портал в качестве площадки для неформального обсуждения проблем внешней политики и международных отношений. Наконец, в-третьих, - это функция своего рода связи с внешним миром. Портал - это в прямом смысле «окно», посредством которого мы планируем обеспечить возможность использования информационных и аналитических ресурсов наших российских и зарубежных партнеров.

В заключение необходимо сказать несколько слов о том, каким образом РСМД может быть доступен для всех тех, кто хотел бы принять участие в нашей работе. В настоящее время в числе членов - 82 основателя РСМД. В дальнейшем их число будет увеличиваться за счет как корпоративных, так и индивидуальных членов в соответствии с рекомендациями Попечительского совета. Далее, формируется экспертный пул РСМД, в который входят как участники исследовательских проектов, так и авторы материалов для нашего портала. Для молодых представителей нашего сообщества открывается молодежная секция. Полагаем важным и то, что ограниченное число членов Совета не отменяет его открытость для самого широкого круга людей, интересующихся внешней политикой и международными отношениями - наш интернет-портал должен дать им такую возможность.

Ключевые слова: Российский совет по международным делам (РСМД), экспертное сообщество, «мозговые тресты», внешнеполитический процесс.

Янис-Алекс ЗЕПОС
Генеральный секретарь
Министерства
иностраннх дел Греции

Оглянитесь назад, чтобы увидеть будущее О Стратегической концепции НАТО

Одним из аспектов международной политики, который чреват диалектическими сложностями на каждом шагу, является попытка облечь формой и содержанием полную уверенность государств - членов НАТО в том, что, сталкиваясь с глобальными вопросами, Североатлантичес-

Янис-Алекс Зепос - член группы экспертов, созданной в 2009 году для предварительной подготовки новой Стратегической концепции НАТО, принятой на саммите в Лиссабоне в 2010 году.

Мнения, содержащиеся в настоящем исследовании, принадлежат автору и не обязательно отражают официальную политику или позицию Министерства иностранных дел Греции.

кий альянс является наиболее функциональным среди множества других трансатлантических организаций. Поскольку в начале XXI века вероятность обычной войны между крупными державами меньше, чем в любой иной момент новейшей истории, фундаментальная основа НАТО испытала серьезные трудности.

1950-1999: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ НАТО ДО И ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Первая Стратегическая концепция НАТО - Стратегическая концепция обороны Северо-Атлантического региона (документ DC6/1), была принята Североатлантическим советом (Совет НАТО) 6 января 1950 года. В документе DC6/1 подчеркивалось, что сдерживание путем устрашения агрессии является основной задачей НАТО. В случае если сдерживание не удавалось и начиналась война., НАТО должно было задействовать вооруженные силы.

Вторая Стратегическая концепция Альянса (документ MC14/1) была одобрена Советом НАТО на министерской встрече в Париже 15-18 декабря 1952 года. Это был ответ НАТО на пересечение северокорейцами 38-й параллели в 1950 году, который закреплял «блоковое мышление» Востока и Запада. Документ MC14/1 содержал положение, что первая и основная цель НАТО - «обеспечить защиту территории НАТО и подорвать волю и способность Советского Союза и его сателлитов вести войну»¹. Документ MC14/1 стал радикальным отступлением от заповедей оборонной направленности документа DC6/1 и первой концепции, которая недвусмысленно призывала к «коллективной обороне, объединенным воинским формированиям под командованием НАТО, а также в перспективе к ведению военных действий на широком театре»².

Подавление венгерского восстания и Суэцкий кризис 1956 года привнесли новую динамику в холодную войну, и это стало отличительной чертой стратегического мышления, вытекающей из документа MC14/2, третьей Стратегической концепции НАТО, принятой 23 мая 1957 года. Усложнившаяся международная обстановка, в частности, развертывание советских бомбардировщиков с ядерным оружием и ракет, показала актуальность главной рекомендации новой концепции Альянса - необходимость приступить к существенному наращиванию ядерной мощи для осуществления политики, которая сегодня обычно именуется доктриной «массированного возмездия».

Стремление Советского Союза достичь ядерного паритета с Соединенными Штатами поставило под вопрос желание НАТО развернуть ядерное оружие для обеспечения целей безопасности и вынудило переоценить зависимость от массированного ядерного возмездия. Соединенные Штаты рассматривали возможные альтернативы массированному ядерному возмездию на основе эффективных неядерных возможностей, которые были бы совершенно необходимы для максимального сдерживания со стороны НАТО и существенны для обороны в Западной Европе. На встрече министров обороны НАТО в Афинах в 1962 году министр обороны США Роберт Макнамара обобщил аргументы администрации США в заявлении, бесспорно непринятом его западноевропейскими коллегами. Макнамара применил шоковую терапию в попытке вдохнуть большую гибкость в ядерную стратегию НАТО. Заявление Макнамары, выдержанное в агрессивной стилистике, напугало западноевропейские правительства, которые подозревали, что администрация США намеревается существенно снизить возможности НАТО полагаться на американское ядерное оружие. Важным результатом сложных и зачастую острых переговоров по ядерной стратегии НАТО стал выход Франции из объединенной структуры военного командования НАТО в 1966 году.

Именно на этом фоне должно было рассматриваться принятие Комитетом военного планирования НАТО 12 декабря 1967 года четвертой Стратегической концепции альянса (документ МС14/3, окончательная версия была утверждена 16 января 1968 г.). Среди основных изменений, вызванных новым мышлением в требованиях политики сдерживания НАТО, было одобрение доктрины «гибкого реагирования». Как утверждает Стэнли Слоун, «новая ядерная доктрина не урегулировала американские и европейские разногласия по ядерной стратегии, но обеспечила формулой, которая была достаточно гибкой для достижения политического доверия с обеих сторон Атлантики - по крайней мере на некоторое время»³.

Документ МС14/3 был принят, но не менее важным для будущего НАТО стал обширный обзор политики в области безопасности, одобренный в 1967 году и известный как «доклад Армеля». Очевидно, важной новизной в докладе стало объяснение необходимости для НАТО далее адаптировать свою роль для совмещения сложного взаимодействия между внутренними потребностями, связанными с развитием отношений США с их западноевропейскими союзниками, и внешним давлением противостояния между Востоком и Западом середины 1960-х годов.

Трансформация структуры международной системы в 1990-х годах

была обширной и глубокой. Новая конфигурация в сфере безопасности была создана вторжением Ирака в Кувейт в августе 1990 года и революционными изменениями, которые произошли в Центральной и Восточной Европе: драматическим падением Берлинской стены 9 ноября 1989 года, объединением Германии, коллапсом коммунистической власти в Восточной Европе, возвращением советских войск в границы СССР, а также демонтажем Варшавского договора.

На фоне этих международных событий было мало оснований считать, что НАТО будет продолжать следовать шаблону действий, которые она предпринимала в период холодной войны. Стратегическая концепция НАТО 1991 года, таким образом, отражает тот факт, что союзникам было необходимо импровизировать, нельзя было мыслить в терминах одного, заранее «назначенного» врага и необходимо было использовать возможности формирования долгосрочных стратегических решений в свете создавшихся предпосылок нового примирения Востока и Запада.

Стратегическая концепция НАТО 1991 года, которая была согласована с главами государств и правительств, участвовавших в саммите НАТО в Риме 7-8 ноября 1991 года⁴, резко контрастирует с «концепциями времен холодной войны, которые легко идентифицировали противника - Советский Союз и определяли основные принципы для военной обороны Альянса»⁵. В соответствии со Стратегической концепцией 1991 года проблемы безопасности и риски, с которыми сталкивается НАТО, имели «многогранный характер и были разнонаправленными, в связи с чем их трудно предсказать и оценить».

В отношении характера Альянса римский документ подтвердил, что «НАТО воплощает в себе трансатлантические связи, которыми безопасность Северной Америки постоянно связана с безопасностью Европы». Что же касается основной цели НАТО, то в Стратегической концепции 1991 года утверждается, что необходимо «защищать свободу и безопасность всех своих членов политическими и военными средствами в соответствии с принципами Устава Организации Объединенных Наций».

Стратегическая концепция НАТО 1991 года - первая концепция, которая была представлена общественности, зародила динамичный и позитивный климат в Альянсе. 1991 год принес с собой понимание того, что реформы, и политические корректировки, и адаптации были бы необходимы в будущем.

Фрагментация СССР в декабре 1991 года, преимущества от расширения НАТО за счет стран Центральной и Восточной Европы, кризис в

бывшей Югославии, операции в Боснии и Косове, озабоченность вопросами кризисного управления и операциями по поддержанию мира, взаимосвязь между осуществляемыми вне рамок статьи 5 Устава блока миссиями НАТО и Организацией Объединенных Наций - все это составило в 1990-х годах содержание дискуссий между союзниками по НАТО и предопределило параметры Стратегической концепции НАТО 1999 года, которая была принята на саммите в Вашингтоне 23-24 апреля 1999 года⁶.

Окончательное соглашение по многим вопросам, касающимся роли НАТО, было достигнуто благодаря особой переговорной активности, в том числе и на высшем уровне, в течение нескольких недель предшествовавшей Вашингтонский саммит НАТО. Основным стимулом к соглашению было широко распространенное общее убеждение, что если Альянс не сможет добиться соглашения по обновленной Стратегической концепции, то он упустит свой шанс сыграть подобающую ему роль на международной арене.

Что касается задач, изложенных в параграфе 10 Стратегической концепции НАТО 1999 года, то они стали в основном продолжением соответствующих положений Стратегической концепции 1991 года. Тем не менее в новой концепции выражалась важная и значительно расширенная приверженность государств - членов блока НАТО к укреплению безопасности и стабильности в Евро-Атлантическом регионе. В соответствии с параграфом 10 Стратегической концепции НАТО конкретными целями, которые должны быть приняты во внимание, стали «антикризисное управление» и «партнерство».

Стратегическая концепция включает подтверждение способности НАТО «внести свой вклад в предотвращение конфликтов и урегулирование кризисов путем проведения операций кризисного реагирования вне рамок статьи 5 Североатлантического договора». Комментируя это, Дженнифер Медкалф* писал: «Санкционируя миссии в Евро-Атлантике вне рамок статьи 5 Североатлантического договора, Стратегическая концепция НАТО 1999 года закрепила операции вне зоны ответственности в качестве ключевого компонента периода реформ НАТО после холодной войны и подтвердила эволюцию НАТО из института обороны Западной Европы, при сохранении своей оборонительной роли, в институт, играющий стабилизирующую роль в Европе в целом»⁷.

* Дженнифер Медкалф - преподаватель международных отношений Университета города Бат, Великобритания. - Прим. ред.

Решения, принятые на Вашингтонском саммите, были достаточно неоднозначны, чтобы делать поправку в обновленной Стратегической концепции на выражение предпочтений и болезненных реакций государств - членов НАТО. Однако, по выражению Слоана*, «[Вашингтонский саммит] не... вымостил курс для следующего десятилетия НАТО. Это заставило начать движение по верному пути, но многие важные вопросы остались без ответа»⁸.

ДОКЛАД ГРУППЫ ЭКСПЕРТОВ

После того как наступило успокоение в геополитическом пространстве Альянса после террористических атак 11 сентября 2001 года, когда впервые в истории НАТО применила статью 5 Устава блока, после войны в Ираке в 2003 году, военных действий в Афганистане вне региона НАТО, а также кризиса в Грузии, руководители Североатлантического союза, сбитые с толку смешением акторов в международной среде, где препятствия и возможности не были четко видны, пришли в себя, чтобы пересмотреть и расширить задачи Альянса, начав процесс разработки новой стратегической концепции для того, чтобы обеспечить выживание НАТО и его дальнейшую жизнеспособность**.

Альянс подал знак о том, что он с энтузиазмом относится к созданию новой концепции в виде принятия главами государств и правительств НАТО на саммите в Страсбурге/Келе 3-4 апреля 2009 года «Декларации о безопасности Североатлантического союза». В нем генерального секретаря НАТО призвали «созвать и возглавить широкую группу квалифицированных экспертов, которые в тесном взаимодействии со всеми государствами - членами блока заложат основу для разработки новой стратегической концепции НАТО и представят предложения по ее осуществлению» на саммите в Лиссабоне в 2010 году⁹. Генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмуссен 3 августа 2009 года назначил членами группы 12 человек из союзных стран в личном качестве, с тем чтобы они

*Стэнли Р. Слоан - директор «Инициативы атлантического сообщества», журналист, 25 лет работал главным специалистом по вопросам международной безопасности в Исследовательской службе Конгресса США. - Прим. ред.

**A first moderate attempt to improve the 1999 Strategic Concept was the «Comprehensive Political Guidance» that was endorsed by the Heads of State and Government at the Riga Summit in November 2006.

могли представлять широкий круг союзников, а также широкий диапазон навыков и опыта.

Группа экспертов должна была заниматься работой по широкомасштабному и открытому анализу изменений в глобальной безопасности для текущих и будущих задач Альянса.

Группе экспертов было предложено использовать два отдельных этапа:

1. *Фаза раздумья* - серия из четырех семинаров, на которых были представлены взгляды различных экспертов по ключевым вопросам, которые стояли перед Альянсом. Цель семинаров заключалась в содействии международной дискуссии экспертов по вопросам обороны и внешней политики, а также подготовке тщательно продуманных советов, как далеко «мыслить немислимое», по ключевым вопросам, стоящим перед Альянсом, отклоняясь от традиционных представлений практиков, участвующих в разработке и осуществлении политики НАТО, в свете международной обстановки, которая переживает быстрые и радикальные трансформации. В дополнение к четырем семинарам Группа экспертов занималась рядом структурированных диалогов в целях изучения различных вопросов, представляющих особый интерес для государств - членов НАТО, включая посещение Москвы в феврале 2010 года с целью лучшего понимания российского взгляда на НАТО и на безопасность в Евро-Атлантическом регионе и за его пределами. Помимо этого, с самого своего основания Группа провела регулярные встречи с военным руководством НАТО и получила советы от гражданских ученых и от определенного числа отставных офицеров, которые занимались проблематикой НАТО.

2. *Этап консультаций* в столицах государств - членов НАТО. В марте 2010 года члены Группы экспертов посетили столицы государств - членов НАТО для целей консультаций и фактического ознакомления.

Группа представила промежуточный отчет Совету НАТО 24 ноября 2009 года, 17 мая 2010 года представила свой окончательный доклад. Доклад назывался «НАТО 2020: Гарантированная безопасность, динамичное взаимодействие. Анализ и рекомендации Группы экспертов по новой Стратегической концепции НАТО»¹⁰. Документ представлял резюме выводов (первая часть) и содержал более детальное рассмотрение основных вопросов (вторая часть).

С целью повышения эффективности основных обязательств НАТО по коллективной обороне Группа полагала, что важное значение для Альянса имеет подкрепление своих обязательств по защите государств-

членов от вооруженной агрессии не только основным военным потенциалом, но также планированием, учениями по сосредоточению, готовностью сил и качественной логистикой. По вопросу о нетрадиционных угрозах Группа заявила, что они включают в себя нападения с применением оружия массового уничтожения, террористические удары и усилия по нанесению вреда обществу при помощи кибератак или незаконного нарушения важных линий снабжения. В документе также предлагалось снабдить Альянс набором руководящих принципов с целью иметь лучшую методику принятия решений, когда и где применять свои ресурсы за пределами границ ответственности НАТО. В то же время потенциал для консультаций, предоставляемый статьей 4 Устава НАТО, должен был быть более креативным и чаще использоваться.

По вопросу о партнерстве Россия - НАТО Группа считает, что НАТО никогда не представляла военной угрозы для России и не считает Россию военной угрозой для Альянса. Хотя с обеих сторон сохраняются сомнения о намерениях и политике других, Группа сочла, что НАТО должна проводить политику взаимодействия с Россией, одновременно заверив все государства блока, что их безопасность и интересы будут защищены. Что касается расширения НАТО, то в докладе признается необходимость того, что для государств, которые выразили свое желание вступить в НАТО, процесс должен двигаться вперед, по мере того как эти государства выполняют требования членства в Альянсе. В документе также говорится, что Альянс должен располагать четким изложением оборонных приоритетов, которые сопровождалось бы согласованным набором реформ и набором существенных рационализаторских и новых возможностей.

Касаясь роли ядерного оружия, Группа экспертов НАТО выступила за поддержание безопасных и надежных ядерных сил до тех пор, пока существует ядерное оружие. В отношении противоракетной обороны Группа считает, что сотрудничество внутри Альянса, а также между НАТО и ее партнерами, в частности с Россией, было бы весьма желательным.

В целом, по словам Клауса Виттманна*, Группа экспертов «проделала хорошую работу, «взрыхлила почву» при подготовке консенсуса, разогревая общественное обсуждение и интерес к НАТО, вовлекла в обсуждение стратегическое сообщество, обеспечила транспарентность

*Клаус Виттманн - бригадный генерал ФРГ в отставке, в прошлом - директор Академического планирования и политики Колледжа обороны НАТО в Риме. - Прим. ред.

дискуссии, а также побудила государства - члены НАТО «приоткрыть карты» и уточнить свою позицию»¹¹.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ НАТО 2010 ГОДА: УСТРЕМЛЕНИЯ, СООТВЕТСТВУЮЩИЕ РЕАЛИЯМ

Взяв за отправную точку изложенные в докладе Группы экспертов принципы и предварительную реакцию союзников, Генеральный секретарь НАТО представил Совету НАТО 17 сентября 2010 года свой собственный доклад об элементах новой стратегической концепции блока. Процесс написания новой концепции вошел в свою третью и заключительную фазу - разработка и окончательное согласование. 19 ноября 2010 года на саммите в Лиссабоне новая Стратегическая концепция НАТО «Активное вовлечение, современная оборона» была одобрена главами государств и правительств стран Альянса, которые стремились изложить свою позицию в мировых делах¹².

Первый раздел Стратегической концепции НАТО 2010 года включает в себя повторение долгосрочных целей НАТО, и ключевых ценностей, и принципов, в то время как второй устанавливает три существенные основные задачи Альянса: коллективная оборона, кризисное управление; безопасность на основе сотрудничества. Документ затем переходит к описанию обстановки в области безопасности. В соответствии с концепцией угроза неядерной атаки в отношении территории НАТО «низка». Тем не менее «ее игнорировать нельзя». В документе говорится, что неконвенциональные угрозы блоку и гражданам стран НАТО в настоящее время включают распространение баллистических ракет, ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения и средств его доставки, терроризм, нестабильность или конфликты за пределами границ НАТО, кибератаки, угрозы жизненно важным каналам связи, транспорта и транзита, а также ключевые ограничители, связанные с окружающей средой и ресурсами. Значение, которое придается нетрадиционным угрозам, нашло свое отражение в создании Отдела по новым вызовам в сфере безопасности в штаб-квартире НАТО. Этот отдел нацелен на обеспечение нового подхода для лучшей оценки тенденций в области безопасности, на оценку их возможных последствий для Альянса и на то, как НАТО может лучше подготовиться к столкновению с нетрадиционными угрозами.

По вопросу о кризисном регулировании в пункте 21 Стратегической концепции НАТО 2010 года подчеркивается, что «для эффективного кризисного урегулирования необходим всеобъемлющий политический, гражданский и военный подход». Кроме того, концепция включает в себя подтверждение того факта, что широкая сеть партнерских отношений НАТО со странами и организациями по всему миру является «конкретным и ценным вкладом в успешное решение фундаментальных задач, стоящих перед НАТО», и дает значительный импульс усилиям по ускорению процесса их укрепления «через гибкие форматы, объединяющие НАТО и партнеров вместе, - внутри и за пределами существующих структур».

В документе подчеркивается, что Альянс должен заложить основу для углубления политического диалога и практического сотрудничества с Организацией Объединенных Наций и полностью укрепить стратегическое партнерство с ЕС «в духе полной взаимной открытости, транспарентности, дополняемости и уважения автономности и институциональной целостности обеих организаций». Начиная с предпосылки, что «сотрудничество НАТО и России имеет стратегическое значение, поскольку способствует созданию общего пространства мира, стабильности и безопасности», Стратегическая концепция НАТО 2010 года утверждает, что одной из главных целей НАТО является формирование подлинного стратегического партнерства с Россией.

В документе также подчеркивается, что приоритетное внимание должно быть уделено развитию «отношений дружбы и сотрудничества со всеми странами Средиземноморья» и «глубокого партнерства в области безопасности» с партнерами Альянса в Персидском заливе. Параграф 27 концепции гласит, что «дверь к членству в НАТО остается полностью открытой для всех европейских демократий, которые разделяют ценности нашего Альянса, желают и могут взять на себя ответственность и обязательства членства и чье вступление может способствовать общей безопасности и стабильности».

Хотя Стратегическая концепция НАТО 2010 года сама по себе является радикальным отходом от концепций 1991 и 1999 годов, она включает в себя многие принципы из предыдущих концепций, которые были проверены и не потеряли сегодня своей актуальности, такие как обеспечение свободы и безопасности всех государств - членов НАТО политическими и военными средствами; приверженность Уставу Организации Объединенных Наций; сохранение традиционной значимости статьи 5 Устава НАТО как основы Альянса; сдерживание, основанное на надлежащем сочетании ядерных и обычных вооружений. Как под-

черкнул Джейми Шей*, «не существует, конечно, ничего плохого в подтверждении основных ценностей и принципов Альянса. В этом контексте некоторые аспекты новой Стратегической концепции НАТО можно рассматривать как попытку возродить то, что НАТО в прошлом осуществляло чаще, как попытку внести совершенно новые вещи на повестку дня Альянса»¹³.

Новая стратегическая концепция формулирует полностью всеобъемлющее политическое видение международной безопасности с четкими стратегическими целями; определяет характер в средне- и долгосрочной перспективе угроз коллективной безопасности НАТО и определяет возможности и инструменты, которые союзники считают наиболее эффективными для ответа на эти угрозы, а также взаимосвязь между ними. Новая концепция позволяет НАТО поддерживать свою способность справляться с непосредственными вызовами в области безопасности и в то же время все лучше реагировать на неожиданности и адаптироваться к выявленным непредвиденным угрозам, которые могут принимать множество разных форм, делая, таким образом, безопасность следующего десятилетия более размытой. Благодаря постоянным консультациям, в соответствии со статьей 4 Устава НАТО государства-члены могут «думать вслух» о проблемах безопасности и пытаться находить общие точки зрения для координации своих позиций и формирования общей политики. Открытость, доверие и обмен информацией как для облегчения, так и для структурирования коммуникации в соответствии с общими договоренностями могут стать эффективными мерами по укреплению доверия между государствами - членами НАТО в международной политике, политике безопасности и политике в области обороны.

Сохраняя нетронутым присущее статье 5 Устава НАТО обязательство осуществлять коллективную оборону в случае вооруженного нападения на государство - член Альянса, новая Стратегическая концепция НАТО 2010 года содержит заявление всех государств - членов блока, что они осознают, что их безопасность должна быть неделимой и ставит перед НАТО важную задачу, которая их объединяет. Кроме того, приверженность НАТО коллективной обороне усиливает способность блока выполнять новые задачи и миссии вне рамок статьи 5 Устава НАТО, включая вопросы, связанные с нераспространением оружия

* Джейми Шей - заместитель помощника генерального секретаря НАТО по новым вызовам безопасности. - Прим. ред.

массового уничтожения, борьбой с современным международным терроризмом, а также предоставляет возможности решений по борьбе с угрозами безопасности, возникающими вне пределов территориальной ответственности НАТО. Форма и масштаб вклада Альянса в устранение нетрадиционных угроз в зависимости от наличия ресурсов заключаются в двух основных моментах: во-первых, ни одна из новых нетрадиционных угроз не являются чисто военной или управляемой только военными средствами, а во-вторых, основным источником международной легитимности является Организация Объединенных Наций. С этой точки зрения, когда НАТО проводит миссии вне рамок статьи 5 своего Устава, в которых как единое целое блок сталкивается с вопросом, влияющим на безопасность государств - членов Альянса или безопасность международной системы, необходимо определять цели, разрабатывать конкретные стратегии для их достижения, осуществлять избранную политику, предоставлять необходимые ресурсы для проведения такой политики, устанавливать определенную форму политической оценки, чтобы гарантировать, что цели выполняются с тем, чтобы уменьшить вероятность применения статьи 5 Устава НАТО.

Стратегическая концепция НАТО 2010 года определяет значение эффективного противостояния новым глобальным вызовам, которые требуют многофакторных ответов. Решение этих проблем в глобальном масштабе означает, что Альянс должен систематически оценивать свои соответствующие сравнительные преимущества, сильные и слабые стороны и что он работает на взаимодополняющей основе со своими партнерами и международными организациями. Вклад НАТО в «комплексный подход» к международной безопасности должен рассматриваться как стремление Альянса к более целостному подходу в обеспечении безопасности и признании взаимной ответственности и ответственности за реализацию политики безопасности на основе индивидуальных и взаимных обязательств по договорам с партнерами и международными организациями.

Новая Стратегическая концепция НАТО 2010 года говорит, что существующие и будущие вызовы безопасности требуют интегрированного ответа, того, который объединяет огромное разнообразие военных и гражданских инструментов. Ни НАТО, ни Европейский союз не могут развиваться друг без друга, обеспечивая повышение безопасности для своего развития и реформ, в контексте стратегической обстановки, которая больше не является результатом противостояния супердержав. Есть веские причины, которые вызывают и сохраняют расширение сотруд-

ничества между двумя организациями: есть значительное совпадение в членстве; члены двух организаций сталкиваются с сокращением оборонных бюджетов; современные кризисы и риски в области безопасности, которые могут быть лучше всего описаны как темный аспект глобализации, требуют прагматичных решений. Активизация сотрудничества и политическое взаимодействие между НАТО и Европейским союзом были бы прочнее, если бы две организации подчеркивали важность двустороннего сближения. Такой подход способствовал бы приверженности всех государств этих двух организаций взаимовыгодному сотрудничеству и эффективному и быстрому реагированию на непредвиденные опасности.

В отношении России Стратегическая концепция НАТО 2010 года выделяет два принципа: НАТО не представляет угрозы для России; сотрудничество НАТО и России имеет стратегическое значение, поскольку способствует созданию общего пространства мира, стабильности и безопасности. Требуется еще много работы, для того чтобы разработать ряд совместных стратегий для лучшего решения общих транснациональных проблем, таких как нераспространение ракетных технологий. Используя в полной мере потенциал Совета Россия - НАТО, в настоящее время пока не реализованный, НАТО и Россия смогут участвовать в совместных продуктивных обсуждениях, которые смогли бы повысить уровень европейской и евроатлантической безопасности и стабильности, служа на благо Альянса и России. В ходе этого процесса необходимо учитывать интересы России и НАТО и как материальный фактор в разработке политики в международной сфере и в области безопасности, и как формирующую силу в создании восприятия взаимных интересов и ценностей.

Согласно новой концепции, мы живем в «непредсказуемом мире». Прогнозирование будущего всегда сопряжено с неопределенностью. Есть несколько потенциальных путей, по которым система международной безопасности могла бы пойти в течение следующей четверти века. Альянс должен использовать аналитические инструменты с достаточной предусмотрительностью, чтобы давать обоснованные прогнозы относительно того, с каким миром НАТО придется столкнуться в ближайшие годы. Будучи оборонной организацией, НАТО должна сосредоточиться на тенденциях, которые могут привести к нестабильной среде или стать фактором риска для безопасности членов Альянса. Не полагаясь на единый взгляд в оценке будущего, те, кто занимается планированием в НАТО, должны предложить репрезентативный спектр различных сценариев «будущего мира» в надежде, что они проиллюстрируют полную карти-

ну предстоящих миссий. Эти сценарии будут созданы путем смешивания геополитических, экономических, демографических, технологических и экологических ключевых региональных и глобальных тенденций и станут дополнением к прямолинейным прогнозам, которые постулируют магистральные сценарии, являющиеся, как правило, одномерными представлениями о возможном развитии будущего. Более того, этот процесс должен быть дополнен информацией от прорывных сценариев, опережающих традиционное мышление и базисные допущения, для того чтобы могли быть разработаны эффективные стратегии, учитывающие корневые взаимодействия, которые могут иметь особое политическое значение, что хотя бы частично оградит союзников от превратностей будущего эпохи большой неопределенности.

Очевидно, что вооруженные силы государств - членов НАТО встретятся с жесткими по скорости, размерам и масштабам решениями по их трансформации. Подчеркивая аспекты, которые могут поставить под угрозу безопасность и стабильность во все более взаимозависимом мире, Стратегическая концепция НАТО 2010 года представляет военную стратегию противодействия ожидаемым вызовам безопасности. В этом качестве стратегия определяет как современные экспедиционные вооруженные силы, так и возможности военных по стабилизации и восстановлению для противодействия рискам будущего. Учитывая, что в Европе сокращение оборонных расходов является политически и финансово неизбежным, переход к «Умной обороне», как ее называет генеральный секретарь НАТО, может оказаться шагом в правильном направлении. По словам Расмуссена, «Умная оборона» - это не то, что НАТО навязывает народам. Речь идет о том, чтобы позволить им работать лучше, более эффективно и совместно. Роль НАТО состоит в выборе стратегического направления, определении возможных направлений сотрудничества, выполнении роли координационного центра и обмена передовым опытом»¹⁴.

В заключение можно сказать, что Стратегическая концепция НАТО 2010 года являет собой новый коллективный и динамичный ответ на важнейшие вопросы международных отношений, способствует достижению совместных результатов, преобразовывая общие ценности и устремления в инновационную политику и динамику, обеспечивая при этом Североатлантический блок необходимым стратегическим руководством для его будущего курса в сфере международной безопасности.

¹Ibid.

²*Kugler Richard L. and Binnendijk Hans. Should NATO Write a New Strategic Concept? (2008) Hans Binnendijk and Gina Cordero (eds.) // Transforming NATO. An NDU Anthology. Center for Technology and National Security Policy at the National Defence University. Washington, D.C. December 2008. P. 291.*

³*Sloan Stanley R. NATO, the European Union, and the Atlantic Community. The transatlantic bargain reconsidered. Rowman & Littlefield, Lanham, Boulder. New York and Oxford, 2003. P. 55.*

⁴The Alliance's Strategic Concept (1991) Towards the New Strategic Concept. A selection of background documents. NATO Public Diplomacy Division. Brussels, April 2010.

⁵*Ringsmose Jens and Rynning Sten. Taking Stock of NATO's New Strategic Concept Jens Ringsmose and Sten Rynning (eds.) // NATO's new Strategic Concept: A comprehensive assessment. DIIS Report 2011:02. Danish Institute for International Studies. Copenhagen, 2011. P. 9.*

⁶The Alliance's Strategic Concept (1999) Towards the New Strategic Concept...

⁷*Medcalf Jennifer. NATO. A beginner's guide. Oneworld. Oxford. 2005. P. 60.*

⁸*Sloan Stanley R. Permanent Alliance? NATO and the Transatlantic Bargain from Truman to Obama. Continuum. New York and London, 2010. P. 167.*

⁹The Declaration on Alliance Security (2009) Towards the New Strategic Concept...

¹⁰For the full text see: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_63654.htm

¹¹*Wittmann Klaus. An Alliance for the 21st Century? Reviewing NATO's New Strategic Concept Ringsmose and Rynning. NATO's new Strategic Concept: A comprehensive assessment... P. 33.*

¹²For the full text see: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_68580.htm

¹³*Shea Jamie. What does a New Strategic Concept do for NATO? Ringsmose and Rynning. NATO's new Strategic Concept: A comprehensive assessment... P. 26.*

¹⁴*Rasmussen Anders Fogh. Speech at the 47th Munich Security Conference. 2011 // <http://www.securityconference.de/Rasmussen-Anders-Fogh.706+M53db17c337d.98html?&L=L>*

Ключевые слова: стратегическая концепция НАТО, Суэцкий кризис, второй Берлинский кризис, «доклад Армея».

Народная дипломатия Московской городской думы

«Международная жизнь»: Владимир Михайлович, столичная Дума избирается для того, чтобы принимать законы и заниматься развитием города. Но вы активно занимаетесь и международными связями. Для чего они депутатам?

Владимир Платонов, председатель Московской городской думы: Городская дума осуществляет международные связи с целью более эффективного решения проблем городского управления, внедрения различных передовых технологий. В состав зарубежных делегаций, которые к нам приезжают, обычно входят не только депутаты, причем представители всех фракций без исключения, но и представители исполнительной власти. Это нормальная международная практика.

Интервью подготовил эксперт журнала «Международная жизнь» Сергей Филатов.

Мы представляем граждан во власти, и наша задача в международной деятельности прежде всего состоит в том, чтобы столичным жителям было комфортно в других государствах и, соответственно, иностранцам в Москве.

«Международная жизнь»: Владимир Михайлович, известно, что у Московской городской думы подписаны более 20 соглашений с органами законодательной власти в том или ином городе мира.

В.Платонов: Не только с законодательными, но и с некоторыми представительными органами власти столиц.

«Международная жизнь»: Среди городов, с которыми у вас есть эти связи, - Берлин, Пекин, Киев, но крупных городов не очень много. По каким критериям вы договариваетесь с вашими коллегами и заключаете соглашения?

В.Платонов: Да, действительно, наиболее тесные и стабильные контакты у нас сложились с Берлином, Брюсселем, Веной, Краковом, Пекином, Улан-Батором. С Краковом, древней столицей Польши, удалось наладить хорошие отношения с 1997 года. Это не только обмен делегациями и опытом парламентов. Совместно с исполнительной властью столицы мы провели Дни Москвы в Кракове и Дни Кракова в Москве. В ходе Дней Москвы в Кракове выступали наши фольклорные коллективы, а также была организована выставка: мы привезли костюмы конца XIX века, которые в Кракове были показаны в интерьерах, соответствующих той эпохе. Это было очень интересно и познавательно.

Мы выстраиваем партнерские отношения с различными городами, берем на вооружение их полезный опыт. Хотя не всегда зарубежная практика применима у нас, поскольку в различных странах живут люди с разным менталитетом, с иным отношением к праву, законам. Но в любом случае зарубежный опыт для нас очень интересен. Мы прекрасно понимаем, что поездки делегаций очень важны, но сейчас мы предлагаем современные способы коммуникаций, развиваем сотрудничество через Интернет. Это требует постоянной кропотливой работы: открытие и создание сайта, заявление интересных и полезных тем, их обсуждение, обмен опытом. Уверен, что за этим будущее.

«Международная жизнь»: Вы несколько раз повторили слово «опыт». Можете привести какие-то примеры? Как обогащает работу Москвы опыт других городов, с которыми вы общаетесь, сотрудничаете?

В.Платонов: Например, мы внимательно изучали опыт по организации работы такси в разных городах. Такой вольницы, которая была у нас, когда любой человек мог заявить, что он будет заниматься частным извозом, но при этом не платить никакие налоги, да еще возить людей, не зная города, на старой, страшной машине, - трудно найти в других странах. Во всех зарубежных городах очень жесткая система такси, которая находится под контролем властей. Меня удивило, когда я увидел в Лондоне людей на велосипедах и мотоциклах с картой города. Подумал, что это новый вид туризма. Но мне объяснили, что эти люди готовятся стать таксистами. Претенденту нужно сдать экзамен: на память назвать три наикратчайших маршрута между теми адресами, которые укажут. И плюс к тому еще не забыть присягнуть английской королеве. И только после этого он сможет получить лицензию. А лицензий в Лондоне ограниченное количество. И все это организовано государством. Похожие требования к таксистам практически во всех городах мира. Мы сейчас внесли изменения в федеральное законодательство, которое наконец позволит субъектам Федерации взять такси под контроль. И когда оно будет под контролем, мы спокойно можем добиваться, чтобы такси было еще одним из видов общественного транспорта.

«Международная жизнь»: Скажите, пожалуйста, а что, например, дают связи с Пекином?

В.Платонов: Это нужно для лучшего понимания друг друга, а также для обмена опытом. Они с интересом смотрят на наше законодательство, как организована представительная власть. Конечно, там есть своя специфика, поскольку в Китае одна партия существенно доминирует во власти. Но есть общие для всех городов проблемы: организация работы и движения транспорта, социальная защита граждан, борьба за чистый воздух, с преступностью и другие.

«Международная жизнь»: А как складываются отношения с Киевом, который называют «матерью городов русских»? Можно предположить, что у вас здесь очень широкое поле для сотрудничества.

В.Платонов: Несколько лет назад мы с киевлянами впервые подписали протоколы о сотрудничестве. В прошлом году визит делегации Москвы в Киев был приурочен к торжественной церемонии вручения Международной литературной премии имени Юрия Дол-

горукого, которая учреждена для писателей и поэтов, пишущих свои произведения на русском языке. С удовольствием исполняю почетную обязанность сопредседателя Фонда имени Юрия Долгорукого. Этот конкурс начинался на территории Украины и Белоруссии, а сейчас он охватывает и СНГ, и страны Балтии.

Конечно, мы встречаемся с нашими украинскими коллегами, налажен обмен опытом. Мы не воспринимаем друг друга как иностранцы, у нас один и тот же менталитет, ведь мы вышли из Советского Союза. Им интересно, как у нас развивается городское хозяйство. Для нас, например, необычны страсти, которые разгораются в киевском парламенте. Я с удивлением увидел там «линию обороны», устроенную для того, чтобы никто не проник и не захватил аппаратную. У нас все гораздо проще и нет, слава богу, необходимости устраивать внутри парламента такие заграждения, чтобы оппозиция не захватила микрофон.

«Международная жизнь»: Раз уж мы вспомнили Украину, давайте поговорим о ваших связях с Севастополем.

В.Платонов: Действительно, связи у нас очень хорошие с начала 1990-х годов. Первые контакты были установлены по инициативе депутатов Моссовета, потом мэрия столицы активно подключилась к этой работе. Но надо сказать честно: это не только Москва организовывала поддержку Севастополя. Когда впервые 15 лет назад я оказался там на праздновании Дня Военно-морского флота, то увидел представителей всех близлежащих к Украине регионов России. И каждый регион приезжал к морякам и севастопольцам с подарками. Конечно, Москва помогала морякам-черноморцам: построила дома, оснастила школы, открыла филиал Московского государственного университета. Безусловно, сделано много. Наверное, это один из самых крупных городов вне России, где преобладающее население говорит на русском языке. У нас хорошие отношения и с Севастопольским городским советом, ежегодно депутаты Севастополя посещают Московскую городскую думу для ознакомления с опытом законотворческой деятельности московских депутатов. Мы регулярно обмениваемся делегациями, и дружеские отношения успешно развиваются.

«Международная жизнь»: Насколько я помню, первое международное соглашение, подписанное Московской думой, было с Таллином.

В.Платонов: Да, это было «пробное» соглашение, которое с МИД России согласовывалось целый год. Поэтому мы вышли на более упрощенную форму - Протокол о сотрудничестве между парламентами, между представительными органами власти городов. И это сотрудничество продолжается. Недавно в Таллине проходила конференция, посвященная вопросам жилищно-коммунального хозяйства, и наш депутат выступил там с докладом. Слышал много лестных отзывов о его выступлении, в котором он поделился нашим опытом в сфере ЖКХ, поскольку в Таллине схожие проблемы.

«Международная жизнь»: Неужели им интересен московский опыт?

В.Платонов: Конечно, как и нам интересен их опыт, из которого мы можем взять что-то полезное для нашего города, именно то, что для нас приемлемо. Недавно была интересная встреча с мэром Таллина Эдгаром Сависааром. Мы договорились о возможном трехстороннем сотрудничестве с участием коллег из Берлина, ведь мы находимся близко друг от друга - на территории Европы.

«Международная жизнь»: Скажите, как сказывается на отношениях с вашими таллинскими коллегами и партнерами история по переносу памятника советскому воину-освободителю?

В.Платонов: Это было решение правительства Эстонии, а не городских властей. Как только нам стало известно о таких планах, мы направили обращение нашим коллегам, чтобы они воспрепятствовали этому. Мы редко принимаем какие-то политические заявления и обращения, подобное происходит лишь в крайних случаях. Но, повторяю, в Таллине решение было принято без участия городских властей.

Государства, вышедшие из советского пространства, лучше понимают друг друга, несмотря на существующие противоречия и разногласия. У нас действительно много общего, не говоря о том, что долгие годы нас объединяла Российская империя и потом Советский Союз. Люди это помнят, они сравнивают, что было и что стало.

Думаю, что конфедерация была бы лучшей формой дальнейшего сотрудничества. Сейчас заявлена программа экономического объединения России, Беларуси и Казахстана. И скажу самое главное: можно подписать много различных соглашений, но если не будет совместной

активной законодательной работы, а именно - универсального законодательства, полноправного союза может не получиться. Вспомните, сколько времени создавался Евросоюз, сколько было учтено совместного опыта при его создании, и какие проблемы сейчас возникают. Поэтому должно быть универсальное законодательство: таможенное, налоговое и прочее. Такой опыт есть, и его надо использовать.

«Международная жизнь»: И еще две темы, которые напрямую касаются связей Москвы с нашими друзьями и коллегами по СНГ: это тема соотечественников и тема мигрантов. Давайте начнем с мигрантов. Очень многие люди приезжают сюда работать из республик бывшего Союза. И возникает достаточно много проблем. Как в Московской городской думе решаются эти проблемы?

В.Платонов: Знаете, мы много выслушали критики в наш адрес. Практически одновременно, в зависимости от тех или иных политических убеждений, звучала весьма противоречивая критика в адрес городских властей. Одни говорили, что мы сделали «закрытый город», другие - что получился «проходной двор». На самом деле истина как обычно посередине. Мы первыми заявили - после отмены прописки нужно организовать регистрацию граждан, чтобы хотя бы знать, сколько людей надо кормить, сколько людей пользуются транспортом, какая нагрузка ложится на водопровод, канализацию и т.д. Это очень важно. Сейчас система регистрации существует везде. Мы одни из первых начали говорить о том, что необходимо ужесточать миграционные правила. Потому что люди, приезжая сюда, должны иметь место работы, а не начинать ее искать всеми дозволенными и недозволенными способами. Люди, приехав сюда работать и жить, должны быть под защитой государства.

Идеальной считаю систему, которая у нас была раньше, - это работа по лимиту. Как бы к ней не относились, но власти города всегда знали, сколько человек нужно в городе для работы, с какими профессиями они приезжают. Они получали не только работу, но и место в общежитии, социальную и правовую защиту, медицинскую помощь. И со временем они становились полноправными москвичами. Никто не мог сказать, что, например, их дети не москвичи, они ничем не отличались от своих сверстников.

Сейчас, по-моему, органами центральной власти больше полномочий по контролю должно быть делегировано регионам. Если человек

заявил, что он приехал на работу, то почему он не оформился и не работает там, где была получена квота на его въезд? Решение этих вопросов в рамках субъектов Федерации, думаю, принесет больше пользы. И далее эта система должна совершенствоваться.

«Международная жизнь»: Вы поднимаете эти вопросы, когда общаетесь с коллегами из бывших советских республик, откуда люди приезжают? Как они смотрят на это со своей стороны?

В.Платонов: Они очень заинтересованы в том, чтобы их люди приезжали к нам. Не секрет, что в некоторые государства из России привозят столько же денег, сколько у них в доходной части бюджета. Также они заинтересованы в том, чтобы их люди находились под защитой. Но мы заинтересованы больше всех, чтобы пребывание здесь тех, кто приехал к нам на работу, было в строгих рамках законодательства. Никто же не обижается на США или Германию, что туда просто так не приедешь и не пойдешь работать, куда хочешь. Почему же мы, коль скоро считаем себя цивилизованным государством, не должны идти по общепринятому пути решения данных проблем.

«Международная жизнь»: То есть понимание есть?

В.Платонов: Да, и понимание, и желание, и стремление. И уверен, что эта ситуация выправится, но хотелось бы решить эту проблему как можно быстрее.

Что касается соотечественников... Москва была одним из первых регионов, которые начали организовывать работу с соотечественниками. Считаю, это очень важно. Могу вам привести такой яркий пример. Осенью мы были в Коста-Рике. И там во время нашего приезда и при нашем участии, да еще в присутствии послов Великобритании и Франции, был открыт Памятный знак в честь 70-летия разгрома немцев под Москвой. Коста-Рика во Второй мировой войне была участником антигитлеровской коалиции, и по инициативе российских соотечественников такой Знак был открыт. Это показывает влияние наших соотечественников и интерес к нашей стране. Наша делегация встречалась с руководством и страны, и их столицы. Мы, например, предложили, чтобы из Москвы в Коста-Рику приехали представители 15 туристических компаний и ознакомились с возможностью организации туров. Рад, что благодаря нашему визиту прошло столь важное мероприятие, которое

освещалось во всех СМИ, и тому, что с Коста-Рикой налаживаются отношения в области туризма.

«Международная жизнь»: В структуре Мосгордумы ведь нет комиссии по международным связям, нет комиссии по связям с соотечественниками. Я так понимаю, что все депутаты принимают участие в этой деятельности?

В.Платонов: Да, международной комиссии нет. Эта деятельность осуществляется на уровне Московской городской думы, поскольку нас немного, всего 35 депутатов. Когда мы планируем какую-то командировку, то договариваемся, по какой тематике пойдут обсуждения с нашими коллегами. Готовим все необходимые материалы, вопросы и потом уже, исходя из этого, формируем делегацию. Так что какой-то специальной комиссии по международным делам нет, и не нужно, наверное. У нас нет таких полномочий. Мы реализуем наше право - развиваем народную дипломатию.

«Международная жизнь»: Известно, что в нашей столице присуждается звание «Почетный гражданин города Москвы». За всю историю Москвы три иностранца считаются «во веки веков» почетными гражданами Москвы. Первый - американский адмирал Фокс, который получил это звание в 1866 году. Второй - посол Великобритании Джордж Уильям Бьюкенен - в 1916 году. И третий - министр вооружения и снабжения Франции Альбер Тома - в 1917 году. Вот три почетных иностранных гражданина Москвы, и с тех пор как отрезало. Почему?

В.Платонов: С 1917 года понятия «Почетный гражданин города Москвы» не существовало, был перерыв. Что же касается названных вами людей, то адмирал Фокс, исполняя поручение Президента США Линкольна, прибыл в Россию на первом корабле-броненосце и приветствовал Александра II после того, как на него было совершено неудавшееся покушение террористов. Москва - гостеприимный город, и представитель США был тогда избран почетным гражданином нашего города. Два других иностранных деятеля из Англии и Франции были избраны почетными гражданами города Москвы во время Первой мировой войны. Так Москва выполняла наш союзнический долг, поддерживала представителей союзников по Антанте.

«Международная жизнь»: Сейчас же тоже есть зарубежные союзники...

В.Платонов: Вы знаете, у нас есть такое право, но пока нет ярких иностранцев. Это же не просто так - кто-то приехал с дружеской миссией и стал почетным гражданином. У нас есть требования: человек должен не только любить наш город, но и очень много сделать в его интересах, внести заметный вклад в его развитие, в том числе в сфере благотворительности. Дело в том, что кроме высокого звания «Почетный гражданин города Москвы» существуют почетные грамоты Московской городской думы, и два иностранца награждены ими. Один из них, житель Дюссельдорфа, очень много помогал нам с организацией движения в городе.

«Международная жизнь»: Если я правильно помню, речь идет об организации движения по центру города вокруг Кремля. В этом он принял участие?

В.Платонов: Да, но не только. У нас хорошие связи с Дюссельдорфом, мы регулярно обмениваемся делегациями. С другими городами и землями в Германии у нас установлены дружеские отношения, в первую очередь, конечно, с Берлином и Баварией.

«Международная жизнь»: А почему именно Берлин и Бавария?

В.Платонов: Хорошие связи с Берлином, наверное, стали продолжением традиций советских времен. Берлин - один из первых городов, который в самое тяжелое для нас время, в 1991-1992 годах, организовал помощь жителям Москвы, в том числе продуктами и гуманитарными посылками. Мы недавно наградили бывшего главу парламента Берлина господина Вальтера Момпера Почетной грамотой Московской городской думы. Так что тех иностранцев, которые действительно много сделали для Москвы, мы замечаем и отмечаем такими наградами. Но для звания «Почетный гражданин города Москвы» пока кандидата не было.

«Международная жизнь»: Владимир Михайлович, если не секрет, какие планы по развитию международных связей у Московской думы?

В.Платонов: Мы планируем и дальше развивать международную деятельность. Сотрудничество между городами предполагает совместное участие и исполнительной, и законодательной ветвей власти. Исполнительной властью вырабатывается ежегодная программа, в которой мы вместе работаем.

В Москве созданы общественные организации, всем известная ММБА (Московская международная бизнес-ассоциация). Среди ее членов есть различные иностранные компании, которые работают в Москве и других регионах страны. Мы с ними в контакте, приглашаем их в Московскую городскую думу, рассказываем о своей деятельности, они нам готовят заключения, например, по различным договорам.

У нас в городском парламенте работают депутаты - представители москвичей, и мы открыты для всех - для сотрудничества, для общения, для предложений. Так что милости просим!

Ключевые слова: Московская городская дума, народная дипломатия, «Почетный гражданин города Москвы».

Юрий ШАФРАНИК
Председатель совета Союза
нефтегазопромышленников России

Интервью подготовлено в рамках проекта
радиокompании «Голос России» «Визави с миром»
http://rus.ruvr.ru/radio_broadcast/2227329/

Запасы нефти были, есть и еще будут на столетие точно

Армен Оганесян, главный редактор журнала «Международная жизнь»: Юрий Константинович, вопрос из Москвы: «В конце прошлого года была запущена первая ветка нефтепровода «Северный поток». Насколько сложен этот проект в техническом отношении? Как развивается экономическая и политическая ситуация вокруг этого проекта?»

Юрий Шафраник: Безусловно, это самый сложный технический проект. Его можно было бы назвать уникальным, если бы в это время не проектировался «Южный поток», еще более уникальный, и «Штокман». Но все равно этот проект стоит в первом ряду самых больших проектов мира по техническому исполнению. Теперь по поводу политики и экономики. Все нефтяные и газовые проекты в мире - политические. Мир достаточно сильно зависит от нефти и газа, которые являются индикаторами состояния мировых финансов. В эко-

номическом плане он необходим и Европе, и России. Есть проблемы для потребителей, производителей и транзитеров. Транзитеры - это Белоруссия, Польша и Украина, которая является самым важным транзитером. Конечно, появляется определенная возможность перенаправлять потоки. Но это не значит, что мы можем завтра закрыть задвижки на Украине.

А.Оганесян: Вы уже начали отвечать на вопрос из Тюмени: «Можно ли чисто технически отключить газ на Украину, чтобы он шел только по «Северному потоку»? Или это просто фантазия?»

Ю.Шафраник: Безусловно, такая техническая возможность есть. Но это же будет коллапс и для нас как производителей, и для Европы как потребителя. Еще раз хочу обратить внимание на то, что от его работы в первую очередь выигрывает потребитель - Европа. Мы рискуем, поскольку отвечаем за ресурсы и вложенные средства. Транзитеры рискуют, потому что Россия может перенаправлять поток, особенно если вступит в строй «Южный поток».

А.Оганесян: И в Европе, и на Украине слышны упреки, что будто бы со строительством «Южного потока» происходит некая монополизация...

Ю.Шафраник: Ко многим вопросам нашей энергетической политики отношусь критично. Это не потому, что руководство что-то не делает, а потому, что мы иногда запаздываем. Например, с сжижением газа мы опаздывали лет на 15-20. И только сейчас Сахалин и Ямал «раскручиваются». В настоящее время в России не только разрабатываются, но и действуют проекты по сжижению газа.

Европе как потребителю выгодно иметь больше труб, больше терминалов по приемке сжиженного газа. Еще лучше, если трубы идут с разных сторон. И когда из Европы раздаются суждения, что, дескать, не нужен «Северный поток», не нужен «Южный поток» и вообще ничего не нужно, то это похоже на конъюнктуру или какой-то заказ.

Что касается Украины. После распада СССР мы подписали межправительственное соглашение с Украиной о расчетах за газ по мировым ценам и в долларах. Только потом Россия стала входить в положение Украины и стала уступать. Это старая песня: уступишь - не вернешь обратно.

Надо понимать, что хоть мы и живем во взаимосвязанном мире, но мир есть мир, и рынок есть рынок. У Украины была и остается хоть маленькая, но возможность объединить системы. Какие только варианты по объединению систем не предлагали в 1990-х и 2000-х годах. Мы покупаем, мы вместе с ними, мы реформируем вместе с европейцами, реконструируем трубопроводную систему. Варианты были разные, и они все еще не реализованы. Потребитель и производитель обязаны находить возможности для соглашений. Вот они и нашли «Северный» и «Южный» потоки. А как по-другому?

Кто здесь проигравший? Украина - по определению и проигравшая сторона, потому что через нее будет идти все меньше и меньше транзита. А транзит - это хороший заработок: ты ничего не делаешь, поддерживаешь состояние системы, и тебе каждый день капают доллары. Вторая проигравшая сторона - это мы, потому что мы вкладываем большие деньги в новые трубы. Кто выигравший? Европа. Мы переживаем за Украину, потому что нестабильность и неустойчивость там выходит нам всегда боком.

А.Оганесян: Вопрос из Санкт-Петербурга: «Говорят, сланцевый газ скоро заменит природный. США якобы уже значительную часть экономики переводят на собственный сланцевый газ. Это реальность или спекуляция?»

Ю.Шафраник: Это реальность со спекуляцией. Были проведены исследования, выработаны технологии, найдены месторождения в Америке. Началась добыча - 20-60 млрд. кубов газа. Конечно, это хороший вклад, и Америка на данный момент показала всем пример. Она разрабатывала технологии и шагнула резко вперед. Она закрыла свои потребности в газе. Лет пять-семь назад «Газпром» мечтал быть поставщиком газа туда.

А.Оганесян: Хотите сказать, что разработки сланцевого газа стопроцентно покрыли нужды Америки в газе?

Ю.Шафраник: Не только сланцевый газ. Он дополнил остальной объем газа, а полный объем покрыл их нужды. У них был дефицит. Сейчас же его нет.

А.Оганесян: Прошла информация, что ОПЕК приняла решение повысить квоту на добычу нефти. Правда, она вступит в силу только после того, как Ливия достигнет довоенного уровня потреб-

ления. У меня в связи с этим два вопроса. Реально ли, что к июню 2012 года Ливия достигнет этого уровня? Насколько это решение изменит ценообразование на энергоресурсы?

Ю.Шафранник: ОПЕК сейчас повышает квоты, поскольку Ливия «упала». То есть ливийская квота перераспределилась. По факту все равно идет этот же объем нефти - не из Ливии, так из других опековских стран.

Тем самым они это узаконили. Я понял это так: они говорят, мол, да, сейчас мы повысили, но Ливия поднимется, а мы не будем спускаться. За этими словами я почувствовал примерно такую политику ОПЕК.

Кроме того, общие мировые тенденции показывают, что мировая экономика пока не очень на подъеме, она в неустойчивом положении. А раз так, то у многих аналитиков есть опасения относительно того, не будет ли общемировое потребление снижаться. ОПЕК повысила, Ливия будет расти. Надо помнить про Ирак, у которого пять крупнейших проектов. И начинается уже бурение. Через год-два можно весь мир залить довеском нефти.

Если еще и мировая экономика не будет оживать, как надо, то, конечно, цены на нефть будут падать. Безусловно, сейчас очень неустойчивое положение.

А.Оганесян: Как быстро сможет восстановиться эта отрасль в Ливии?

Ю.Шафранник: Сами нефтяные месторождения и терминалы если и пострадали, то незначительно. В техническом плане, безусловно, Ливия может быстро восстановиться. Вопрос в том, насколько они будут стабильны в политическом плане.

Вспомните Ирак. В 2003 году была война, его месторождения никто сильно не разбомбил. В течение года восстановление шло нормально, а потом началась внутренняя заваруха. И что Ирак? Сегодня он только-только вышел на хусейновский уровень добычи. И это еще неустойчиво. Если в Ливии будет не как в Ираке, то технически восстановление добычи нефти может произойти быстро.

Считаю, что ОПЕК повысила цены не из-за того, что видит, что идет хороший спрос, а из-за того, что упала Ливия. Рынок не бывает незанятым: один падает, другой быстро поднимается. Это происходит по факту. Это главное.

Считаю также, что ОПЕК имеет очень хороший инструментарий

для анализа. Он намного лучше, чем у других институтов потребителей, которые прогнозируют энергетический рынок. Никого не хочу принизить, но опековские институты и их аналитику считаю выше. Уверенно могу сказать, что они осторожно относятся к прогнозу подъема мировой экономики. Они считают ее как минимум неустойчивой.

А.Оганесян: Очень любопытный вопрос из Калининграда: «Почему в мире две цены на нефть - для Америки и для остального мира?»

Ю.Шафраник: Если происходит подъем потребления, спад добычи или какие-то другие колебания реальной экономики, то они, безусловно, влияют сильнее любых бирж и любых прогнозов. Поэтому даже Америку не спасет ни та ни другая биржа, ни двойная ни тройная цена, если в мире реально разразится кризис - будь то потребление, перепроизводство или недопроизводство нефти.

Цен на нефть в реальной экономике в мире много. Просто есть две базовые цены, на которые равняются. Это не значит, что идут покупки только по этой цене. Это средняя составляющая.

Например, мы можем услышать каждое утро в новостях, как открылся рынок «Shanghai Composite», как он себя ведет. Уже по этому рынку мы судим, как задался день, как потом будут вести себя Лондон, Нью-Йорк. Так и здесь. Это только бенчмарк. Это показатель того, что финансовые центры находятся в Нью-Йорке и Лондоне. Допустим, Азии, Шанхаю например, надо еще дорасти, чтобы появился шанхайский бенчмарк. Это зависит уже не от самой нефти, а от финансового рынка, его состояния, от уровня валют, соотношений, сделок и многого другого.

А.Оганесян: Есть вопрос из Нижнего Новгорода, который опять возвращает нас к этим двум биржам: «Биржами управляют известные мировые компании - «Goldman Sachs» и «Morgan Stanley». Биржевая цена нефти устанавливается согласно оценкам двух экспертных агентств - «West Texas Intermediate» и «Brent». Как после этого можно говорить о том, что мировые цены на нефть формируются рынком? Они же управляемые, причем управляемые конкретными лицами. Разве не так?»

Ю.Шафраник: Не конкретными лицами, не упомянутыми банками и даже не экспертными институтами. Эти экспертные институты перестали бы существовать, а банки лопнули, если бы они уп-

равляли волонтаристски, потому что, например, сегодня мы примем правильное решение, а на следующий отрезок времени в такой тонкой сфере мы точно примем неправильное решение.

Банки и экспертные институты учитывают средние составляющие, прогнозы, конъюнктуру, коммерческую ценность. Напрямую они не управляют, они являются бенчмарками - мерилами. И молодцы, что они это делают. Плохо, что этот бенчмарк не в России. Но надо дорасти когда-то.

Чем управляются цены? Управляются многими факторами: состоянием финансов, финансовыми пузырями, вздутой ипотекой, которая в Америке лопнула в 2008 году, и, естественно, потреблением. Потребление может быть стабильным, но все ожидают мировой нестабильности. Куда идут? В нефть - газ, закупают. Значит, пузырь надувается, цена нагревается, как в 2008 году. Она была 140 долларов, а потом упала буквально за полгода до 40. Это не показатель нефтяной или газовой индустрии. Это показатель финансового рынка.

А.Оганесян: Много или мало Россия выигрывает от роста цен на нефть? Казалось бы, странный вопрос. Цены растут, значит, мы должны выигрывать много. Чем больше растет цена, тем больше мы должны выиграть. Но так ли это? Такая ли элементарная прогрессия наблюдается в реальной жизни?

Ю.Шафраник: В короткий отрезок времени - такая. Вот возьмем последнее десятилетие. Мы почти в два раза увеличили экспорт нефти, представьте, как мы увеличили объем. Для этого мы запустили много проектов, например, запустили БТС (Балтийскую трубопроводную систему). Это огромный труд, это просто колоссальный успех.

Мы увеличили экспорт и нарастили объем добычи почти в два раза. Цена в это время возросла с 20 долларов примерно до 110, то есть в пять раз. Мы на этом получили огромные деньги, которые страна никогда не получала: затраты догоняли, а рост цены опережал. Но как только цена устанавливается на год-полтора на каком-то уровне, затраты тут же догоняют эту цену. Поэтому мы получаем плюс только в момент роста, в момент дельты. Затраты на добычу возрастают радикально.

В 2000 году мы считали, что надо 30 млрд. долларов на обустройство Ямальской программы, а сегодня уже сумма в 120 считается недостаточной. Это догоняют затраты. В таких случаях надо понимать,

что выигрывает всегда потребитель. Цена ударяет по нему, он напрягается, начинает жить экономнее, применять более экономные технологии, работает с напряжением. Потом он возвращает нам технологиями, оборудованием и всем прочим, если мы это сами не производим, кратно дороже.

В конечном итоге все мы получаем свое и рассчитывать надо на себя и свое. И производить надо свое, принимая их технологии, но создавая условия для их развития здесь. По поводу сервисного рынка уже лет пять-шесть мы проводим заседания, выходим в правительство. Процесс идет примерно так, как мы подталкивали и как прогнозировали. Происходит специализация, выделение сервисного направления из добывающих компаний. Мы это все делали только для одного: сервис заказывает оборудование и технологии, сервис должен быть главным заказчиком.

Видно, что процессы, которые были заданы правительством, которые мы активизировали своими первыми заседаниями в комитете Торгово-промышленной палаты или в Союзе нефтегазопромышленников, пока идут, но надо прилагать радикально больше усилий к тому, чтобы российские бренды были поддержаны. Иначе происходит захват рынка.

Не боюсь отдавать месторождения в руки западных компаний. Куда они с ними убегут? Или отдать им разведку нашей тундры. Да пусть разведывают. Создайте условия. А вот отдать рынок - это значит окончательно оставить технологию, разработку и цены в их распоряжении. Этого делать нельзя. Это должно регулироваться.

А.Оганесян: По части оборудования и сервиса мы сильно зависим от импорта, так надо понимать?

Ю.Шафраник: В 1990 году мы были одними из лучших, на которых равнялись. Китай, Бразилия нам завидовали. Индия, безусловно, завидовала в нефтегазовом машиностроении, в технологиях, в буровых станках. Сегодня то, что нам завидуют, уже спорно. По каким-то составляющим мы все равно передовые. Но только по каким-то. Из-за революционных изменений, которые произошли в стране, мы потеряли в технологиях, в развитии.

А.Оганесян: Давайте ответим на вопрос нашего слушателя из Санкт-Петербурга: «Если начнется война против Ирана, то иранцы, по мнению некоторых аналитиков, способны сильно осложнить проход нефтеналивных танкеров через Ормузский пролив?»

Ю.Шафраник: Если произойдет малейшее обострение в этом регионе, то можно считать, что это провокация серьезной войны. Безусловно, цена взвоется. Будут потери в объемах? Да. Значит, надо перенаправлять транспортные пути? Такая возможность есть, хоть и не на 100%.

Можно с уверенностью сказать, что конфликт затронет практически весь регион, а не только Египет, Ливию или Сирию. Десятилетие, безусловно, будет идти политическая, экономическая, социально-политическая реформа внутри этих стран. Это точно скажется на ценах на нефть больше, чем блокада пролива. Блокада - это удар длиной в несколько месяцев.

А.Оганесян: Вопрос из Германии: «Как бы вы оценили нарастающий поток информации о возможном конфликте разных стран, в том числе и России, из-за природных ресурсов на шельфе Северного Ледовитого океана. Там есть доказанные месторождения нефти и газа. Насколько все серьезно?»

Ю.Шафраник: Я скажу по-другому. Чем больше мы живем, тем более радикальным товаром становятся ресурсы. Мир подошел к черте, когда ресурсы - от воды до нефти и газа - становятся товаром уж точно политическим. Теперь речь идет о конкретном и пока не освоенном регионе Ледовитого океана. Там проведены штрих-пунктиром наши границы, они узаконены рядом конвенций. Но потом все идет по факту. Если ты слаб и не можешь что-то сделать, то обязательно придет сильный и сделает это сам.

Поддерживаю усилия, которые делает Россия в этом направлении. Могу сказать, что дело даже не в самом Ледовитом океане, хотя там огромные, перспективные запасы. Дело в нашей экономической силе, в первую очередь внутри страны. Как потом не говори, что, мол, это наше месторождение, все равно из Канады, с Аляски или еще откуда-нибудь пойдут разведки.

Каспий - яркий пример. Территория все еще не поделена, а добыча идет. И что, вы будете начинать мировую войну? Каждый должен себе ответить. Да, там есть ресурсы, потенциал огромный, есть разведанные ресурсы, но их немного. Как специалист я могу сказать, что открытия будут. Да, конечно, есть потенциальный ресурс. Наша задача - укрепляться, становиться сильными. Надо действовать не простыми разговорами и возгласами «Наше, не

троньте!», нужно укрепляться внутренне, в первую очередь в экономическом плане.

Периодически возникает дискуссия о том, что в мире нет нефти. Ладно бы так говорили просто журналисты, но и Международное энергетическое агентство предсказывало снижение добычи нефти, снижение нефтяного потенциала. Я с начала 1970-х годов в нефтяной индустрии. И все это блеф. Запасы нефти были, есть и еще будут на столетие точно.

Вопрос только в том, что они становятся все более дорогими, и экономика мира будет всегда думать: вдруг откроют новый источник, который берет энергию Солнца или каким-то новым способом сможет покрыть нефтяной и газовый факторы. Но это пока впереди.

А.Оганесян: Нас слушают не только в России, и российская нефть обеспечивает не только Россию.

Ю.Шафраник: Но и весь мир. Ответственность большая. Россия с ней справлялась. Наоборот, представьте на секунду, что за десять лет мы бы не увеличили экспорт в два раза. Какие были бы цены? Западная пресса должна задаваться этим вопросом. Отнеситесь к России с уважением хотя бы из-за этого.

Ключевые слова: запасы нефти, «Северный поток», «Южный поток», сланцевый газ, ОПЕК, БТС.

Международная

ЖИЗНЬ

Мир вокруг нас

Фарит Мухаметшин:

«Особенно продуктивным сотрудничество России с ЮНЕСКО видится в рамках концепции нового гуманизма. Многовекторность российской внешней политики, уважение к разнообразию мира, бережное отношение к традиционным ценностям своей страны и других народов лежат в основе уважения к суверенитету, праву нации на выбор своего пути, международному праву в целом, без которых немислимо развитие международного гуманитарного сотрудничества. Высокая степень открытости миру, «диалогичность» российской цивилизации особенно притягательны сегодня».

Александр Орлов:

«Современная социал-демократия действительно находится в историческом тупике, из которого ей так или иначе придется искать выход, если, конечно, она не предпочтет отказаться от идеологического наполнения своего политического проекта, окончательно превратившись в одну из опор существующей модели государственного устройства большинства западных стран. Нынешний же финансово-экономический кризис, как это часто случается, только заострил проблему, но отнюдь ее не породил».

Петр Искендеров:

«Примечательно, что и в самом Евросоюзе нарастают противоречия относительно того, что именно следует считать Европой. Во многих государствах, более других пострадавших от экономического кризиса или, наоборот, вынужденных помогать «проблемным странам» за собственный счет, «Европа» отождествляется с брюссельской бюрократией. Но как только речь заходит о внешних факторах, таких как приток нелегальных иммигрантов, прием в ЕС балканских стран или либерализация визового режима с Россией, Европа вновь надевает маску превосходства и оплота цивилизации».

Фарит МУХАМЕТШИН

Руководитель Федерального агентства Россотрудничество,
доктор политических наук,
Чрезвычайный и Полномочный Посол
rossotr@rs-gov.ru

НОВЫЙ гуманизм как мировоззренческая основа культуры мира

Понятие «гуманизм» впервые стало широко известно как литературное, художественное и философское движение эпохи Возрождения, пришедшее на смену схоластике и теоцентрическому догматизму средневековья. Гуманисты Ренессанса совершили подлинную революцию в умах современников, поставив в центр мироздания не бога-творца, а человека-творца во всей его силе и слабости, добродетели и пороке, свободе и ответственности. Отдав должное величию человеческой мысли, можно было бы оставить дальнейшие дискуссии на тему ренессансного гуманизма историкам, философам, искусствоведам и культурологам. Однако этот феномен, став ответом на вызовы своего времени, претерпел ряд существенных трансформаций в эпоху Просвещения и вышел сегодня далеко за пределы своего первоначального содержания и смысла. Он стал одним из прогрессирующих планетарных движений современной мировой цивилизации.

Известно, что XXI век не стал временем тишины и покоя. Мировоззренческая палитра не только усложняется, но и становится более хрупкой, неустойчивой. Кризисные явления современной цивилизации провоцируют лавинообразное распространение социальных пороков,

глобализируют экстремизм, крайним проявлением которого является терроризм. Нет необходимости доказывать, что как оцененные, так и недооцененные пока мировым сообществом угрозы и вызовы XXI века могут и должны опознаваться и парироваться в рамках международного сотрудничества. Действительно, «наведение мостов», стремление к согласованным коллективным действиям - это уже, без преувеличения, предпосылки и императивы нашего дальнейшего существования.

Особенно актуальны проблемы достойного выживания человечества в связи с переживаемым сегодня многомерным глобальным кризисом, затрагивающим судьбы миллионов людей. Многие эксперты полагают, что сегодня нужно говорить о первом системном кризисе эпохи глобализации. Политики ставят во главу угла его социально-политическую составляющую, экономисты - финансовую, а философы на первое место выдвигают вопрос о тектонических сдвигах духовно-нравственной основы современной цивилизации и даже говорят о кризисе гуманизма, не устоявшего в XX веке против двух мировых войн и тоталитарных режимов. Это вызвало не только критику гуманизма как такового, но и широкое распространение антигуманизма, сопровождаемого призывами вернуться к традиционалистским или даже архаическим практикам жизни. Все это порождает тревожную ситуацию, экзистенциальную неопределенность и означает, по сути, потерю основных моральных и мировоззренческих опор человечества.

В этих условиях в мировом научном и политическом сообществе идут поиски такой ценностной платформы, которая стала бы мостом между Востоком и Западом, Севером и Югом, универсалией, способной стать той подлинно общечеловеческой основой, на которой и будет выстраиваться межкультурный и межцивилизационный диалог.

В качестве одного из таких краеугольных камней культуры мира рассматривается новый гуманизм. Это мировоззренческое движение находится в состоянии поиска и развития, создавая для себя все новые формы тематического, организационного и институционального оформления. Так, в настоящее время в России и за рубежом существует ряд объединений гуманистов. Одно из самых влиятельных среди них - Международный гуманистический и этический союз (МГЭС), насчитывающий несколько миллионов членов и включающий в себя национальные гуманистические союзы и ассоциации более чем 35 стран. Известны и такие организации, как Европейская гуманистическая федерация, Совет по светскому гуманизму (США), Международная академия гуманизма и т.д.

Современный гуманизм прошел длительную, многовековую историческую эволюцию, начало которой было положено в I тысячелетии до нашей эры, а в XV веке, во времена расцвета Возрождения, он получил свое первое концептуальное выражение. Эпоха Ренессанса заимствовала идею антропоцентризма, существовавшую еще в античные времена. Принцип древнегреческого философа Протагора «Человек есть мера всех вещей» наполнился богатым философским, моральным и эстетическим содержанием. Великие умы Возрождения: Петрарка, Альберти, Фичино, Пико делла Мирандола и другие адаптировали эту идею к требованиям своей эпохи. Ренессансный гуманизм стал первой стадией развития гуманизма: именно в этот исторический период он впервые выступил как целостная система взглядов, что совершило переворот в общественном сознании людей того времени.

Главным принципом всей гуманистической этики Ренессанса было учение о высоком предназначении человека, о его достоинстве. И тем не менее у него были свои границы - отличительными чертами гуманизма Возрождения были его элитаризм и европоцентризм.

Утверждать общность и достоинство людей - сегодня не менее насущная задача, чем тогда¹. Однако в реалиях сегодняшнего дня идею о тождестве понятий «человеческий» и «европейский» («западный») необходимо подвергнуть обоснованной критике.

В эпоху модерна начало дискуссии о самом понятии «гуманизм» положили датский ученый Габриэль Сибберн (1824-1903 гг.) в книге «О гуманизме» (1859 г.), британский ученый Джон Маккиннон Робертсон (1856-1933 гг.) в книге «Современные гуманисты», британский философ Фердинанд Каннинг Скотт Шиллер (1864-1937 гг.) в трудах «Гуманизм: философские эссе» (1903 г.) и «Исследование гуманизма» (1907 г.) и т.д. По мере развития и укрепления движения гуманистов, вовлечения в эту сферу многих известных в мире естествоиспытателей, философов и историков термин «гуманизм» приобретал все новые грани толкования.

Надо сказать, что идеи гуманизма периодически «реанимировались» и обновлялись на протяжении длительного времени, продолжая развиваться, однако в рамках философского, точнее, мировоззренческого понимания. Впервые попытка осуществить «синтез» гуманистической идеи и социальной политики была предпринята уже в XX веке, вскоре после Второй мировой войны.

В 1946 году английский ученый-биолог и эволюционист, видный общественный деятель, первый директор ЮНЕСКО и основатель Всемирного фонда дикой природы Джулиан Хаксли написал статью «Фи-

лософия и назначение ЮНЕСКО». Научная интуиция привела его к пониманию того, что ЮНЕСКО как международная организация не может быть связана с конкретными философскими школами - основой ее деятельности должна стать универсальная, всеобщая идея, базирующаяся на стремлении соединить узами дружбы народы мира и на признании равной степени ценности и значимости всех культур в процессе мирового развития.

Но Хаксли опередил свое время. На первой Генеральной конференции ЮНЕСКО в 1946 году его предложение принять философию неогуманизма в качестве базисной концепции было отклонено.

Лишь спустя три десятилетия идеи Хаксли получили новый импульс и развитие в работах Римского клуба, в его докладах решение глобальных проблем и вопросы дальнейшего развития человечества ставились в прямую зависимость от изменений его гуманистических целей, сознания, морали².

Конечно, нужно отметить, что важность и ценность неогуманистической парадигмы сегодня просто очевидна. И, к примеру, К.Мацуура, генеральный директор ЮНЕСКО (1999-2009 гг.) справедливо отмечал, что для Организации одним из важнейших вызовов на ближайшие десятилетия будет являться стремление «гуманизировать глобализацию».

Однако первым действительно своевременным шагом на пути ЮНЕСКО в осмыслении понятия нового гуманизма стало программное выступление нынешнего генерального директора ЮНЕСКО И.Боковой «Новый гуманизм в XXI веке». Одним из своих приоритетов И.Бокова видит принятие нового гуманизма в качестве руководящей концепции, особенностью которой будет обновление подходов к большинству традиционных направлений деятельности ЮНЕСКО: «Культурное разнообразие и межкультурный диалог участвуют в создании нового гуманизма, который примиряет глобальное с местным и на основе которого мы по-новому будем строить мир. Для меня гуманизм - это стремление к терпимости, знанию и культурному разнообразию... Быть гуманистом означает умение гармонично сочетать заветную традицию предками с требованиями современности. Это значит наводить мосты между Севером и Югом, Востоком и Западом, укреплять человеческое сообщество для решения наших общих проблем»³.

Подчеркнем, что ЮНЕСКО в качестве ведущего мирового гуманитарного форума располагает очень серьезным потенциалом в имплементации идей нового гуманизма в свою повседневную деятельность.

С большой теплотой вспоминаю свою первую встречу с И.Боковой в

октябре 2009 года во Франции, тогда она еще только была избрана генеральным директором. В ходе насыщенной беседы обсуждались важные общие темы для налаживания плодотворного диалога между Федеральным агентством* и соответствующими структурами ЮНЕСКО. В частности, было обозначено возможное сотрудничество на таких ключевых направлениях, как диалог цивилизаций и толерантность, предотвращение разрушения культурного наследия человечества, повышение качества и доступности образования как фактора устойчивого развития и т.д.

И.Бокова тогда высказала намерение направить деятельность ЮНЕСКО на реальную связь с жизнью, экономикой и наукой. Фундаментальные науки, по ее мнению, могут стать важным звеном работы ЮНЕСКО, которая «должна служить людям, устойчивому развитию, расширению инновационной деятельности». Приветствуя инициативы нового генерального директора ЮНЕСКО, нельзя не отметить, что она учредила Группу высокого уровня по вопросам мира и диалога между культурами, сделала акцент на расширении партнерства с международной инициативой Альянс цивилизаций.

Особенно продуктивным сотрудничество России с ЮНЕСКО видится в рамках концепции нового гуманизма. Многовекторность российской внешней политики, уважение к разнообразию мира, бережное отношение к традиционным ценностям своей страны и других народов лежат в основе уважения к суверенитету, праву нации на выбор своего пути, международному праву в целом, без которых немислимо развитие международного гуманитарного сотрудничества. Высокая степень открытости миру, «диалогичность» российской цивилизации особенно притягательны сегодня.

Стоит подчеркнуть, что отечественный концептуальный гуманитарный потенциал (русский космизм, ноосферология, евразийство, равно как и ряд других достижений в области общественных наук и культуры) всецело соответствует морально-интеллектуальным исканиям человечества в условиях меняющегося мира, в том числе в русле стремления к преодолению межцивилизационного раскола.

Русская культура обладает давними и глубинными гуманистическими традициями. Достаточно назвать имена А.С.Пушкина, Л.Н.Толстого и Ф.М.Достоевского, А.П.Чехова и А.М.Горького. В рамках русской философии развивались мощные традиции религиозного и светского (на-

* Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество).

учного) гуманизма. К ней принадлежат В.С.Соловьев, Н.А.Бердяев, В.И.Вернадский и т.д. Эта традиция непрерывно развивалась и в XX веке. Концепция нового гуманизма получила свое выражение в трудах крупнейших философов и ученых, академиков И.Т.Фролова, Н.Н.Моисеева, А.Н.Яковлева, А.Д.Сахарова, В.Л.Гинзбурга и т.д. Сегодня эти глубинные интеллектуальные поиски продолжаются современными российскими учеными и философами. С 1995 года в России существует межрегиональная общественная организация содействия развитию гуманизма - Российское гуманистическое общество (РГО), основной целью которого является разработка новых форм просвещения, морального и культурного влияния во имя гуманизации человеческих отношений.

Среди документов, принятых гуманистами в последние годы, наибольшую известность имеет «Гуманистический манифест-2000: Призыв к новому планетарному гуманизму», подписанный более чем 30 известными российскими учеными (В.Л.Гинзбург, Н.Н.Моисеев, Г.И.Абелев, В.А.Кувакин, Е.П.Велихов, Э.П.Кругляков и т.д.). Манифест представляет собой программу построения глобального сообщества, являясь, по сути, мировоззренческой теорией эпохи неомодернизма, основанной на принципах светского гуманизма.

В продолжение вышесказанного приведу лишь несколько цитат: «Гуманизм как система духовных ценностей, в которой приоритет человека является определяющим, становится сегодня главным, центральным понятием в философии, науке, культуре в целом. Он провозглашается как политический принцип, стратегическая цель общественного развития»⁴.

По словам Н.Н.Моисеева, «новый гуманизм утверждает исходя из определенного понимания будущего человека и человечества и провозглашает поэтому справедливость и альтруизм, бережливость и щедрость, сострадание и ответственность, стремление к новому при уважении к настоящему и прошлому человека и человечества»⁵.

По мнению известного философа В.А.Кувакина, одного из ведущих российских гуманистов и президента РГО, «современный светский гуманизм базируется на научном мировоззрении, общепринятых нравственных нормах, здравом смысле... и новейших формах рациональности... Это современная форма жизнеориентации человека, которая включает в себя... критичность, скептицизм, эмпатию, стоицизм, терпимость, сдержанность, осмотрительность, оптимизм, жизнелюбие, свободу, мужество, надежду, фантазию и продуктивное воображение»⁶.

Мы имеем все ресурсы и возможности, поддерживая эти идеи и со-

храня набранный темп, содействовать формированию мирового гуманистического движения под эгидой ЮНЕСКО. Учитывая достигнутый уровень развития научных исследований в области современного гуманизма, Россия могла бы стать своего рода интеллектуальным центром нового гуманизма, аккумулируя вокруг себя все заинтересованные силы в рамках проведения международных форумов. А в перспективе кажется вполне вероятным и создание такой новаторской структуры, как мировой институт нового гуманизма. Необходимость создания такого центра с каждым годом приобретает все более актуальный и злободневный характер. Мы уже растрчиваем ресурсы природные, давайте же беречь ресурсы интеллектуальные. Просто толерантности сегодня недостаточно. Друг друга следует не только уважать, но и познавать. Гуманизм как открытая мировоззренческая позиция, альтернативная любой претендующей на монополию идеологической системе, предлагает человеку осознание всякой жизни как ценности, а также учит его жить для ценностей за границами индивида, во благо ближнего, планеты и будущего человечества.

Немецкий философ Мартин Хайдеггер в своем «Письме о гуманизме»⁷ говорил о том, что в хронологии мировой истории Новое время началось с возникновением гуманизма. Таким образом, начало подлинного XXI века как века диалога, терпимости и устойчивого развития должно быть отмечено приходом и торжеством нового гуманизма как идейно-философской платформы развития человечества.

¹Сет С. Куда идет гуманизм // Курьер ЮНЕСКО. Октябрь-декабрь 2011. С. 9.

²См.: *Рессей А.* The Human Quality. New York, 1977; *Пестель Э.* За пределами роста. М., 1988.

³См.: *Воква I.* Un nouvel humanisme pour le XXI siècle//UNESCO. Paris, 2010.

⁴*Фролов И.Т.* Новый гуманизм // Гуманизм на рубеже тысячелетий: идея, судьба, перспективы. М., 1997. С. 73.

⁵*Моисеев Н.Н.* Рациональный гуманизм // Общественные науки и современность. М., 1992. №3. С. 150.

⁶*Кувакин В.А.* Современный гуманизм // Высшее образование. №4. 2002.

⁷*Хайдеггер М.* Бытие и время. М., 1993.

Ключевые слова: Ренессанс, эпоха Просвещения, ЮНЕСКО, РГО.

Александр ОРЛОВ

Директор Института
международных исследований
МГИМО (У) МИД России, профессор
orlov_a@mgimo.ru

Трудные времена европейской социал-демократии: испанский пример

Существует известная точка зрения, согласно которой минувшее столетие было «золотым веком» социал-демократии. Конечно, у этой тезы есть не только горячие сторонники, но и не менее активные противники. Однако трудно не согласиться с тем, что и сама социал-демократическая идеология, и ее «материальные носители» - социалистические и социал-демократические партии - прочно заняли позиции в авангарде идейно-политического устройства современного мира.

На протяжении своего существования, насыщенного ожесточенными классовыми и жаркими парламентскими баталиями, социал-демократическая идея пережила глубокую эволюционную трансформацию. Долгое время балансируя между подходами Маркса и Лассаля, классическая социал-демократия в конечном итоге сделала выбор в пользу последнего, отвергнув радикальные, на ее взгляд, установки марксизма. Ключевую роль в переосмыслении основополагающих принципов учения Маркса сыграли труды широко известного германского социал-демократа Эдуарда Бернштейна, написанные на стыке XIX и XX веков. Выдвинув идею «эволюционного социализма», Бернштейн противопоставил учению Маркса о социалистической революции - как единственного пути пост-

роения социализма - тезис о том, что «новый строй, принципиально отличающийся от буржуазного, должен быть достигнут путем созидания, а не насилия, путем реформаторской работы по совершенствованию старого строя прежде всего на пути укрепления и расширения демократии»¹. Бернштейн и его сторонники, таким образом, считали, что через вращение в капиталистическую политическую систему, максимальное использование ее демократических механизмов и завоевание демократическим путем власти рабочему классу в конечном итоге удастся добиться того, чтобы буржуазное государство отражало интересы всего общества, а не было инструментом классового доминирования и насилия. Вокруг этой структуры взглядов и идей позже оформилась теория «демократического социализма», положенная в основу деятельности социалистических и социал-демократических партий ведущих европейских стран в XX веке.

«Демократический социализм», помимо приверженности принципам демократии, гуманизма, защиты прав и свобод человека, политического и идеологического плюрализма, социального партнерства между трудящимися и работодателями, предполагал и проведение социально ориентированной экономической политики, включавшей такие положения, как равноправие и защита всех форм собственности, создание государственного сектора в экономике, способного конкурировать с частным сектором, национализация стратегически важных предприятий и даже целых отраслей, введение прогрессивной шкалы налогообложения, сокращение разрыва между бедными и богатыми, создание системы защиты социально-экономических прав трудящихся, основными элементами которой являлись: ограничение рабочей недели 35-40 часами, улучшение условий труда, защита от неоправданных увольнений, борьба с безработицей, всеобщее бесплатное образование и здравоохранение, государственные пособия по безработице и инвалидности и т.д.

Социал-демократическая модель также предполагала мотивированное государственное регулирование экономики (в соответствии с рецептами Кейнса), создание эффективных регулятивных инструментов в бизнесе в интересах прежде всего мелкого и среднего предпринимательства.

Использование указанного идейно-практического инструментария позволило социалистическим и социал-демократическим партиям в целом ряде европейских стран - ФРГ, Франции, Великобритании, Италии, Испании, Швеции, Португалии, Финляндии, Бельгии и других, - побеждая или добиваясь достойных результатов на всеобщих выборах, активно участвовать в политической жизни своих государств, в том числе и в качестве правящих партий.

Однако по мере того как неолиберальные (или неоклассические) экономические формулы, в основе которых лежала известная концепция ограничения роли государства в экономике и регулирования последней исключительно через проведение монетарной политики, начинают в 70-х годах прошлого века вытеснять кейнсианство, социал-демократы не находят в себе ни сил, ни желания идейно и практически противостоять новому (а по сути дела, старому) мейнстриму в экономике, выбрав для себя удобную или незавидную участь бревен, плывущих по течению. В результате они оказываются в ряде случаев прямыми проводниками неолиберальных экономических доктрин, являющихся «kozyрными картами» их основных политических противников на электоральном поле - правоконсервативных сил. При этом, когда в 2008 году вследствие фиаско неолиберального экономического курса разразился мировой финансово-экономический кризис, всем стало очевидно, что социал-демократам нечего предъявить гражданам своих стран в качестве альтернативы опять же неолиберальным (по своей сути) рецептам выхода из рецессии, одной из фундаментальных составляющих которых является политика затягивания поясов трудящимися и урезания их социально-экономических завоеваний. Социал-демократы, выражаясь словами классика русской словесности, оказались в этой ситуации у «разбитого корыта», в данном случае политического.

Подобные оценки сегодня в целом характерны для европейской политической аналитики, прежде всего для тех ее представителей, которые реально озабочены судьбами социал-демократии. Приведу в этом контексте мнение члена регионального комитета Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) в Кастилии - Ла-Манча Максимо Диаса-Кано, изложенное в его статье во влиятельной общенациональной газете «Эль Паис». Диас-Кано пишет: «Социал-демократия находится на ничейной земле и в критической ситуации... потеряла компас идеологического дискурса и заблудилась. Она находится на территории, которая не является естественной для левых демократов: проводит политику экономической настройки на основе диктата рынков... проводит фискальную политику, нуждающуюся в улучшении - как в части ее справедливости и сбалансированности, так и эффективности. И все это на фоне роста недоверия граждан к партиям. Социал-демократия потерялась, и граждане не находят у нее ответов»².

Диасу-Кано вторит Магнус Ринер из оксфордского Brookes College, точка зрения которого приводится на страницах той же «Эль Паис». Он утверждает, что «причины проблем европейской социал-демократии - идеологические и возникли они в прошлом». По его мнению, ставший

весьма популярным, в том числе и среди социал-демократов, так называемый третий путь «предполагал сочленение финансового либерализма с последующим перераспределением богатства через посредство общества благоденствия [или всеобщего благосостояния]. Проблема в том, что европейская социал-демократия настолько тесно связана с находящейся в состоянии кризиса системой [неолиберальной моделью капитализма], что не способна предложить никакой альтернативы ей»³.

С тем чтобы быть максимально корректным в оценках и избежать возможной односторонности в них, отмечу, что отнюдь не все политики разделяют мнение о депрессивном состоянии современной социал-демократии, в том числе в привязке к нынешнему финансово-экономическому кризису. Существует несколько объяснений ее политического отката.

Первое объяснение - самое простое. В его основе лежит тезис о том, что политический календарь не благоприятствовал левым партиям, оказавшимся у власти - в силу обычной для Европы ротации между левоцентристами и консерваторами - в период мирового кризиса, что сделало их заложниками протестного голосования против любых правительств.

Второй из аргументов - с претензией на выявление определенной тенденции. Ряд аналитиков отмечает, что массовые партии, а во многих странах Западной Европы на электорально-политическом поле традиционно преобладают две партии - социал-демократы и консерваторы (последние могут называться по-разному: демохристиане, «народники» и т.д.), в последние годы устойчиво теряли совокупный процент голосов на выборах. В Германии, к примеру, на выборах 1998 года Христианско-демократический союз (ХДС) и Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) получили вместе 76% голосов избирателей, а в 2009 году - менее 56% - на 20% меньше. В Великобритании лейбористы и консерваторы, имевшие в 1992 году 76% голосов, в 2010 году смогли вместе собрать только 65%. В Голландии совокупный вес двух основных партий снизился с 66 до 40% голосов в промежутке между 1989 и 2010 годами. В Греции соответствующие показатели уменьшились с 86 до 77% в диапазоне 1993-2009 годов. В Португалии падение веса двух основных партий выразилось следующим образом: с 78% в 2002 году до 66% в 2010 году⁴. Соответственно, социал-демократы как одна из опор двухпартийных систем, реально существующих в целом ряде европейских стран (хотя в выборах участвует большее количество партий), не могли остаться в стороне от этой - универсальной по своей сути - тенденции, собрав свою часть урожая растущего скептицизма рядового избирателя.

Третий довод тоже основывается на некоей закономерности (хотя в этом случае скорее психологической): в моменты кризисов электорат обычно делает крен в пользу правых партий, полагая, что они способны проводить более последовательную политику, нежели разрывающиеся между своими убеждениями и императивом складывающейся ситуации социал-демократы. Джеймс Клоппенберг из Гарвардского университета считает, что «одним из объяснений возрождения консерватизма является то, что импульс ему дает страх»⁵. Метания из стороны в сторону бывшего греческого премьера и лидера партии ПАСОК Георгиоса Папандреу, который предпочел в конечном итоге уступить кресло главы правительства в момент принятия самых непопулярных решений другому лицу, нежели переступить через свое социал-демократическое нутро и подвергнуть себя политическому самоожожению, будто свидетельствуют о справедливости этого аргумента.

Тем не менее предлагать простые объяснения сложных процессов и явлений, на мой взгляд, все же неправильно. Современная социал-демократия действительно находится в историческом тупике, из которого ей так или иначе придется искать выход, если, конечно, она не предпочтет отказаться от идеологического наполнения своего политического проекта, окончательно превратившись в одну из опор существующей модели государственного устройства большинства западных стран. Нынешний же финансово-экономический кризис, как это часто случается, только заострил проблему, но отнюдь ее не породил. Хороший материал для глубокого осмысления исторического пути, пройденного европейской социал-демократией в XX и начале XXI веков, дает опыт Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП), являющейся второй по продолжительности существования социал-демократической партией в мире*.

ИСРП была основана 2 мая 1879 года в Мадриде Пабло Иглесиасом, остающимся до сих пор ее наиболее почитаемым лидером. За свою более чем столетнюю историю партия неоднократно оказывалась в весьма сложных ситуациях, причем нельзя сказать, что она всегда проявляла последовательность в своих действиях. Чего стоит ее сотрудничество в 20-х годах прошлого века с диктаторским режимом Примо де Ривера, которое, выражаясь словами историка Хавьера Туселя, «трудно понять с позиций сегодняшнего дня». В период Второй республики (1931-1936 гг.) ИСРП играла

* Старейшей социал-демократической партией является германская СДПГ, созданная в 1863 году.

ведущую роль на левом фланге испанского политического ландшафта. В 1935 году она вошла в Народный фронт (НФ), объединивший также левых республиканцев, коммунистов и националистов, став его стержневым элементом. После победы НФ на выборах 1936 года и начавшейся спустя несколько месяцев вследствие мятежа Франко гражданской войны (1936-1939 гг.) представители Соцпартии Франсиско Ларго Кабальеро и Хуан Негрин возглавляли республиканское правительство, опиравшееся - особенно в первые годы войны - на военно-политическую поддержку Советского Союза, которому весьма симпатизировало мощное левое крыло социалистов. В годы франкизма партия была запрещена. Лидеры ИСРП находились в эмиграции, сама партия из-за репрессий режима, направленных против ее первичных организаций и рядовых членов, оказалась сильно ослабленной, вследствие чего ее активность в этот период была незначительной, чем она невыгодно отличалась от Компартии Испании, никогда не прекращавшей борьбы с диктатурой. Тем не менее «старая гвардия» во главе с ИСРП не отказывалась от левых идеологических постулатов.

Идейное обновление ИСРП началось с приходом к руководству партией новой генерации ее вождей на съезде в Суреснесе в 1974 году, когда пост генерального секретаря перешел от одного из «исторических лидеров» - Родольфо Льюписа к 32-летнему адвокату Фелипе Гонсалесу. Первым его крупным шагом стал окончательный отказ партии от марксизма в 1979 году, то есть в год столетия ИСРП.

Однако в области экономики Ф.Гонсалес в тот период решительно отвергал неолиберальное поветрие. Для подтверждения этого приведу выдержку из первой широко известной брошюры Ф.Гонсалеса «Испания и ее будущее», датированной 1978 годом. В ней он пишет: «Правые предлагают приблизить нашу экономическую систему к [экономическим системам] наиболее развитых капиталистических стран, сократив государственное участие [в экономике] и ликвидировав корректоры свободной игры рыночных сил, и отдать принятие решений на предприятиях на исключительный откуп технократов и акционеров. В отдельных секторах даже процветают идеи, вытекающие из североамериканской школы Милтона Фридмана, которые проклинают социальные гарантии, минимальную зарплату, прогрессивное налогообложение, обязательное публичное образование, борьбу против монополий.

Что означало бы это для Испании?

Чистая и простая сакрализация рыночной экономики означала бы, например, свободные увольнения и увеличение - на многие сотни тысяч людей - числа безработных в ближайшие годы. Отдельные предприятия

стали бы очень эффективными, но они сосуществовали бы с бездействующим и деморализованным населением... Существование такого общества, помимо того, что оно станет взрывоопасным, будет морально неприемлемым. У нас будет очень эффективный слой предпринимателей с точки зрения конкурентоспособности с границей или их частной прибыли, но система во всей своей совокупности будет социально неэффективной»⁶.

Молодой, энергичный, харизматичный Фелипе Гонсалес, обладавший к тому же неоспоримыми лидерскими качествами, воспринимался в Испании, постепенно отходившей от чадящего наследия франкизма, как руководитель новой формации, способный вывести Страну за Пиренеями на новые рубежи развития. В 1982 году ИСРП одерживает свою первую в постфранкистский период и до сих пор остающуюся наиболее впечатляющей победу на всеобщих выборах, получив более 48% голосов избирателей.

Став премьером, Ф.Гонсалес начинает болезненный процесс перестройки испанской промышленности, все еще сохранявшей в ту пору отпечаток франкистской автаркии, что должно было обеспечить ускоренную модернизацию страны. При этом за модель для подражания берется опыт французских социалистов, уже прибегших к тому времени к неолиберальным рецептам в экономике. Промышленный рост в сочетании с массовым притоком в страну иностранного капитала, частично спекулятивного, привлеченного в том числе высокими банковскими процентными ставками, сопровождается ухудшением положения трудящихся, что вызывает их недовольство. Серьезным испытанием для правительства социалистов в этот период становится всеобщая забастовка, проведенная 14 декабря 1988 года по инициативе испанских профсоюзов, и прежде всего Всеобщего союза трудящихся, созданного основателем ИСРП Пабло Иглесиасом в 1888 году, членство в котором до 1980-х годов подразумевало одновременное членство в Соцпартии, и наоборот. Можно сказать, что с этого момента между ИСРП и ее братским профсоюзом, с которым они прошли бок о бок целый век, возникла трещина, которая то сглаживалась, то расширялась в последующий период, но уже никогда полностью не исчезала. Экономическая же политика ИСРП в дальнейшем только все больше удалялась от классических социал-демократических канонов, приобретая стандартизированные для Западной Европы, прежде всего в формате Евросоюза, неолиберальные черты. В свою очередь, инерция триумфа социалистов на выборах 1982 года гасла с каждым новым электоральным циклом, полностью исчерпав себя через 14 лет. В 1996 году на выборах

впервые победила консервативная Народная партия, сумевшая привлечь под свои знамена весь правый и правоцентристский электорат.

В 1997 году Ф.Гонсалес неожиданно для всех ушел в отставку с поста генерального секретаря ИСРП, резко понизив градус своей публичной активности. После этого Соцпартия погрузилась в глубокий кризис, связанный с целым рядом обстоятельств, среди которых выделим идейный износ, коррупционные скандалы, в которых оказались замешанными многие партфункционеры центрального и регионального уровней, а также вакуум лидерства в постгонсалевский период. Уже тогда раздавались голоса в пользу необходимости возвращения ИСРП в русло социал-демократической традиции. Но голоса довольно робкие. Среди руководства и членов партии после ее перехода в разряд оппозиции в течение определенного времени бытовало мнение о случайности поражения на выборах, что порождало нежелание провести глубокий анализ причин произошедшего.

Появление во главе ИСРП в 2000 году Х.Л.Родригеса Сапатеро, безусловно, весьма положительно сказалось на моральном состоянии партийных масс. Они увидели в нем нового лидера, способного победить на выборах правых. В свою очередь, и само консервативное правительство, образованное Народной партией, дало социалистам определенные козыри в предвыборной борьбе: амбициозный премьер-министр Х.М.Аснар, обласканный американским руководством, втянул Испанию в составе антисаддамовской коалиции в войну в Ираке, весьма непопулярную в испанском общественном мнении. Эта и ряд других причин привели к стремительному падению авторитета консерваторов и победе социалистов на выборах в 2004 году.

На первом этапе пребывания Родригеса Сапатеро на посту главы правительства международная экономическая конъюнктура благоприятствовала Испании, которая весьма комфортно ощущала себя под ласковым солнцем неолиберализма, казавшегося в тот незабвенный период панацеей от всех возможных и невозможных экономических нападений. Естественно, задуматься о том, что неолиберализм - это, мягко говоря, не совсем социал-демократический проект, тогда никому в голову не приходило.

Кризис 2008 года нагрянул внезапно, больно ударив по испанской экономике и обнажив все ее традиционные слабости и проблемы, прежде всего структурного свойства, которые в период подъема представлялись едва ли не навсегда преодоленными. Особенно сильно пострадала строительная отрасль, игравшая в последние годы роль мотора всей испанской экономики и обеспечивавшая в значительной мере легальную и теневую занятость. В сфере недвижимости особенно заметно проявился «кредит-

ный пузырь», весьма похожий на тот, который чуть раньше взорвал американскую экономическую систему. Рецессия привела к новому росту безработицы - хроническому недугу испанской экономики, которая превысила 20% трудоспособного населения, что вдвое выше, чем в среднем по объятой кризисом зоне Евросоюза. Примечательно, что лучше других секторов экономики перенесла удар кризиса банковская система Испании, менее подверженная неолиберальному вирусу рискованной игры на рынках ценных бумаг в сравнении с соответствующими финансовыми институтами других западных стран. Тем не менее Испания, как и ряд других государств, попала в поле зрения международных оценочных агентств, неоднократно понижавших ее кредитный рейтинг. Особое усердие в этом смысле проявила Standard & Poor's.

Сложная внутренняя ситуация побудила правительство социалистов к выработке Плана стимулирования экономики и занятости, включавшего четыре основных направления: меры поддержки семьи и предприятий, меры по содействию занятости, меры поддержки финансовой системы и меры по модернизации экономики. В дальнейшем кабинетом был утвержден комплекс шагов, которые, будучи формально направленными на преодоление кризиса, на деле вели к урезанию социально-экономических прав и завоеваний трудящихся. Среди них выделим пенсионную реформу, предусматривающую прогрессивное увеличение возраста выхода на пенсию до 67 лет, а также реформу трудового законодательства. Венцом этой линии стало одобрение Конгрессом депутатов (голосами парламентариев от ИСРП и Народной партии) в начале сентября 2011 года поправки к Конституции страны - так называемого «золотого правила», законодательно ограничивающего дефицит государственного бюджета. Предполагается, что к 2020 году дефицит бюджета Испании не будет превышать 0,4% ВВП.

Установление дисциплины в бюджетной сфере, вне всякого сомнения, является важным условием, направленным на обеспечение долгосрочной стабильности в экономике. При этом очевидно, что подобные меры должны приниматься не в авральном порядке, а становиться результатом последовательного и целенаправленного курса. В нашем же случае, несмотря на все предпринятые правительством усилия, Испания продолжает увязать в долговом кризисе.

Радикальным ответом части испанского общества на антинародную, по ее мнению, политику властей явилось зарождение 15 мая 2011 года «Движения возмущенных» («Движение 15-М»), ставшего, по сути дела, ядром общемирового протестного движения за спра-

ведливый, гуманный и демократический мир против засилья финансово-экономической олигархии. Однако для Соцпартии более важное значение имело отношение к осуществлявшимся правительством Родригеса Сапатеро реформам среднестатистических испанцев, исторически составляющих основу электората ИСРП. Их же взгляд на антикризисную политику социалистического кабинета министров был не менее негативным, чем у «возмущенных», и выражался, как правило, в следующей цепочке рассуждений: реформу диктуют рынки, Европейский центробанк, МВФ и Германия; испанские власти будут вынуждены прежде всего расплачиваться по долгам и только в последнюю очередь станут вспоминать о выплатах на социальные и общественные нужды, ни о каком создании новых рабочих мест и стимулировании экономики в этих условиях речи быть не может. Вот такая наполненная пессимизмом логика...

Как отмечалось выше, у европейских партий социал-демократической ориентации в условиях кризиса не оказалось своих программ по выведению из него национальных экономик. Не стала исключением и ИСРП, которая взяла на себя бремя проведения непопулярной политики, направленной на ограничение госрасходов и закручивание социально-экономических гаек в ущерб интересам трудящихся. Произошла парадоксальная по своей сути вещь: социал-демократия в лице представляющих ее интересы партий в целом ряде стран своими руками урезала социально-экономические права трудящихся, в завоевании которых она принимала непосредственное участие. Такой поведенческий казус, естественно, не мог не сказаться на настроениях избирателей, прежде всего той их части, которая традиционно тяготеет к левым и левоцентристским партиям. Не миновала сея печальная участь и испанских социалистов.

20 ноября 2011 года в Испании состоялись общенациональные выборы в Генеральные кортесы - парламент страны. Их итоги стали не просто плачевными, а по-настоящему шокирующими для ИСРП. Партия оказалась отброшенной на электоральном поле на три с половиной десятилетия назад, вернувшись на позиции, которые она занимала в самом начале постфранкистского периода, только что выйдя из подполья. Ниже приводится сводная таблица результатов ИСРП на парламентских выборах с момента восстановления в стране демократии.

Год	Процент голосов избирателей	Количество голосов избирателей	Количество мест в нижней палате парламента (Конгрессе депутатов)
1977	29,32	5 371 866	118
1979	30,40	5 469 813	121
1982	48,11	10 127 392	202
1986	44,06	8 901 718	184
1989	39,60	8 115 568	175
1993	38,78	9 150 083	159
1996	37,63	9 425 678	141
2000	34,16	7 918 752	125
2004	42,59	11 026 163	164
2008	43,64	11 064 524	169
2011	28,73	6 973 880	110

Источник: www.elmundo.es/elecciones/elecciones-generales/resultados/evolucion/congreso.html

Примечание: Конгресс депутатов Генеральных кортесов Испании состоит из 350 депутатов.

Из таблицы видно, что по сравнению с выборами 2008 года Соцпартия потеряла более 4 млн. голосов избирателей, или без малого 40% своих сторонников. Испанские политологи чаще всего употребляют слово «наказание» для характеристики масштабов падения социалистов. На мой взгляд, речь идет не просто о наказании, а о гораздо более серьезном явлении - глубоком кризисе доверия к ИСРП в испанском обществе.

Действительно, испанские социалисты знавали в своей истории трудные времена. Были подобные ситуации и в период демократического развития страны уже на современном этапе. Однако всякий раз накануне выборов, за редким исключением, лидерам ИСРП удавалось сплотить, зажечь и увлечь многоуровневый партактив - от региональных отделений до местных организаций, так называемую «базу» партии, равно как и весь свой многочисленный электорат, на, образно говоря, последний штурм. И во многих случаях это приносило ощутимые результаты. Люди шли на выборы и голосовали за партию.

На этот раз партия оказалась разобщенной, дезорганизованной, неспособной консолидироваться и мобилизоваться в решающий момент. Состояние глубокой апатии, неверие в партийное руководство, несогласие с проводимым им курсом прочно овладели ИСРП и прежде всего рядовыми членами партии. Среди же испанских аналитиков - сначала вполголоса, а чем ближе к выборам, тем больше - вполне серьезно обсуждался «крайний» вариант: что будет с ИСРП, если она по итогам голосования получит в нижней палате парламента менее сотни мест. Не исключался едва ли не апокалипсический вариант - распад партии на несколько группировок или ее многолетняя политическая кома. Подобный драматический сценарий, к счастью для социалистов, не состоялся. Но это не значит, что он был невозможен в принципе.

Нынешняя политическая ситуация высветила проблему дефицита лидерства в Испанской соцпартии, имеющую в современных условиях критически важное значение. И правые и левые в стране еще не успели забыть Фелипе Гонсалеса у руля ИСРП и во главе правительства. Одна его яркая, зажигательная речь, произнесенная перед десятками тысяч сторонников, могла переломить неблагоприятно складывавшуюся ситуацию, являлась мощнейшим инструментом предвыборной мобилизации партии. Ф.Гонсалеса окружала когорта неординарных политиков, на которых он всегда мог опереться.

Сегодня ситуация другая. Выдвинувшийся на позиции лидера партии Альфредо Перес Рубалькаба, который, будучи министром внутренних дел, приобрел известность благодаря успешной борьбе с баскским терроризмом, по своему политическому весу, конечно же, несопоставим ни с Гонсалесом, ни даже с заканчивающим свою активную политическую деятельность Родригесом Сапатеро. Деградация партийного руководства - это тоже показатель кризисного состояния испанских социалистов, пусть даже в субъективном плане.

В первую неделю февраля 2012 года в Севилье состоится 38-й съезд ИСРП, значение которого для судьбы партии трудно переоценить. На нем испанским социалистам предстоит не только выбрать своего нового лидера, но и постараться разобраться в причинах своего недавнего обвала на выборах, ставшего, как представляется, закономерным итогом их политического курса на протяжении не только последних трех кризисных лет, но гораздо более длительного периода. От того, насколько глубоким и критичным станет этот анализ, во многом будет зависеть будущее испанской социал-демократии, ее роль и место в современном испанском обществе.

Проблемы испанских социалистов по большей части являются общими для всей европейской социал-демократии. Потеря ею своего политического лица, выхолащивание в последние десятилетия самой квинтэссенции ее экономического проекта, попытка влиться в неолиберальный мейнстрим общественно-политического и экономического развития западных стран без критического осмысления совместимости этого мейнстрима с социал-демократической идеологией породили глубокий кризис данного направления общественно-политической мысли, усугубленного в процессе переживаемой западным миром экономической рецессии. Кризис социал-демократической мысли во многом предопределил и кризис лидерства в партиях этого направления, о чем свидетельствует не только испанский опыт, но и положение дел, сложившееся в стане, в частности, французских и германских социал-демократов.

Социал-демократия в наши дни стоит перед дилеммой, связанной с выбором курса. Либо она глубоко, всесторонне и критично осмыслит опыт своей деятельности в последние десятилетия, в том числе в экономической сфере, соотнесет его с базовыми постулатами социал-демократической идеи и на этой основе постарается выстроить свою новую платформу - платформу XXI века, либо она обречена на продолжение плавания по течению рутинной политической жизни, без претензий на ее серьезное реформирование, в расчете на цикличность смены партий у руля государственной власти, что, вполне возможно, и является пределом мечтаний части современных социал-демократических вождей. Третьего же не дано.

¹Цит. по: *Мухаев P.T.* История политических и правовых учений. М.: Юнити-Дана, 2005. С. 404.

²*Díaz-Cano M.* La socialdemocracia, en tierra de nadie // *El País*. 5 de julio de 2011. P. 27.

³*Rizzi A.* La derecha como refugio // *El País*. 6 de julio de 2011. P. 30-31.

⁴*Ibid.*

⁵*Ibid.*

⁶*González Felipe.* España y su futuro. Prólogo de Alfonso Guerra. Madrid: Editorial Cuadernos para el Diálogo, 1978. P. 59.

Ключевые слова: ИСРП, Пабло Иглесиас, Фелипе Гонсалес.

Петр ИСКЕНДЕРОВ

Старший научный сотрудник Института славяноведения РАН,
кандидат исторических наук
turantz@land.ru

Европа - кризис идентичности или «раздвоение личности»

2011 год стал одним из самых противоречивых в современной истории Европы. Несмотря на многие апокалипсические прогнозы, Европейскому союзу удалось избежать немедленного краха, а колебания курса единой европейской валюты не приобрели разрушительной амплитуды. Однако главные трудности для европейцев впереди, и носят они не сезонный или спекулятивный, а, без всяких преувеличений, системный характер.

Сомнительные итоги декабрьского саммита ЕС ознаменовали переход данной организации в новое состояние, при котором управление осуществляется в «ручном», а не автоматическом режиме. Создание Европейского фонда финансовой стабильности, начало разработки соглашения о новых принципах действий ЕС в бюджетно-финансовой области и множась расколы в рядах Евросоюза по экономическим, внешнеполитическим и другим вопросам наглядно продемонстрировали неработоспособность введенных в 1990-х годах механизмов евроинтеграции. Говоря словами министра по европейским делам в правительстве Франции Жана Леонетти, «евро может взорваться, а Евросоюз - развалиться», что способно стать «катастрофой не только для Европы и Франции, но и для всего мира».

Когда речь идет о потрясениях, чреватых глобальной катастрофой, в голову сразу же приходят конспирологические версии. Однако в кризисе Евросоюза рука внешнего заговора если и прослеживается, то весьма сла-

бо. Во всяком случае, той державе, с которой принято связывать подобные происки, - США, - кризис ЕС и евро в его нынешнем виде явно не выгоден. Это, собственно, дал понять европейцам американский министр финансов США Тимоти Гайтнер, призвавший лидирующие страны - члены ЕС «абсорбировать» затраты на урегулирование кризиса, а всех граждан «единой Европы» - создать «огненную завесу» на пути дальнейшего распространения кризиса. Учитывая бюджетные проблемы администрации Барака Обамы и тесные торговые взаимосвязи двух берегов Атлантики, не приходится сомневаться, что Евросоюз Вашингтону нужен, скорее, живым, а не мертвым. Есть, конечно, и другие мировые факторы - вроде Китая и исламского экстремизма. Однако считать, что они стоят за британо-французским расколом или падением кредитных рейтингов стран Южной Европы, - это примерно то же самое, что обвинять в распаде СССР лично Рональда Рейгана, Дэн Сяопина или Усаму бен Ладена.

Так что как бы ни были милы некоторым европейским лидерам, которых «по совокупности» все чаще именуют «Меркози» Меркель+Саркози), ссылки на внешние обстоятельства, несговорчивость англосаксов или эпикурейство греков, главный враг евроинтеграции все-таки находится в самом ее сердце - в Брюсселе. А точнее, в тех самых институтах «единой Европы», из-за штаб-квартир которых целый квартал Брюсселя приобрел футуристический и безликий вид. Речь идет о том, что евробюрократы принялись возводить здание «единой Европы», не очень-то задумываясь о том, кто в нем, собственно, будет жить. Почему-то у творцов маастрихтских, лиссабонских и прочих соглашений существовало стойкое убеждение, что в «новой Европе» будут жить «новые люди» - свободные от расовых и национальных предрассудков, позабывшие многовековые взаимные обиды и традиционные жизненные уклады.

Однако с первыми дуновениями финансового кризиса стало очевидно, что граждане ЕС, пускай они и не разделены визовыми и валютными барьерами, разобщены еще больше, чем это было в 1970-1980-х годах. Как справедливо подчеркивает итальянская газета «Република», Европа сейчас переживает не кризис евро, а кризис собственной идентичности. Ведь для того чтобы здание единого европейского государства обрело прочность, его архитекторы нуждаются в наличии единой нации. Однако это оказалось непосильной задачей. Как справедливо напоминает «Република», «никогда в истории литовец и киприот, мальтиец и словак, итальянец и эстонец, англичанин и австриец, не говоря уже о французах и немцах, не жили под одной крышей, не делили хлеб насущный, мысли и глубокие чувства». В истории Европы были две красноречивые попытки построить

континентальную империю с собственной нацией в центре - наполеоновская и гитлеровская. И нынешний ренессанс национализма во многих странах Восточной Европы напоминает о живучести тех настроений.

То же самое относится и к единой валюте евро, зависшей в буквальном смысле между прошлым и будущим. Страны ЕС под мощным давлением из Брюсселя одна за другой отказывались от национальных валют, но сохраняли в неприкосновенности собственные финансовые институты в виде центробанков и госбюджетов. Это не могло не привести к перекосам, когда бюджетные дыры одних стран латались за счет более успевающих членов зоны евро. «Этой валюте-сироте, принятой семнадцатью бывшими родителями, которые злобно посматривают друг на друга, трудно вызвать к себе доверие, а тем более политический энтузиазм», - справедливо указывает «Республика»¹.

Валюта-то в европейских государствах одна, а налогоплательщики - разные. А свои налогоплательщики - они же и избиратели. Вот и потянули на себя одеяло менее успешные страны - от Испании и Португалии до Прибалтийских государств, памятующие о своей идентичности, а не спешащие менять ее на навязываемую извне «общеевропейскую». Подобные настроения в европейских странах существовали всегда, но сейчас они значительно усилились как ответная реакция на принудительное навязывание обезличенных моделей. Жителям конкретных стран со своей уникальной национальной историей, со своей культурой предложено становиться «общеевропейцами», подчиняющимися решениям и циркулярам брюссельской бюрократии. В различных государствах ЕС это наталкивается на различные по форме, но схожие по сути протесты - от акций антиглобалистов в Западной Европе до демонстраций в защиту национального и религиозного самосознания в той же Греции. И можно не сомневаться, что подобные протесты будут нарастать.

В 1990-х годах европейцы действительно выглядели более сплоченными. Но это происходило до тех пор, пока ЕС не замахнулся на решение глобальной задачи - интегрировать в «единую Европу» страны, которые не только никогда не жили под одной крышей, но и исторически относились к враждовавшим лагерям. Форсированное включение в состав ЕС государств Центральной и Восточной Европы принесло Евросоюзу не новые финансовые и торговые рынки, а ренессанс местечковых обид и иждивенческих настроений. И нынешние требования британских консерваторов о выходе Великобритании из ЕС - это не «блестящая изоляция» в духе XIX века, а трезвое понимание того, что с такой Европой старейшей европейской демократии не по пути. Американское издание

«Нэшнл ревью» высказалось на этот счет так: «Остров Великобритания является и одновременно не является частью Европы, осторожно отходя подальше, когда ситуация начинает накаляться, в ужасе от того, что Лондон могут притянуть обратно, когда накал страстей достигнет последней капли и перельется через край. Британский премьер-министр Дэвид Кэмерон очень хорошо знает старый сценарий, и он категорически и публично настаивает на том, что Великобритания по-прежнему является частью трещащего по швам Европейского союза, но одновременно частным образом допускает, что это уже не так». Да и общий диагноз, выставляемый американскими журналистами Европе, не внушает оптимизма. «Шизофрения - это именно то, что мы должны ожидать от десятков культур и исторических общностей, втиснутых в рамки сравнительно маленького континента, полного массы ярких и весьма гордых людей»².

Есть и еще одна опасная для единства Европейского союза тенденция, явно усилившаяся в 2011 году, - стратификация организации, ее расслоение на несколько уровней. Эти уровни не только слабо связаны друг с другом, но и представляют прямых конкурентов в борьбе за финансовые, сырьевые и прочие ресурсы. В качестве основных таких центров можно выделить франко-германский союз во главе с вышеупомянутым «Меркози», Скандинавию с привязкой Прибалтийских государств, Средиземноморье, а также Центральную и Восточную Европу.

Кроме того, ЕС продолжает обрастать различными внешними структурами, делающими его еще более рыхлым и неуправляемым. Один из таких блоков продолжает активно формировать Польша на базе Восточного партнерства. При этом само руководство Евросоюза все менее склонно обнадеживать своих восточных партнеров будущим членством в ЕС, подменяя политические обязательства обещаниями финансовой помощи. В итоговом документе сентябрьского форума Восточного партнерства говорится, что «Европейский союз разместил значительные финансовые ресурсы в размере до 1,9 млрд. евро на 2010-2013 годы в целях продвижения реализации Восточного партнерства в рамках двусторонних и региональных программ». Однако никаких реальных политических обязательств в отношении Украины и других республик бывшего СССР Брюссель на себя не берет³. Как откровенно признают в Евросоюзе, посредством данной программы «ЕС и НАТО держат восточноевропейские страны в бухте», не давая им отправиться в «свободное плавание», прежде всего к российским берегам⁴. Как справедливо замечает в данной связи немецкий исследователь К.Мюллер, речь, по сути, идет о попытке «европеизации» восточноевропейских обществ

посредством глубокого вторжения в их государственный суверенитет - внедрения программы «трансферта европейской институциональной системы в восточноевропейские страны»⁵.

Второй - балканский - блок стал ареной геополитического возвышения Германии. Что же касается Южной Европы, то она является одним из ключевых полигонов для патронируемого Францией и лично Президентом Николя Саркози Средиземноморского союза. Здесь мы являемся свидетелями разрастающегося геополитического соперничества Берлина и Парижа, проявившегося, в частности, в Ливии, а также по вопросу приема в ЕС Сербии. Это соперничество способно уже в 2012 году стать ключевой проблемой для всей Европы. Как иронично замечает германский еженедельник «Шпигель», Берлину уже пора задать себе непростой вопрос: каким образом он может «осваивать новые рынки в России и Азии, но при этом держать в голове традиционных союзников» - США и ведущие западноевропейские страны⁶. Характерно, что «Шпигель» называет подобную ситуацию «раздвоением личности». А ведь это - один из симптомов все той же шизофрении.

Подобное «брожение умов» в рядах Евросоюза закономерно вносит сумятицу и в настроения в тех странах, которые еще только надеются вступить в сей привилегированный клуб. Состоявшиеся в середине января в хорватской столице городе Загребе демонстрации протеста против вступления страны в ЕС наглядно продемонстрировали, что даже в этой внешне благополучной балканской стране общество расколото. Лидер Хорватской чистой партии права Йосип Миляк задал весьма справедливый вопрос: в какой именно Евросоюз Хорватия вступит в 2013 году? В организацию, стоящую на грани распада и использующую любую возможность для «латания дыр». Как обоснованно отметил Миляк, институты ЕС вполне способны использовать Хорватию как «свежую кровь» для решения собственных проблем⁷.

Стоит ли удивляться, что в этой стране, считающейся европейской «витриной» Балкан, в поддержку евроинтеграции высказываются чуть больше половины опрошенных. А в соседней Сербии ситуация еще драматичнее. Массированное давление Запада на власти страны с целью заставить их отказаться от Косова принесли свои закономерные плоды: число сторонников вступления страны в ЕС впервые стало уступать числу противников этого шага. Говоря словами профессора берлинского Университета Гумбольдта Хайнриха Аугуста Винклера, «Евросоюз спотыкается об отсутствие проекта, по которому он может сориентироваться»...⁸

Стремительное нарастание противоречий в рядах ЕС, внутреннее расслоение этой организации, всплеск популярности радикальных на-

ционалистических сил во многих странах-членах вкупе с множущимся числом евроскептиков по его внешним границам - с таким нерадостным багажом Европейский союз вступил в 2012 год.

Особо следует сказать о том месте, которое ЕС отводит России. Споры о том, где проходит восточная граница Европы, стары как сама география. Античные - прежде всего греческие - мыслители предпочитали проводить ее по восточным рубежам своего государства. В средние века основным критерием закономерно стал конфессиональный, и Европа ассоциировалась с ареалом распространения христианства, понимаемого как католичество. В новое время инициативу вернули себе географы. В поисках естественных рубежей Европы они озаботились описанием обширных пространств восточных регионов России и дошли в своих поисках до реки Енисей. Однако грянули новые геополитические потрясения. В эпоху холодной войны, как напомнил на днях со страниц газеты «The New York Times» британский писатель Фрэнк Джэкобс, «весь Советский Союз, Вильнюс, Рига и прочие города, входящие сегодня в состав Евросоюза, были полностью исключены из Европы». «Порой из Европы вычеркивали даже страны - сателлиты Советского Союза, входившие в состав Варшавского договора. Поэтому слово «Европа» стало синонимом слова «Запад» с его политическими ценностями», - подчеркивает Джэкобс⁹.

Сегодня нет ни СССР, ни стран-сателлитов, но дискуссии о том, что делать с необъятными российскими просторами, продолжаются. Конечно, и в Европе, и за ее пределами есть немало сторонников расширительного, деидеологизированного подхода к проблеме в духе концепций «Европа от Атлантики до Урала» или даже единой системы безопасности от Ванкувера до Владивостока. Однако попытки воздвигнуть на восточных границах Евросоюза новые стены по-прежнему востребованы европейскими элитами. Это проявляется, в частности, в разнообразных региональных программах ЕС - начиная от «Восточного партнерства» со странами бывшего СССР до «Средиземноморского партнерства» с Северной Африкой. Выходит, что Украина, Азербайджан или даже Ливия с Тунисом - партнеры Европы, а Россия - кто? Простой поставщик энергоресурсов, столь же удаленный от европейских ценностей, как, скажем, Ангола?

Упоминание об энергоресурсах возникло отнюдь не случайно. Как совершенно справедливо указывает в гонконгской газете «The Asia Times» известный бразильский политолог Пепе Эскобар, «практически все современные геополитические события связаны с энергетикой»¹⁰. И вот если подходить к географическим изысканиям Евросоюза с этих позиций, тогда многое станет ясно. Для ЕС - во всяком случае, для его руководства - Россия

выступает прежде всего как некое энергетическое «неизбежное зло», снабжающее «Европу» нефтью и газом. А «Европа» тогда - это потребители, призванные, с одной стороны, следить, чтобы российские трубопроводы не пустели, а с другой - чтобы Москва не претендовала на самостоятельность.

Примечательно, что и в самом Евросоюзе нарастают противоречия относительно того, что именно следует считать Европой. Во многих государствах, более других пострадавших от экономического кризиса или, наоборот, вынужденных помогать «проблемным странам» за собственный счет, «Европа» отождествляется с брюссельской бюрократией. Но как только речь заходит о внешних факторах, таких как приток нелегальных иммигрантов, прием в ЕС балканских стран или либерализация визового режима с Россией, Европа вновь надевает маску превосходства и оплота цивилизации.

В отличие от ЕС США в вопросах «истории с географией» поступают гораздо проще. Как без обиняков указывает Збигнев Бжезинский, американские «военные легионы надежно закрепились на западных и восточных окраинах Евразии». Более того, «американские вассалы и зависимые государства, отдельные из которых стремятся к установлению еще более прочных официальных связей с Вашингтоном, распространились по всему евразийскому континенту»¹¹. Точнее, как говорится, не скажешь...

¹La Repubblica. 22.12.2011.

²The National Review. 29.12.2011.

³http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/ec/124843.pdf

⁴<http://www.euractiv.com/east-mediterranean/eu-nato-keep-eastern-countries-bay/article-177760>

⁵Müller K. «Countries in Transition»: Entwicklungsfade der osteuropäischen Transformation // Osteuropa, 2001. Н.10. S.1163.

⁶Der Spiegel. 29.08.2011.

⁷РИА Новости. 14/01/12 23:16.

⁸Winkler H.A. Politics Without a Project // IP Global Edition. Vol. 12, 2011. Sept-Oct.

⁹The New York Times. 09.01.2012.

¹⁰The Asia Times. 22.12.2011.

¹¹Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 2009. С. 37.

Ключевые слова: Европа, кризис, Балканы, Восточное партнерство, ЕС, евроинтеграция, Россия, США.

Международная

ЖИЗНЬ

КОЛООНКА Главного редактора

Армен Оганесян:

«Уход США из Ирака и Афганистана, попытка примирения, пусть внешнего, с талибами - все это выглядит как выравнивание фронта. В последнем случае снижается уровень конфронтации с одной из наиболее радикальных и опасных сил в регионе, крайне чувствительном для США в случае проведения операции против Ирана. В этом же ряду следует рассматривать и замирение с другими бывшими врагами США на Ближнем Востоке, например смячение позиции в отношении «Братьев-мусульман» и даже салафитской партии «Ан-Нур», которые с большим отрывом лидируют на парламентских выборах в Египте».

Армен ОГАНЕСЯН

Главный редактор журнала
«Международная жизнь»
oganesian@interaffairs.ru

Если завтра война...

Закон, позволяющий Президенту США существенно ограничить экспорт иранской нефти, вызвал целый поток комментариев и резкую реакцию Ирана. Затем антииранская риторика поутихла и посылались примирительные нотки с обеих сторон. Это, разумеется, не меняет сути дела и не снимает с мировой повестки главного вопроса: намерены ли США воевать с Ираном и если да, то когда?

В политике прогнозы подобного рода - вовсе не гадание на кофейной гуще, поскольку всякая война требует подготовки. Из мозаики предпринимаемых Вашингтоном действий постепенно складывается любопытная картина.

Почти одновременно с законом о новых санкциях против Ирана мы услышали под Новый год еще одно заявление, на этот раз из уст вице-президента США Джозефа Байдена. Оказывается, талибы больше не являются врагами США. «Президент никогда не заявлял, что «Талибан» угрожает нашим интересам. Проблемы начнутся, если это движение будет представлять угрозу для правительства, которое помогает нам бороться с плохими парнями».

Повергнув в недоумение весьма многих по обе стороны Атлантики, слова Байдена были с восторгом восприняты в Кабуле премьером Карзаем. Тени трагического прошлого, последовавшего после ухода сверхдержавы из Афганистана, не могут не беспокоить афганского лидера. Вот почему жесткая позиция республиканцев - никаких переговоров с талибами, - отвергнутая, наконец, демократами, так его обрадовала.

Однако нас интересует другое. С точки зрения американской политики приверженности и поддержки демократии, и особенно в отношении тех стран, где осуществлялось прямое военно-политическое вмешательство США, высказывания Байдена звучат по меньшей мере непоследовательно.

Что, собственно, изменило моральное и политическое лицо «Талибана», ну скажем, со времен сентября прошлого года, когда вооруженные боевики 20 часов удерживали центр Кабула, нанося удары по административным зданиям и штабквартире НАТО? Может, внутри движения произошли фундаментальные идеологические сдвиги в сторону толерантности и демократических ценностей? Разумеется, нет.

Конечно, судьба режима в Кабуле, который после Байдена сможет смелее вести переговоры с тали-

Материал печатается в рамках проекта РИА «Новости»
«От автора» // www.rian.ru/anthois/201100204/207658418.html

бами, беспокоит Белый дом. Но, судя по всему, этим дело не ограничивается.

Уход США из Ирака и Афганистана, попытка примирения, пусть внешнего, с талибами - все это выглядит как выравнивание фронта. В последнем случае снижается уровень конфронтации с одной из наиболее радикальных и опасных сил в регионе, крайне чувствительном для США в случае проведения операции против Ирана. В этом же ряду следует рассматривать и замирение с другими бывшими врагами США на Ближнем Востоке, например смягчение позиции в отношении «Братьев-мусульман» и даже салафитской партии «Ан-Нур», которые с большим отрывом лидируют на парламентских выборах в Египте. Радикальные программы этих партий (в частности, лишаящие женщин и христиан права на руководящие должности) оставляют США на удивление равнодушными. Поскольку оседлать процесс трансформации «нового Ближнего Востока» сегодня не получается, можно ограничиться прагматичной идеей политической и экономической зависимости. К тому же, взяв под контроль Иран, США смогут с гораздо большей уверенностью в своих ресурсах вернуться к обустройству Ближнего Востока. Пока пусть просто не мешают.

Ну что же, теперь поговорим о потенциальных союзниках Ирана. Собственно, речь может идти только о Сирии. Но Сирия выведена из игры внутренним накалом страстей. Впрочем, этого недостаточно. В Дамаске должно сидеть лояльное и послушное США правительство - стратегически важное обстоятельство в случае войны с Ираном. Да и Израиль поуспокоился бы после шока от выборов в Египте. Давление на Сирию нужно наращивать. Мешает этому Россия и отчасти Китай. Кстати, о России. Дипломатические

демарши, в том числе в ООН, разумеется, неприятны, слишком ссориться с Москвой Соединенным Штатам не стоило бы, но эти издержки можно было бы поправить в будущем. Скажем, можно отчасти пересмотреть позицию по ПРО и что-нибудь русским пообещать.

Китай на сегодня - пожалуй, немаловажный тормоз. Законодательное право на введение эмбарго на иранскую нефть в любой момент может сыграть роль детонатора, стремительно провоцирующего Тегеран на ответные и агрессивные действия. Но иранская нефть покрывает значительную часть потребностей КНР в энергоресурсах. Даже в случае компенсации этих потерь Пекин попадает в зависимость от США.

К тому же усиление тихоокеанского соседа за счет Ирана не входит в планы китайского руководства, особенно после провозглашенной Хиллари Клинтон программы «наш американский тихоокеанский век». С некоторым запозданием власти Китая выступили с осуждением законопроекта о дополнительных санкциях в отношении Ирана. Представитель МИД Китая заявил: «Китай выступает против того, чтобы какая-либо страна ставила национальное законодательство выше международного права и в одностороннем порядке вводила санкции в отношении других государств». Да, с Китаем США предстоит поработать. Ну а что в стане союзников Америки? Франция, ставшая в последнее время в своих специальных отношениях с Вашингтоном едва ли не «розялистом больше короля», то есть больше старой доброй Англии, разделяет идею максимального нажима на Иран. Это немаловажный плюс для США. Но добиться единства рядов в Европейском союзе вряд ли удастся. Надо сказать, что

критиков «резких движений» в мировой политике немало как в Старом, так и Новом Свете. Большинство из них исходит из того, что состояние мировой экономики и финансов, кризис еврозоны исключают возможность силовых акций. Тем более таких, которые способны взвинтить цены на энергоносители, истощить бюджеты на непроизводительные расходы, замедляя темпы экономического восстановления.

Известный экономист, нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц пишет: «В действительности 2012 год может стать именно тем годом, когда эксперимент с евро, который стал пиком 50-летнего процесса экономической и политической интеграции в Европе, завершится». Не радушной и оценки, данные экономистом состоянию американской экономики. По его мнению, никто из политиков в США не хочет заметить того факта, что ремонт банковской системы оказался недостаточным для того, чтобы вылечить экономику. «2012 год может возвестить о новом, еще более страшном этапе самого глубокого за последние 75 лет мирового экономического кризиса», - резюмирует Стиглиц.

Не выдерживает критики и ставший расхожим тезис о том, что война способна вывести экономику самих США из кризиса, как это было во времена Великой депрессии и Второй мировой войны. Война с Ираном - не Вторая мировая, глобальная экономика живет по другим законам, гораздо более сложным и непредсказуемым, чем это было в середине прошлого столетия.

Все эти обстоятельства делают заложниками ситуации вокруг Ирана тех, кто об этом сегодня, возможно, не подозревает или просто закрывает на это глаза.

Но факт остается фактом: Вашингтон активизировал подготовку силовой акции, которая вряд ли наступит завтра (не все подготовительные меры завершены). К тому же любое решение по Ирану будет неизбежно взвешено на весах под названием «избирательная кампания США».

И все же речь не идет о сиюминутных тактических планах Вашингтона. «Иран стремительно превращается в регионе из маргинальной силы в доминирующую, - пишет один из ведущих американских аналитиков Джордж Фридман. - Иран приготовился к отступлению США из Ирака. Хотя не стоит говорить, что Иран будет доминировать в Ираке, но честно надо сказать, что Тегеран будет иметь огромное влияние в Багдаде. Это влияние будет усиливаться по мере отступления США. Иракские политики просчитывают, что иранская сила рядом, а американская удаляется».

Когда, собственно, зародился план действий по «демонтажу» Ирана с применением военной силы? В связи с этим вспоминается интервью Уэсли Кларка, датированное 2007 годом. Тогда генерал Кларк, бывший командующий силами НАТО в Европе, рассказал о планах нападения на Ирак, о которых он узнал в начале 2000-х. Вот его слова в эфире радиостанции «Голос Америки»:

«И спустя несколько недель я переспрашиваю его [речь идет о генерале из Объединенного комитета начальников штабов США]: «Ну так что там решили? Наступаем мы на Ирак или нет?» А он отвечает: «Ладно бы Ирак. Вот, полкубуйся, что мне сегодня спустили сверху. В течение следующих пяти лет мы демонтируем семь стран. Начинаем с Ирака. Затем у нас в планах Сирия, Ливан, Ливия, Сомали, Судан. И заканчиваем в Иране»...

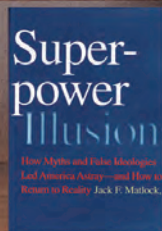
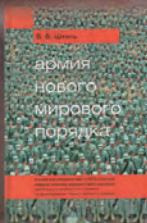
Ключевые слова: новые санкции против Ирана, введение эмбарго на иранскую нефть.

Международная

ЖИЗНЬ

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Евгения ПЯДЫШЕВА

Ответственный секретарь
журнала «Международная жизнь»,
кандидат исторических наук
pyadysheva@gmail.com

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И СПАСЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

Древние говорили: не дай вам бог жить во время перемен. Оказавшись именно в таком времени, невольно начинаешь задумываться, существовали ли когда-либо другие времена. Вся история нашей цивилизации со времен появления государств, которой уже почти 6 тыс. лет, - это трансформации общества и формы существования власти, завоевания, переделы, объединения и дробления и снова объединения. При этом народ всегда находился и находится под давлением власти, такое положение неизбежно ведет к непрекращающемуся конфликту между одним и другим.

Некой лодией в вечно бушующем океане социального, политического, экономического, правового противостояния гражданина и государства может послужить книга С.Я.Курица и В.П.Воробьева «Гражданин и государство - трагический круговорот истории»*.

Интересна история создания не только книги, но и творческого союза двух авторов. Как рассказывал Валерий Павлович Воробьев, лет десять назад совершенно случайно он прочитал научный труд С.Я.Курица, заинтересовался, написал письмо, завязалась переписка, которая вылилась в основательную монографию «Болезни государства»**. К тому времени Сергей Яковлевич Куриц уже многие годы жил в Израиле. Так что нежданно-негаданно образовался международный союз двух ученых - государственника, специалиста по проблемам

*С.Я.Куриц, В.П.Воробьев. Гражданин и государство - трагический круговорот истории. М., 2011. 64 с.

**С.Я.Куриц, В.П.Воробьев. Болезни государства (диагностика патологий системы государственного управления и права). М., 2009. 472 с.

Ближнего Востока, доктора права, работающего проректором в МГИМО (У) МИД России, Воробьева и специалиста по системному подходу к решению проблем управления, доктора технических наук, профессора, лауреата советских академических премий, занимающегося в Израиле аналитической деятельностью, Курица.

Именно благодаря диагностике «болезней государства» с различных научных позиций книга заняла первое место на конкурсе Российской ассоциации политической науки 2010 года в номинации «Междисциплинарные исследования».

Новая книга Курица и Воробьева намеренно более публицистична, рассчитана на широкий круг читателей, не обязательно являющихся специалистами в данной проблематике, при этом, не вникая в подробности, читатель может познакомиться с новейшими научными идеями, а также с практическими средствами, способными разорвать трагический круг противоречий между гражданином и государством, за которые граждане всегда платили и платят разорением и жертвами. В брошюре включены некоторые дополнительные результаты исследований, полученные после выхода в свет упомянутой монографии.

Гражданское общество и его роль в примирении гражданина и государства - основная идея книги. Авторы уверены, что современная наука показывает, что социальный протест носит характер повторяющегося из века в век трагического круговорота истории противостояния гражданина и государства. Каждый новый круг начинается с выборов нового государя. Один человек наделяется (или наделяет себя) правом власт-

вования (принятия высших государственных решений, называемых политическими: о войне или мире, о процветании или разорении народов) и управляет (руководит и контролирует исполнение своих же решений). Такая система управления родилась в глубокой древности (диктатура), и государь, в прошлом полководец, создает подразделения (министерства, ведомства, отделы и т.д.), назначая угодных людей по своему желанию (называемому политическими соображениями) на должности руководителей или снимая их по своему желанию.

И таким образом действует вся иерархия чиновников. Стремясь сохранить и упрочить свое положение, чиновники вынуждены удовлетворять прежде всего интересы начальника. В результате принимаются государственные решения, которые не всегда отражают интересы граждан.

В обществе возникают проблемы, кризисы и конфликты, которые находят выражение в противоправных действиях одиночек, что в конце концов приводит к социальным конфликтам: бунтам, революциям. После похорон убитых меняют государя (и его ближайшее окружение), который вновь властвует по прежней системе управления государством. Трагический круговорот продолжается. С каждым кругом добавляются новые, более мощные способы уничтожения людей, создаваемые научно-техническим прогрессом на средства будущих жертв, приближая к горестному предвидению И.Канта о том, что, если человечество не образумится, оно «успокоится на общем кладбище».

Чтобы остановить трагический круговорот, необходимо допустить граждан в лице гражданского общества к обсуждению всех проектов решений исполнительной власти государства на стадии их подготовки к принятию. В этом состоит принцип управления по обратной связи в живой природе и технических устройствах, который предупреждает нежелательное развитие ситуации, а не только информирует о нанесенных ущербах.

Главой исполнительной власти должен быть профессиональный управленец (менеджер), имеющий длительный успешный опыт управления соразмерным объектом, которого суверен-народ (его полномочный представитель) нанимает по договору для работы по продвижению государства к цели, признанной народом (стратегия). Контроль над принятием главой исполнительной власти тактических решений (поскольку стратегические решения еди-

нолично принимает сам суверен-народ) и над результатами исполнения решений, их соответствия стратегии суверена-народа осуществляет гражданское общество и независимый Конституционный совет, который выносит вердикт конституционности решений исполнительной власти.

Максимальная прозрачность решений исполнительной власти может остановить трагический круговорот истории противостояния гражданина и государства. Для этого требуется выполнение новых принципов и функций государственного управления и права (некоторых из них упомянутых выше). Изложенный в книге план совсем не кажется чем-то далеким от воплощения. В современном глобальном мире результативно, как часовой механизм, работают множество корпораций, которые можно рассматривать и как объединение людей для достижения общего результата. Некоторые корпорации настолько велики, что по числу сотрудников и обороту капитала превосходят некоторые государства с их населением и экономическими показателями. Успешность корпораций заключается еще и в том, что собственники капитала, исполняющие функции властвования, отделены от функции правления. Контроль над управляющими осуществляют владельцы собственности. Так, еще в XVI веке Н.Макиавелли обнаружил общность менеджмента и маркетинга (изъясняясь современным языком) в организациях и государстве. Ведь государство - это организация, а не политическая система, которой властвует и управляет политик. Логично и применимо в современном мире.

Достаточно подробно в книге анализируется диагностическая модель для обнаружения глубинных дефектов системы государственного управления и конституционного права, с помощью которой можно получить достоверный прогноз состояния государства в случае лечения и нелечения болезней.

Интересно, что авторы приводят пример использования медицинской диагностики для выявления болезней государства: «Система государственного управления и конституционного права, представляющая информационный комплекс, может быть клонирована как целостность для *всех* государств. На этой основе может быть построена единая модель (атлас) здоровой системы государственного управления и конституционного права.

Сравнение системы государственно-го управления и конституционного права (ГУ-КП) конкретного государства с аналогичной системой «здорового» государства позволит дать диагноз глубинных (нетривиальных) причин существующих проблем и кризисов и тех, которые могут возникнуть в будущем, а также оценить готовность конкретных властей к ускоренному разрешению возникших кризисов и конфликтов или их предупреждению. Важную роль в этом комплексе может играть участие граждан (гражданского общества) по аналогии с тем, как сам организм через посредство обратной связи борется с болезнями (сохранение гомеостаза). С помощью диагностирования может быть существенно снижен ущерб от незнания будущего» (с. 33).

Но вместе с тем, считают авторы, некоторая (непрограммируемая) часть будущего всегда остается непредсказуемой, случайной.

Известны два источника случайности: человеческий фактор - субъективные предпочтения лиц, принимающих решения, а также научные открытия и изобретения, изменяющие характер будущего; человеческий фактор в сочетании с природным фактором - форсмажор, то есть будущая обстановка, вынуждающая действовать непредсказуемо, вопреки намерениям.

Оба источника случайности порождают проблемы, кризисы и конфликты, и интенсивность этих негативных явлений усиливается. Речь идет о болезнях государства, возникающих под влиянием случайности на государственные решения, которые создает система ГУ-КП.

Комплексный анализ причин таких болезней не проводился в силу отсутствия необходимых методических инструментов, позволяющих исследовать целостную систему, состоящую из миллионов и миллиардов мыслящих компонентов (людей). Только в XX веке возникла возможность и благоприятные условия для такого анализа: появились системный подход и системный анализ (создатели: А.Богданов, Л. фон Берталанфи, У.Р.Эшби, Н.Винер), а также компьютер и интернет, открывшие доступ к информации, которая ранее была недоступна. Ослаблены запреты идеологического и политического характера.

Полученные достоверные (научно-подтвержденные) знания о причинах болезней государства и осознание того, что система государственного управления и конституционного права является информационным комплексом реального объекта, вызвали необходимость поиска аналогичного информационного комп-

лекса, который мог бы быть использован для диагностики болезней государства. Оказалось, что такой информационный комплекс используется в медицине для диагностики болезней человека.

Результаты исследования источников болезней государства и приведенные выше доказательства привели к мысли о создании унифицированной диагностической модели эталонной (без патологий) системы ГУ-КП, аналогично анатомическому атласу и параметрам нормальной физиологии здорового человека. Такая диагностическая модель представляет набор принципов и связей, из которых складывается основной закон государства - Конституция. Существование такого набора предсказал еще И. Кант: «Давно уже высказывалось желание, которое, может быть, когда-нибудь исполнится, - чтобы вместо бесконечного разнообразия гражданских законов были найдены их принципы...»

Сегодня выводы и рекомендации, прописанные в книге, звучат более чем своевременно. Обращаясь к акциям социального протеста «Захвати Уолл-стрит», прокатившегося по всему миру, и последним событиям в странах Северной Африки и Ближнего Востока, авторы считают, что социальные сети, возникшие в последние годы, делают возможным быстрый объем актуальной информации о качестве жизни, подталкивая людей к проведению протестных акций. Иногда современные

IT-технологии помогают отдельным группам населения в борьбе с несправедливостью. Но акции протеста в очередной раз приводят к жертвам, не принося надежд на долговременное улучшение качества жизни. Трагический круговорот истории лишь ускоряется, но пути выхода из него остаются неясными.

«Чтобы разорвать этот трагический круговорот, необходимо, в том числе с помощью социальных сетей, создать в странах (там, где его нет) гражданское общество - сообщество граждан, независимое от государства, но пользующееся его правовой и материальной поддержкой. Гражданское общество способно понять суть причинно-следственных связей глубинных источников болезней государства, донести эти знания до широкого круга граждан и обучить будущие поколения. Только став равноправным и ответственным партнером государства, гражданское общество сможет помочь ему самому в решении острейших вопросов повышения качества жизни народа, в том числе в трудный переходный период на пути к построению правового социального государства» (с. 63).

Пока события идут по накатанной дороге. Но может быть книга С.Я.Курица и В.П.Воробьева «Гражданин и государство - трагический круговорот истории» и есть тот маленький камушек, который, попавшись на пути, поможет перенаправить колесо истории.

Ключевые слова: С.Я.Куриц, В.П.Воробьев, «болезнь государства», гражданин.

ЯЛТА-2011

**Россия - Украина -
Белоруссия:
пути интеграции**

17-21 октября 2011

Сессия I

АРХИТЕКТУРА ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: РОССИЯ – УКРАИНА – БЕЛОРУССИЯ

Армен Оганесян, главный редактор журнала «Международная жизнь», советник министра иностранных дел России

Вступительное слово 96

Владимир Соколенко, заместитель директора Департамента внешнеполитического планирования МИД России, доктор политических наук

О некоторых научно-политологических аспектах современной интеграции 97

Тамара Гузенкова, руководитель Центра исследований проблем ближнего зарубежья Российского института стратегических исследований, доктор исторических наук

Украина и Белоруссия: сравнительный анализ интеграционных моделей 100

Юрий Гавриличко, эксперт общественной организации «Фонд общественной безопасности», редактор интернет-издания hvyuua.org

Вопросы рисков, комплиментарности, совместных возможностей развития внутреннего рынка и согласованных действий на внешних рынках 104

Наталья Пискунова, заведующая сектором Института международных исследований МГИМО (У) МИД России, кандидат политических наук

Интеграция как инструмент поддержания региональной безопасности 111

Денис Кирюхин, сотрудник Аналитического центра политических исследований и конфликтологии

Интеграционные проекты на постсоветском пространстве как проблема для Украины 118

Ирина Новикова, заведующая кафедрой экономической теории Академии управления при Президенте Республики Беларусь, доктор экономических наук

Трансформация парадигмы экономического взаимодействия между Россией, Беларусью и Украиной 123

Сессия II

ЧЕРНОМОРСКИЙ РЕГИОН: СОСТАВЛЯЮЩИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА

Алла Язькова, руководитель Центра по исследованию проблем Средиземноморья и Черноморья Института Европы РАН, доктор исторических наук

Россия – Украина: перспективы и проблемы сотрудничества в Черноморском регионе 131

Сергей Алёмов, старший научный сотрудник Института биологии южных морей, кандидат биологических наук

Экологические проблемы портовых акваторий и пути их совместного решения 136

Сессия III

**СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ:
МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ, ОБРАЗОВАНИЕ, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ЯЗЫК**

- Сергей Трахимёнок**, профессор Института национальной безопасности Республики Беларусь, доктор юридических наук
Беларусь, Россия, Украина: основы интеграционных процессов и правовые формы их реализации 142
- Владимир Казарин**, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Таврического национального университета, доктор филологических наук
Почему мы не отмечаем 1150-летие славянской письменности? 149
- Владимир Мамонтов**, президент издательского центра «Известия»
Какие границы нам не нужны? 156
- Евгений Кожокин**, ректор Академии труда и социальных отношений, доктор исторических наук
Европейский союз, Россия, СНГ: демографическое измерение 157
- Александр Моисеев**, политический аналитик по проблемам Иберо-Америки
Миграционная политика в Испании и Португалии, опыт Европы для России, Украины, Белоруссии 162
- Владислав Гулевич**, эксперт украинского отделения ИА РЕГНУМ
Ментальная география украино-российской интеграции 168
- Александр Гронский**, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Белорусского государственного университета информатики и электроники, кандидат исторических наук
Национализация истории как препятствие интеграционным процессам 172
- Игорь Зеленковский**, главный редактор интернет-издания «Западная Русь»
Современный западный русизм как подлинная идея белорусов 180
- Ирина Резинкина**, директор информационного агентства «Правда»
Возможные сценарии будущего Украины в условиях цивилизационных вызовов в союзе с Россией и Белоруссией и вне союза с этими странами 187
- Сергей Горбачев**, специалист по проблемам Черноморского флота, старший преподаватель кафедры журналистики филиала МГУ в Севастополе, кандидат политических наук
Новейшая история Черноморского флота России: прецедент и феномены. Историко-политологический обзор 191

Сессия I

АРХИТЕКТУРА ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: РОССИЯ - УКРАИНА - БЕЛОРУССИЯ

АРМЕН ОГАНЕСЯН
 Главный редактор журнала
 «Международная жизнь»,
 советник министра иностранных дел России

Уважаемые коллеги и друзья. В третий раз журнал «Международная жизнь» при содействии МИД России проводит здесь, в Ялте, в Крыму дискуссию на актуальную тему современной политики. В этот раз мы собрались, чтобы провести международную научную конференцию о путях и возможностях интеграции трех славянских, братских государств - России, Украины, Белоруссии.

Тема нашей первой сессии - архитектура интеграционных процессов в России, Украине и Белоруссии. Слово заместителю директора Департамента внешнеполитического планирования МИД России Соколенко Владимиру Григорьевичу.

ВЛАДИМИР СОКОЛЕНКО
 Заместитель директора Департамента
 внешнеполитического планирования МИД России,
 доктор политических наук

О НЕКОТОРЫХ НАУЧНО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Выскажу несколько соображений относительно тенденций во внешней политике и международных отношениях. Первое - идентификации нации и культурной идентичности. Интеграция - это не просто торгово-экономическое сотрудничество, которое сближает народы. Это прежде всего несущая конструкция глобализации, которая определяет современную эпоху и затрагивает сами основы организации и управления современной цивилизацией, в основе которой лежит мировой процесс концентрации капитала. Очевидно, что глобализация усиливает тенденции стандартизации и унификации жизни мирового сообщества. Что происходит на этом фоне с культурной идентичностью? По мере развития тенденции униформизма национальная культурная идентичность все больше приобретает маргинальную форму, начинает растворяться и незаметно, но неуклонно подвергаться забвению. Меняется структура социальной и исторической памяти. Идет переписывание истории некоторыми государствами, переосмысление и переобозначение их места в современном геополитическом пространстве. Болезненность таких шагов характерна не только для отдельно взятой страны, но и для всего международного сообщества в целом. Такие результаты интеграции, естественно, вызывают определенную настороженность, сомнения и вопросы.

Второе - об особенностях унификации определенных сфер жизни международного сообщества. В результате господствующего в современных СМИ узуженного взгляда на процесс глобализации упускается из виду фундаментальный факт, отмеченный российскими учеными-философами. В современном мире есть две разнонаправленные тенденции развития глобальной интеграции. В сферах материальной, технологической, экономической и даже политической наблюдается выход на единые стандарты и ориентиры. В культурной же и духовной сферах идут противоположные процессы, нарастают тенденции отторжения культурных стереотипов и стандартов, неприятия чужого.

В работе государственных и гражданских механизмов унификация возможна и сегодня реально существует. Но практика показывает, что культурные ценности, духовно-душевный строй народа того или иного государства не могут быть стандартизированы, так как стандартизирована техносфера. Поэтому вопрос, способно ли человечество выработать единый этнос, выражающий межкультурный синтез, остается открытым. Современная наука, во всяком случае на данном этапе, отвечает на этот вопрос отрицательно и выражает большие сомнения в возможности продуктивной глобализации в этой сфере.

В чем видится выход из антагонизма между двумя этими тенденциями и что предлагает господствующая либеральная школа в осмыслении современных интеграционных процессов для преодоления такой раздвоенности? Сегодня в России осуществляется переход от практики патернализма и протекционизма государства, к которой мы так привыкли при советской власти, к идее социального партнерства. Для культурной идентичности личности и культурного самосознания в целом это означает, что источник культурной идентичности перемещается от государства к самим гражданам. То есть в новых условиях глобализации идентификация определяется самими гражданами и прочность ее зависит прежде всего от них, от их активности и ответственности. Культурная идентификация становится, таким образом, частным делом каждого человека и гражданина. Современный либерализм использует такой же подход и к религии. Либеральная доктрина секуляризма, основанная на концепции прав человека, выводит религию из общественной сферы жизни и объявляет ее частным делом отдельного человека. Это вызывает недовольство и протест церковной верхушки, в том числе и православной, и, таким образом, естественно, отторгает большую армию христиан от либеральных ценностей.

Сейчас Запад стремится довольно жестко внедрить в исламских государствах такую модель развития, которая бы позволила оттянуть эти государства от исламского мира и привязать к Западу, используя отработанные технологии смены политических режимов. Примеры: события в Египте, Тунисе, Ливии. Есть определенные аналогии между сменой этих режимов и путем, которым шли в 1990-х годах страны Центральной и Восточной Евро-

пы, «цветными» революциями, которые прошли в некоторых государствах СНГ. Но уже на этом этапе становится очевидным, что нельзя весь мир сделать Западом, что построение единообразного мира - задача нереальная. Мондиализм, основанный на каких-либо одних ценностях, даже либерально-демократических, - утопия. Ни Россия, ни Китай, ни многие другие современные государства не признают либерально-демократические ценности глобально универсальными. Россия, как зафиксировано в Концепции внешней политики России, выступает за полицентризм в мировой культуре и считает это основой политической многополярности.

В теории Хантингтона имеется тезис о том, что, несмотря на развитие унификационных процессов, порождаемых глобализацией, все же неизбежно распределение народов по своим цивилизационным блокам. И сегодняшняя практика международной политики подтверждает этот тезис. В общеполитической дискуссии на последней, 66-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН впервые в реалиях глобализации проявилась ностальгия ряда государств по своим цивилизационным локам, в которых они видят для себя больше перспектив развития, чем в составе мультицивилизационного, но монокультурного и униценностного Запада. Например, Турция выступила не как солидарный член западного сообщества, а с позиции крупной исламской державы, стремящейся к лидерству в исламском мире. С турецкой позицией созвучна и позиция Китая, который неоднократно демонстрировал готовность защищать свои культурно-цивилизационные ценности. Мы наблюдаем сегодня и разворот Японии к своим азиатским корням. Нельзя не замечать и потрескивание самой прочной политической конструкции - евроатлантизма. Великобритания вдруг начала проявлять озабоченность по поводу своей еврокультурной идентичности, Германия и Франция давно испытывают дискомфорт от перекоса их еврокультурной идентичности в сторону атлантизма.

В завершение несколько слов о нас, нашей цивилизации, которую Хантингтон определил как славянско-православную, и это название представляется наиболее корректным, хотя существует много определений - то восточнославянская, то просто православная и т.д. Из восьми существующих ныне цивилизаций она имеет наиболее слабую внутреннюю связь и на данном этапе характеризуется политической разобщенностью. Сегодня термин «славянско-православная цивилизация» мало употребляется в современной политологии, она не является субъектом мировой политики, а лишь этнокультурологической категорией для обозначения некоего геополитического пространства. Стержневое государство этой цивилизации - Россия так же, как Украина и Белоруссия, самостоятельно выстраивает свою стратегию интегрирования в цивилизованный мир. Несмотря на различные возможности влияния политики этих государств на западном направлении и их активность, особыми успехами они пока похвастаться не могут. Вероятность

попадания Восточного партнерства и Вышеградской четверки в европейский рай невелика. Общий итог для всех одинаковый: за 20 лет ни одно из этих государств не стало полноправным членом западного сообщества. С учетом начала разворота другими странами своих интеграционных векторов извне вовнутрь своих цивилизационных пространств, может быть, имеет смысл и нам посмотреть на себя с этих позиций.

ТАМАРА ГУЗЕНКОВА
 Руководитель Центра исследований проблем ближнего зарубежья Российского института стратегических исследований, доктор исторических наук

УКРАИНА И БЕЛОРУССИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНТЕГРАЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ

Мой доклад мог бы состоять из одного предложения, которое исчерпывало бы все содержание темы. Предложение это заключается в том, что и у Белоруссии, и Украины сложились модели интеграционного поведения, которые характеризуются четкими позициями. Для Украины характерно желание максимально сблизиться и интегрироваться с Европейским союзом, а сближение с Россией носит временный и конъюнктурный характер. Интеграционная модель Белоруссии носит прямо противоположный характер. Белоруссия демонстрирует желание и потребность максимально сблизиться с Россией и через Россию - со странами СНГ. С Евросоюзом

она демонстрирует временное и конъюнктурное сближение. Но и в том и другом случае и Украина, и Белоруссия на протяжении уже 10, а то и 15 лет стремятся диверсифицировать свое политическое и экономическое пространство и пытаются определить самостоятельную политику, которая отличала бы их и от восточного, и от западного векторов. Что собой представляют Белоруссия и Украина как элементы интеграционного процесса в постсоветском пространстве и кто ценен - Белоруссия или Украина? Когда изучаешь этот вопрос на цифрах, статистику в исторической динамике, оказывается, что на него не так-то просто ответить. Украина с точки зрения интеграции является как будто более ценным субъектом по размерам территории, численности населения, которое превышает белорусское практически в пять раз, и размерам ВВП. Белоруссия в сравнении представляет собой малую экономику. Но когда начинаешь изучать темпы экономического роста, динамику этого роста, вклад Белоруссии в торгово-экономические и просто экономические отношения с Россией и в рамках СНГ, оказывается, что Белоруссия по многим позициям является более динамичным, более эффективным и быстро развивающимся субъектом экономических отношений.

В интеграции можно выделить три интеграционных этапа на постсоветском пространстве. Первый - это 1990-е годы, вплоть до конца 1990-х годов. Этот период можно охарактеризовать как интеграцию на остатках советского наследия, когда целая группа интеграционных документов была в значительной степени составлена по принципу и подобию советских, они в гораздо большей степени декларировали интеграцию, чем налаживали таковую. Второй период - до середины 2000-х годов. Мне кажется, что это был трагический и очень динамичный период, когда все страны СНГ превращались из «вещи в себе» в «вещь для себя», у них определялась их геополитическая идентичность, они активно формулировали свои национальные интересы. В этот период, по сути дела, и стали более или менее однозначно определяться геополитические тренды Белоруссии и Украины. В этом смысле ко второй половине 2000-х годов произошла существенная переструктуризация геополитической ориентации экономической деятельности этих государств. Именно в этот период стало понятно, что Украина пыталась претендовать на альтернативный центр СНГ и эта роль ей не удалась. Все альтернативные объединения оказались неэффективными, и в настоящее время некоторые из них существуют номинально, а некоторые из них умерли. Например, о Содружестве демократического выбора сейчас не слышно уже ничего. Второй этап был трагичен по накалу страстей, начались и продолжаются по сей день энергетические войны. Этот период свидетельствует, что у нас уже более или менее определились экономические типы режимов

в постсоветских государствах, сформировались политические режимы. В настоящее время можно говорить о существовании более или менее понятного нового регионализма, в рамках которого каждое государство определяет или пытается определить свою роль. Роль России оказывается очень важной, каждый раз, когда то или иное государство претендует на новую роль в геополитическом пространстве, мнение России оказывается важным, а иногда и решающим.

Из статистических данных: Белоруссия - хотя отношение к белорусской статистике довольно настороженное - динамично развивалась за эти 20 постсоветских лет и добилась более значимых экономических успехов, чем Украина. Украина участвует в международных организациях, как правило, западноевропейских и евроатлантических, очень мало организаций, связанных с постсоветским пространством и с Россией. До настоящего времени, насколько я знаю, Украину даже нельзя назвать в полном смысле полноправным членом СНГ, хотя она и является страной-учредителем. Она вошла туда с очень большими оговорками и Устав не подписала.

СНГ и различные матрешечные интеграционные объединения внутри СНГ являются, безусловно, приоритетом для Белоруссии. Белоруссия имеет более высокие, чем украинские, экономические показатели. Стереотипы восприятия белорусской экономики и белорусского политического социума, которые сформировались в мире, являются обидными и несправедливыми. Объективные показатели говорят, что Белоруссия - достаточно динамично развивающийся социально-экономический организм.

Прирост ВВП. Здесь важно иметь в виду, что все данные, на которые я ссылаюсь, - до 2010 года включительно. Белоруссия сейчас переживает очень непростой период. Не стала бы связывать экономический обвал, который переживает Белоруссия, с неудачной президентской кампанией и субъективными ошибками президента в ходе этой кампании. Те неприятности, которые сейчас имеет Белоруссия, по сути дела, отложенный кризис, который некоторые страны пережили значительно раньше. Белоруссия благодаря очень жесткой централизованной и корпоративно-государственной системе удерживалась на краю этой пропасти. Она сорвалась позже, чем другие государства. И сейчас Белоруссия стоит перед новым выбором в смысле интеграции, и, насколько мы знаем, в программной речи, с которой выступил Президент Белоруссии, выбор сделан в пользу России. Это не значит, что других конъюнктурных колебаний сделано не будет. Тем не менее интеграционные намерения Украины и Белоруссии демонстрируют противоположные векторы. Когда у Украины возникают определенные трудности, она интенсифицирует переговоры с Европейским союзом. Подписание соглашения об ассоциации является для Украины буквально национальной

идеей, ради которой она готова на очень большие жертвы. А Белоруссия, когда у нее возникают трудности, начинает клясться в любви к России и углублении интеграционных отношений в рамках СНГ. Очень важной в этом смысле является политика России. Конечно, есть много таких моментов, которые еще надо серьезно обсуждать, и надо рассуждать, правильные ли мы выбираем приоритеты и так ли эффективно пытаемся реализовать свои геополитические и экономические интересы на постсоветском пространстве. Россия с самого начала претендовала на роль интеграционного ядра, и если сравнить ВВП и вообще экономическую роль России на просторах СНГ, то оказывается, что Россия есть действительно ядро, магнит, к которому притягивается все остальное. Вместе с тем эта роль является и нашим наказанием, поскольку в существенной степени затрудняет отношения на постсоветском пространстве. Какие-то моменты происходят, потому что они объективны, а какие-то моменты происходят, потому что мы своей позицией их усугубляем. Например, успеху интеграции и привлечению постсоветских государств на нашу сторону препятствует какая-то фатальная ориентация на крупные экономические проекты, которые оставляют за бортом малые экономики, а большинство стран СНГ таковыми и являются.

Еще одной серьезной проблемой является наше постоянное стремление ориентироваться исключительно на власть. Какой бы власть ни была, вне поля нашего зрения лежит и гражданское общество, которое находится лишь в начальной стадии образования, и региональные элиты, которые остаются не у дел, часто сильно разочарованными. Из ориентации на крупные проекты вытекает и пренебрежение малым бизнесом. У нас самих малый бизнес дышит на ладан, а постсоветские экономики (малые страны) в основном состоят из малого бизнеса, который оказывается совершенно не интересен России. Белоруссия иногда становится некой подушкой безопасности, которая подбирает малые экономические проекты и малый бизнес, который просто не в состоянии пробиться в Москву.

Не подвергаю сомнению идеи, высказанные нашим президентом в программной статье о Евразийском союзе, но мне кажется, мы с легкостью переходим от одной формы интеграции к другой, не добившись успеха в предыдущем варианте. В этом смысле хотела обратить внимание на наш союз с Белоруссией. Сейчас, когда белорусское правительство старается увеличить свои интеграционные усилия в рамках СНГ, пора вернуться к идее оздоровления российско-белорусских отношений в рамках Союзного государства, а тихую, незаметную экономическую жизнь в рамках этого объединения все-таки конвертировать в более заметные политические достижения, связанные с формированием и межгосударственных, и национальных, наднациональных структур, формированием общей валюты.

ЮРИЙ ГАВРИЛЕЧКО
 Эксперт общественной организации
 «Фонд общественной безопасности»,
 редактор интернет-издания hvylya.org

ВОПРОСЫ РИСКОВ, КОМПЛИМЕНТАРНОСТИ, СОВМЕСТНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ РАЗВИТИЯ ВНУТРЕННЕГО РЫНКА И СОГЛАСОВАННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ВНЕШНИХ РЫНКАХ

За 20 лет, прошедших со времени распада СССР, его республики, ставшие независимыми государствами, за редким исключением, так и не нашли себе места в новом мировом порядке. Они так и остались в глазах «демократических» соседей странами второго сорта (читай - «четвертого мира»). При этом после первой эйфории от исчезновения «Империи зла» в умах западного обывателя Россия прочно заняла это до недавнего времени вакантное место.

Украину Запад давно и основательно рассматривает в контексте буферной зоны между Европой и Россией. В последние годы, начиная с победы «оранжевой революции», еще и как козырную карту в игре против России. Поражение на выборах в 2010 году «оранжевой» команды и приход к власти «белоголубой» ничего не изменило в этом раскладе. Янукович попал в ситуацию, когда и США, и ЕС используют его в игре против России даже против его воли. А абсолютно бездарная политика его «помощников», приведшая к скандальному приговору Тимошенко, и вовсе показала полную несостоятельность нынешней команды адекватно реагировать на внешние вызовы.

Запад долгое время не воспринимал Беларусь в качестве самостоятельного субъекта, а строил свои отношения с ней исключительно как с анклавом России.

В последнее же время западные СМИ активно взялись за кампанию демонизации Лукашенко. Следует признать, что он сам дает тому немало поводов. Однако демонстративное пренебрежение интересами белорусской стороны на саммите Восточного партнерства и активная поддержка Януковичем подобных действий Брюсселя по отношению к Беларуси никаких политических дивидендов Украине не принесла, а ухудшение отношений с белорусской стороной вызвала.

Отсутствие скоординированной внешней политики как в рамках СНГ, так и в рамках ОДКБ приводит к тому, что потери каждой из сторон усугубляются еще и увеличением двухсторонних противоречий между нашими странами, искусственно создаваемых ведущими мировыми акторами.

Одна из основных причин кризиса во взаимодействии между нашими странами лежит вне плоскости экономики, геополитики или каких-либо еще рациональных факторов. Она находится в области существования целей и смыслов. За время, прошедшее после распада СССР, элиты России, Украины и Белоруссии так и не сформулировали четкой и понятной цели существования даже своих государств, не говоря уже об общей цели. Именно это мешает нормальному развитию государств и препятствует любым интеграционным процессам: элиты этих государств просто не понимают, зачем нужна интеграция и что она им даст, при этом видят, что все свои повседневные проблемы можно решить и без интеграции. Тогда ради чего что-то менять?

При отсутствии цели существования главным врагом самой государственности в Украине и России является ее властная элита, имеющая свои интересы вне государства и размещающая собственные капиталы за его пределами. В результате граждане ощущают, что государство само по себе является врагом собственного народа, так как не гарантирует ни безопасности, ни развития, ни даже выживания, что стало особенно четко видно во время нынешнего кризиса. Именно поэтому никакого строительства государства нет и быть не может. Ведь практика и стратегия выживания простых граждан говорят о том, что от государства нужно держаться подальше. Подальше - это либо не строить его, то есть пассивное сопротивление, либо бежать из него куда подальше, в другое пространство, которое сможет обеспечить потребности хотя бы первых двух уровней, согласно пирамиде Маслоу.

Нынешняя элита не может и никогда не сможет сформулировать никаких смыслов для существования государства. Потому что для этого у элиты нет свободных умов - тех, которые будут направлены на формирование таких смыслов. Это не значит, что элита состоит из сплошных дураков - просто пока наполнение желудка, приобретение золотых унитадов, яхт, вертолетов и прочих материальных ценностей, а также обеспечение собственной безопасности занимают все свободные умственные ресурсы.

В Белоруссии ситуация несколько иная: Лукашенко не сумел четко сформулировать смысл существования страны на будущее и не подготовил себе замену ни

в виде личности, разделяющей его взгляды на госполитику, ни в виде системы, способной обеспечить хотя бы стабильное существование страны на нынешнем уровне жизни в ближайшее время (к примеру, на поколение вперед). Вместо этого Лукашенко замкнул все рычаги управления страной на себя и при первых же видимых проявлениях кризиса начал с попыток купировать их, а не искать решения. На поиск решения нет свободных ресурсов - все они заняты купированием проявлений недовольства кризисом.

Основными внутренними вызовами для России и Украины является неспособность компрадорских элит адекватно реагировать на вызовы, а для Белоруссии - заикленность системы управления на одной личности. Все это происходит на фоне постоянно снижающейся эффективности государства как собственника, что, в свою очередь, уменьшает количество степеней свободы у него и возможностей использовать ресурсы. Да и сами ресурсы истощаются.

Ко всему прочему под видом приватизации госсобственности идет (а в Украине и России подходит к концу) банальное воровство ресурсов и их утилизация новыми собственниками в силу различных причин - от банальной тупости до опасений реприватизации.

Никто уже не спорит с тем, что государство - не самый эффективный менеджер. Но при этом почему-то упускается из виду тот факт, что государство может и должно быть эффективным собственником. На данный момент в мире неизвестно ни единого примера, когда бы в производственной сфере собственник был эффективным менеджером (такие примеры есть в финансовом секторе, в IT-секторе, но нет в промышленности). Тем не менее это ничуть не мешает «владельцам заводов, газет, пароходов» нанимать на работу эффективных менеджеров. Никто при этом даже не задумывается над таким беспредельно глупым актом, как передача своей собственности менеджеру. Менеджер работает за зарплату, опционы, «золотые парашюты», за возможность участвовать посредством акций в получении прибыли от собственности, которой он управляет, - и не более. Государство вместо приватизации должно поступать точно так же - нанимать на работу эффективных менеджеров. В мире полно современных Ли Якокк. И этим надо пользоваться. Конечно, это возможно только в том случае, если стоит задача эффективного использования ресурса на благо граждан страны.

Очень часто, когда речь заходит о каких-то совместных проектах с участием России, Украины и Белоруссии, используется понятие «интеграция». По моему мнению, оно категорически лишнее, мешающее как адекватному пониманию происходящего, так и несущее излишнюю политическую и культурологическую нагрузку.

Вместо интеграции рациональнее было бы использовать понятие «кооперация», которое предполагает получение выгод всеми сторонами. Здесь следует ясно понимать, что для получения выгод для наших стран имеет смысл проводить четкое тактическое разделение на кооперацию внутреннюю и конкуренцию с внешними акторами. В этой связи именно элиты трех стран должны для себя определиться с источником, откуда они получают прибыль, и сознательно

пойти на ограничение нормы прибыли внутри кооперативной зоны ради увеличения ее на внешнем рынке. Подобная стратегия даст возможность при существующей ресурсной базе не только увеличить эффективность ее использования, но и снизить социальное напряжение внутри стран, вызванное тем, насколько паразитически на данный момент используются внутренние ресурсы.

Следует признать, что естественным путем (благодаря невидимой руке рынка) кооперации добиться невозможно. Здесь потребуется достаточно жесткое государственное регулирование, состоящее в определении правил игры для местных олигархов и защите внутреннего рынка от действий транснациональных корпораций, интересы которых всегда лежат вне интересов национальных государств или их объединений.

Кроме того, экономическая кооперация невозможна без кооперации в военной сфере, поскольку, несмотря на декларируемые Западом принципы свободной торговли, она заканчивается тогда, когда вы не можете подкрепить свои экономические интересы силой своего оружия. Особенно это касается продажи на внешних рынках таких стратегических товаров, как сырье, продовольствие и вооружение.

Можно вспомнить замечательный пример с продажей украинских «Кольчуг» Ираку. Из абсолютно рядовой коммерческой сделки устроили целый политический процесс, еще и с угрозой применения различного рода санкций. В реальности же продажа оружия - абсолютно рядовой бизнес, и если США, к примеру, не нравится, что с помощью украинского оружия уничтожается американская военная техника, то в строгом соответствии с законами либерального рынка можно посоветовать Америке перекупить эти заказы. США - страна не бедная, может себе это позволить, но, чтобы развитие событий было именно таким, любой другой вариант попытки решения должен быть чреват угрозой применения санкций или созданием каких-либо других искусственных препятствий.

Разговоры о развитии внутреннего рынка (под таковым я сейчас подразумеваю рынки России, Украины и Белоруссии) почему-то всегда начинаются с обсуждения тарифной политики, таможенных сборов и прочих дезинтегрирующих факторов. Да, они важны. Но на данный момент второстепенны, потому что так называемый рост благосостояния граждан, определяющий структуру и объем внутреннего потребления, о котором любят говорить политики и чиновники, вызван отнюдь не ростом внутреннего производства в наших странах, и даже совсем не им.

Развитие общего внутреннего рынка, по моему мнению, должно начаться с объединения усилий в области формирования образовательного поля, имеющего общие стандарты для наших стран и учитывающего как настоящую ситуацию с дефицитом кадров в преподавательской сфере, так и отвечающего интересам государств в области не только экономической политики, но и стратегического развития.

Следует учесть, что и Россия, и Украина практически полностью утратили базу для профессионально-технического образования молодежи и излишне ув-

леклись катастрофически вредоносными по своим последствиям «западными стандартами». К счастью, есть позитивный опыт Беларуси, но у нее не хватит ресурсов самостоятельно сохранять статус-кво в этом вопросе.

Следует немедленно отказаться от тестовой системы оценок в школах и вузах как не соответствующей современным реалиям, не обеспечивающей достаточной квалификации кадров. Напомню, что экс-глава Федеральной резервной системы (ФРС) Алан Гринспен в своей книге «Эпоха потрясений» всячески критиковал такую систему, утверждая, что «благодаря» ей начальное и среднее образование в США практически нивелировано до уровня «угадайки», а американские вузы вынуждены искать студентов за рубежом, потому как уровень подготовки абитуриентов внутри страны не дает им возможности учиться, так как они просто не понимают, о чем идет речь на занятиях в вузах.

Также следует уничтожить все «инновации» Болонской системы, которая в принципе не подходит для подготовки специалистов для реального сектора экономики: инженер, не знающий высшей математики, но прослушавший курс культурологии, не может работать ни в качестве инженера, ни как культуролог. Если этого не сделать вовремя, то уже в ближайшие 10-15 лет ни о каком внутреннем производстве речь идти не будет - в самом прекрасном варианте останется только крупноузловая сборка и все. Собственное производство умрет.

Вступление в ВТО много лет провозглашалось панацеей для национальных экономик бывших советских республик. Но результат оказался более прозаическим и плачевным. Вместо «панацеи» как лекарства от всех болезней Украина, вступив в ВТО, получила изрядную порцию избирательно действующего яда замедленного действия, который постепенно разрушал и разрушает национальную экономику и препятствует рациональному использованию собственных ресурсов для увеличения национального богатства. Переход на некие «международные стандарты» оказался очень дорогостоящим и фактически ненужным, поскольку советские ГОСТы во многом не уступали, а то и превосходили западные аналоги (потому ликвидация их и была одним из основных условий вступления в ВТО), а западные рынки как были, так и остались закрытыми для наших товаров. Мало того, уничтожение системы собственных стандартов лишило Украину фактически единственного инструмента нетарифного регулирования импорта, разрешенного в рамках ВТО.

Использование общих стандартов на внутреннем рынке необходимо как один из путей для нивелирования недобросовестной конкуренции среди местных производителей. В частности, отсутствие необходимости получать европейские сертификаты качества существенно снизит финансовую нагрузку на предприятия-изготовители. Если кому-то кажется, что от этого пострадает качество, то он может сравнить на вкус, к примеру, похожую на пластилин вареную колбасу, произведенную по «европейским технологиям» в Украине, и нормальную вареную колбасу, сделанную по советским еще ГОСТам в Белоруссии. Общие стандарты позволят решить проблему с совместимостью полу-

фабрикатов и комплектующих, да и существенно упростят подготовку кадров и повысят мобильность трудовых ресурсов.

15 октября 2011 года кабинет министров Украины назвал условия ее вступления в Таможенный союз с РФ, Беларусью и Казахстаном. Первое - отмена экспортных пошлин на нефть, это 3 млрд. долларов, второе - отмена экспортных пошлин на нефтепродукты. Далее - снижение цен на газ. Кроме того, по словам замминистра экономики Украины, необходимо также добиться отмены российских защитных мер и урегулирования вопроса о гарантиях погашения возможных - в случае вступления Украины в ТС - компенсационных требований ВТО, цена этого вопроса - около 2 млрд. долларов. Было заявлено, что в Украине - дефицит бюджета, этих 2 млрд. долларов нет. Украина может пойти на переговоры со странами ВТО, сказать, что мы вступаем в новую организацию при условии, если у нас будут гарантии, что эти компенсации будут обеспечены. Выставлялось еще одно условие - обеспечение загрузки украинской газотранспортной системы, поскольку Украина не может себе позволить потерять свой транзитный потенциал.

Примечательно, что, как только ЕС озвучил свое недовольство приговором Тимошенко, украинская власть моментально сменила свой курс на диаметрально противоположный и решила вступать в Таможенный союз. Эта позиция никак не соответствует ни интересам Украины, ни интересам других членов Таможенного союза, поскольку Таможенный союз рассматривается не как инструмент экономической кооперации, а как политический институт и элемент в торговле Украины с Россией и ЕС за некие бонусы и преференции. До тех пор пока ТС будет рассматриваться в политическом контексте, вреда от него получится намного больше, чем пользы, поскольку любые переговоры из сферы рационального будут переходить в категорию иррационального, а также будет смещен акцент с государственных интересов на личные интересы политиков, поддерживающих их олигархов и принадлежащие им бизнес-структуры. В таких условиях сам по себе факт вхождения Украины в Таможенный союз не только не даст ни ей, ни остальным участникам тех выгод и преимуществ, которые можно было бы ожидать от данного шага, а вызовет лишь большую напряженность в отношениях между странами. К сожалению, и российское руководство в определенной мере рассматривает Таможенный союз как политический инструмент, что еще больше усугубляет и без того сложную ситуацию.

До тех пор пока руководство наших стран не придет к консенсусу относительно того, что согласованная экономическая политика принесет больше выгод всем, нежели конфронтация или взаимные интриги, пользы от таких инструментов, как Таможенный союз, будет немного. Нельзя быть сильным везде. Этот нехитрый военный принцип в полной мере применим и в сегодняшней ситуации на мировых рынках. Прежде чем говорить о том, что и как делать на внешних рынках, желательно бы определиться с приоритетами, которые основаны не на «виртуальном прожектёрстве», очень популярном сейчас у политиков, а на аудите имеющихся возможностей и рациональных, просчитанных и подкрепленных ресурсами планах на будущее.

На сегодня видны следующие такие возможные приоритеты сотрудничества на внешних рынках: рынок продовольствия (зерна и масличных); рынок вооружений; рынок энергоносителей; рынок металла; рынок химических удобрений; рынок авиапрома (самолеты и ремонт); рынок строительных материалов; рынок сервисных IT-технологий. Основным инструментом на этом рынке может быть зерновой пул. Но на его пути встал вопрос о приватизации земли в Украине. По факту это будет не приватизация, а закрепление итогов многолетней работы черного рынка земли и ее распродажи иностранцам и иностранным компаниям. Те ограничения, которые предусмотрены в Законе о рынке земли, обходятся элементарно, особенно с учетом того, что регистрация объектов собственности и прав собственности на землю в Украине разделена. Корреляция между этими процедурами максимально непрозрачна.

Даже далекому от зернового рынка человеку понятно, что интересы латиноамериканцев в Южной Америке, к примеру, которые войдут на украинский рынок земли, будут в корне отличаться от интересов как украинских компаний, так и российских. Так что в интересах именно российского бизнеса сделать все возможное для блокирования продажи земли в Украине в нынешних условиях.

Что касается рынка вооружений. Еще пятилетка противостояния на этом рынке - и Россия, и Украина, и Белоруссия вообще рискуют лишиться его, кроме каких-то совершенно мелких и незначительных сегментов. Причем лишиться исключительно по своей собственной вине, за счет самостоятельного уничтожения оборонпрома, задача которого продавать столько вооружений, чтобы полученная прибыль шла на обеспечение выполнения госзаказа по перевооружению собственных армий. Это и есть задача №1: не получение прибыли как таковой, а поддержание паритета. Избыточная прибыль должна инвестироваться в разработку новых видов вооружений.

Касательно рынка энергоносителей. Я не специалист в климатологии, но неплохо владею методами статистического анализа. А они говорят о том, что, несмотря на все программы экономии энергии и вывод производств из ЕС в Китай и т.д., энергопотребление Европы не падает, а растет. Следовательно, все «газовые войны» только вредят нашим странам и вместо прибылей приносят убытки. Всем. Либо мы создаем консорциум в формате «производители + транзитеры», либо сюда влезают «западники». В итоге, пытаясь нажиться друг на друге, наши страны теряют стратегические деньги.

Рынок металла. Не думаю, что тут нужны особые выкладки. Если не снизить себестоимость металла, то скоро с этого рынка нас выкинет Китай, помочь ему в этом процессе сможет Турция.

Рынок химических удобрений. Этот рынок будет развиваться. Проблема нехватки продовольствия уже есть, и с течением времени она будет усугубляться. Согласованная политика на этом рынке должна обеспечивать низкие

внутренние цены и конкурентные внешние, так как на продовольствии можно зарабатывать больше - рынок лабильнее.

Рынок авиапрома (самолеты и ремонт). Если сейчас не объединить в единый картель оставшиеся КБ, производственные мощности и подготовку инженеров и рабочих, то с собственными самолетами можно будет вскоре просто попрощаться.

Рынок строительных материалов. Пример строительной империи Елены Батуриной показывает, что и этот рынок вполне возможно расширять вовне и отвоевывать у европейцев и азиатов.

НАТАЛЬЯ ПИСКУНОВА
Заведующая сектором Института
международных исследований
МГИМО (У) МИД России,
кандидат политических наук

ИНТЕГРАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОДДЕРЖАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В настоящее время система международных отношений как в теории, так и на практике переживает существенные изменения. Изменилась конфигурация и самой системы, и конфигурация безопасности. Международные научные круги все больше различают так называемую «силовую коннотацию безопасности», или «hard power», и так называемые «мягкие угрозы, вызовы», или «мягкие компоненты» (разнятся переводы), - «soft security». В блок «мягкой безопасности» международники включают в том числе проблемы «мягкой интеграции».

Эти процессы и явления могут и позитивно, и негативно воздействовать как на региональную систему безопасности, так и на глобальную структуру безопасности. Сам по себе термин «интеграция» как таковой означает не только объединение некоторых общностей, групп, регионов, стран и т.д. В основном базу интеграции составляет восполнение утраченного, восстановление того, что было разрушено в ходе предыдущих трансформаций, изменений, революционных явлений и т.д.

Трактовка интеграции как восстановительного элемента наиболее применима к России, Украине и Белоруссии. Если брать более широко, то на всем пространстве СНГ это явление именно восстановительное и даже больше носит охранительную коннотацию. Если Россия, Украина, Белоруссия и в одиночку могут добиваться определенных успехов в вопросах международного права и других вопросах, то сила и потенциал с точки зрения матричной теории усиливается кратно.

Процесс интеграции может менять всю конфигурацию безопасности на региональном уровне, он воздействует как изнутри этого процесса, так и может быть выражением внешнеполитической, внешнеэкономической деятельности государств, которые являются субъектами этой интеграции.

В 1990-х годах процесс интеграции рассматривался как текущий, незавершенный, из которого сложно делать какие-либо выводы, вычленять проблемы и возможности их решения. Сейчас интеграция как таковая становится процессом системным, и более того - системообразующим. Сейчас интеграция - это не выражение действий одного, двух или трех участников, а это повод для взаимодействия нескольких участников.

В политике интеграция призвана способствовать диалогу между элитами. Это имеет фундаментальное воздействие на страновую политическую систему: если элиты стран откликаются и включаются регулярно в процессы, связанные с интеграцией, то, соответственно, в течение времени вырабатывается общее видение как перспектив, так и проблем и способов решения, на которые должна ориентироваться правящая элита группировок или стран, которые участвуют в этих объединениях.

В экономике интеграция как аспект направлена на усиление торгово-экономических связей между государствами. Это взаимодействие на уровне таможенных союзов, валютных союзов.

Приведу пример: текстильная промышленность в России и Белоруссии. Это интеграция между городами, которая приводит к тому, что конкретные локальные предприятия в Московской или Гомельской областях начинают свою внешнеэкономическую деятельность, исключительно направленную на какой-то город извне.

Например, есть предприятия Белоруссии, которые направлены на торговлю с Россией, и, наоборот, есть российское производство, предприятия,

которые направлены на торговлю с Украиной и Белоруссией. До этого были предприятия, которые ориентировались только на внутренний рынок.

С точки зрения социальной культуры и обмена происходит интересная вещь: несмотря на то что все три страны славянские, все страны объединяет общая история, общие моменты, такие как язык, культура, что является огромнейшим пластом для взаимодействия. Интеграция является также способом усиления и поддержания межэтнических и межгрупповых коммуникаций.

Простой пример: когда собираются молодежные форумы, в течение первого же дня складываются полностью русскоговорящие группы. Для молодежи характерно стремление объединяться с подобными себе, представителями тех стран, которые обладают той же культурой, тем же языком. В социально-политическом плане интеграция может и должна служить еще и инструментом для урегулирования конфликтов. Понятно, что в случае разгорания конфликтов это может оказать принципиальное воздействие на ускоренное его гашение. Но долгосрочные системы воздействия в любой интеграционной группировке могут быть полезны для предотвращения и ликвидации вооруженного конфликта. То есть чем больше существует форумов и каналов коммуникации между участниками интеграционной группировки, тем больше возможность договориться и предотвратить конфликт.

Говоря об интеграционных процессах как на пространстве СНГ, так и на пространстве Восточно-Западной Европы, отмечу несколько отрицательных сторон и негативных моментов. Интеграция - это объединение, некая общность, определенного рода кооперирование, единство. У участников интеграционного процесса может возникать проблема - в некоторой части это уход от независимости. Сторонам надо смириться с потерей некоторой части независимости и контролем за принятием решений - это момент, который может быть достаточно чувствительным для некоторых сторон интеграционного процесса.

Инструмент, благодаря которому интеграция делает страну уязвимой, заключается в ее открытости. Либеральные, демократичные страны открывают каналы своего взаимодействия, но это является также и опасностью. Если страны открываются друг другу, одной стране или двум-трем и т.д., они открываются не только для торговых обменов и социальных групп, открываются границы для групп криминального характера. Известно, что огромное количество проблем в нашем законодательстве и законодательстве вообще не позволяет решать на данном уровне вопросы криминального характера, с перемещениями, например, незаконных формирований на границах стран, перемещениями запрещенных веществ, в том числе и психотропных. Это огромнейшая проблема. Интеграция уязвима в этих моментах.

Интеграция позволяет большую открытость, и это, как ни странно, создает большую напряженность. Чем больше общность, тем ей сложнее управ-

лять. Перспективность интеграции в том, что она позволяет открывать взаимодействие и налаживать канал коммуникации, чего в нашем современном мире, конечно же, не хватает.

АРМЕН ОГАНЕСЯН: Хотел бы акцентировать внимание на нескольких прозвучавших в выступлениях вопросах.

Первое. Действительно, наряду с внутренними мотивами, побуждающими интеграцию, существуют и внешние. Упоминалось развитие исламского мира, и вряд ли мы избежим вызова с его стороны. Второй вызов - это Китай. Совершенно другого характера; хотя он тоже цивилизационный, но в настоящее время носит политико-экономический характер.

Второе. О соотношении кооперации и интеграции. Китай, как мы видели, во время кризиса в основном опирался на свой внутренний рынок, практически свернув активность на внешнем. Совместный выход на внешний рынок - конечно, это эффективно, но не вернуться ли к идее Столыпина, который делал акцент на развитии внутреннего рынка. Если объединить внутренний рынок трех стран - это огромная составляющая. У меня также вопрос о земле, она - один из реальных ресурсов, который остается у наших стран - России, Украины и Белоруссии.

На фоне всемирного продовольственного кризиса, который три-четыре года назад взвинтил и продолжает взвинчивать цены на продовольствие во всем мире, вопрос становится особенно актуальным. Вспоминается, что так называемые иностранные инвесторы покупали наши предприятия только для того, чтобы они не развивались. Так и с землей: во-первых, убить конкурентов на продовольственном рынке, а во-вторых, подчинить его своим интересам. Очень важно, будет ли этот рынок открыт для иностранцев и для продажи ТНК, и не только ТНК? У меня нет оптимизма относительно того, что Россия или Белоруссия успеют купить земли Украины, а Украина стремительно возьмется за скупку земель России и Белоруссии. И как здесь быть - конечно, вопрос очень сложный. В России тоже есть свои лоббисты, кстати, свободной продажи земли для иностранцев.

ИРИНА РЕЗИНКИНА: По поводу земли. Как отмечают многие эксперты в Украине, процесс будет происходить таким образом: земля сначала окажется в руках тех же людей, которым сегодня принадлежит все в стране, это несколько десятков семей. В Украине сегодня построена латино-американская модель государства, когда все в стране, начиная от банков и финансов и заканчивая центральными СМИ, принадлежит нескольким десяткам семей. Этим же людям будет принадлежать земля, то есть будут созданы огромные латифундии.

В конце концов земля окажется в руках транснациональных корпораций.

Если вы взглянете на историю работы в Украине таких корпораций, как «Cargill Inc.», «Monsanto Company» и им подобных, то увидите, что сегодня они владеют как бы украинскими марками, они позиционируются как крупнейшие на украинском рынке продовольствия. Фактически сегодня элеваторы, маслозаводы и прочие продовольственные гиганты принадлежат транснациональным корпорациям. Соответственно, и на землю будут претендовать прежде всего транснациональные корпорации, но это случится не сразу. Сначала земля перекупается олигархами, которым принадлежит в настоящий момент все. Это не секрет, такова нынешняя Украина. Населению это будет преподноситься совершенно по-другому. Разумеется, сегодня не идет речь о том, что Россия успеет включиться в этот процесс. Но если будут происходить внешние вызовы, если на Украину будут сильно воздействовать, то, может быть, что-то будет меняться.

ДЕНИС КИРЮХИН: Маленькая ремарка по проблеме Китая. Мне кажется, с каждым годом мы все чаще и чаще будем обсуждать тему Китая на постсоветском пространстве. В отношении Украины ситуация на сегодняшний день складывается следующим образом. Как одно из последствий мирового финансового экономического кризиса, в Украине проблема бюджетного кризиса стоит остро, страна оказывается в ситуации, когда необходимы внешние финансовые заимствования. Кредиты со стороны европейских структур зачастую обставлены политическими обстоятельствами, которые Украине в той или иной степени сложно реализовать, и она отказывается их реализовывать.

Обращаясь к России за финансовой помощью, она сталкивается уже с требованиями экономического характера, примерно такими, которые были предъявлены к Беларуси сейчас во время крупного бюджетно-финансового кризиса. Эти требования для украинской правящей элиты нереализуемы, по крайней мере Украина не готова идти на такие уступки, на которые пошла Беларусь по той же газотранспортной системе. И в этом отношении наиболее интересным партнером Украины оказывается Китай, который уже сегодня начинает предоставлять кредитные линии Украине. Он не выдвигает таких политических требований, как Европа, или таких экономических требований, как Россия. Китай активно начинает представлять собственные интересы. Именно он постепенно усиливает свои позиции через финансовый сектор, поскольку дает интересные кредитные предложения, которые Украине нужны. В критической ситуации в условиях жестких рамок, в которые вгоняют ее традиционные партнеры, такие как Европа и Россия, обращение к Китаю оказывается логичным и вполне финансово обусловленным.

ВЛАДИМИР МАМОНТОВ: Китай хорошо выстраивает отношения: и экономика не хочет, и политики не хочет. Так может, олигархи землю Китая продадут? Раз они себе не хотят ее оставить?

ЮРИЙ ГАВРИЛЕЧКО: Что касается покупки земли в Украине. У нас очень четко разделена фиксация собственности и права собственности: фиксация объекта собственности - это земельный кадастр, фиксация права собственности - это Министерство юстиции. Причем, между собой они не корреспондируют и не коррелируют. Что будет происходить при свободном рынке земли? Некие граждане будут иметь возможность получить в собственность определенное количество земли, пусть фиксированное. Физически вроде бы они ее получают. Право собственности фиксирует другая организация: кто будет знать, кому что принадлежит, - вопрос очень интересный. А теперь второй момент: поскольку право собственности фиксирует Минюст, никто не запрещает передать в управление свои права собственности. Не землю, а право собственности на нее кому угодно. Поэтому абсолютно все равно, кто будет физически вроде бы владеть землей - право собственности на нее будет принадлежать кому угодно.

Что будет сделано, на мой взгляд, логичнее и быстрее всего. То же, что у нас было сделано с большинством заводов: их купили, порезали на металл, разобрали на кирпичи, продали - капитал отсюда вывезли. Отвечаю на вопрос: «Почему не сделать самостоятельно?» Потому что нынешняя элита не способна ничем управлять, она может только потреблять. И потреблять проще то, что имеет высочайшую ликвидность, - деньги. Завод, земля - это ресурсы, которые прибыль приносят только тогда, когда над ними работают. Деньги приносят сразу возможность использования.

ИГОРЬ ЗЕЛЕНКОВСКИЙ: Был поднят очень важный вопрос о возможности ускорения интеграции Белоруссии - России - Украины в условиях внешних угроз. Хочу отметить, что сейчас в Белоруссии китайский капитал усиленно продвигается, делаются очень большие капиталовложения, даже рабочую силу завозят из Китая.

Исламский фактор. С Катаром были подписаны соглашения о том, что королевской семье Катара будут предоставлены земли для строительства баз отдыха, охоты и т.д., и т.д., в том числе в Минске будет построен Катарский бизнес-центр. Казалось бы, две угрозы для нашей цивилизации со стороны китайской и исламской, но в Белоруссию они входят свободно. Считается ли это внешней угрозой для Белоруссии? Белорусский народ однозначно считает это угрозой, но для белорусской элиты, для политического класса это считается спасением и помощью от угрозы, идущей от России. Таким образом, внешние угрозы воспринимаются по-разному. Это говорит о

том, что до конца не сформирована государственность - нет общих интересов у политического класса, у элит и основной массы населения.

ВЛАДИМИР МАКСИМЕНКО: главный редактор электронного издания «Фонд стратегической культуры», кандидат исторических наук (Россия).

Прежде всего, по поводу арабов и китайцев. Сегодня мир условно можно поделить на: «The West and the rest». Вызовы со стороны китайской, арабo-мусульманской цивилизаций - это увеличение удельного веса того самого «the rest» в современном мире по отношению к Западу. Суть вашего вопроса: будет ли это помогать консолидации трех восточнославянских государств? Ответ прост: все будет зависеть от целеполагания российской элиты. Если мы не сделаем выводов из того, что, как справедливо заметил В.Соколенко, «нельзя весь мир превратить в Запад». Если мы будем продолжать повторять, что мы - часть Большой Европы, то наши позиции в конфликте «The West and the rest» ухудшатся.

Противоречия между унификацией жизни в современном мире, унификацией техносферы, информационной и финансовой сфер, и акцентировкой, обострением чувства культурной идентичности в самых разных культурных ареалах, обострением чувства самобытности самых различных культур мира - это противоречие, на мой взгляд, является коренным противоречием современного мира. Оно неизбежно будет обостряться, и самое существенное в том, что это накладывает прямой отпечаток на внешнеполитические курсы целого ряда государств. Это заметно по Китаю и Турции, о которых он говорил, это заметно по Венесуэле и Ирану, в меньшей степени можно найти в политических курсах Бразилии и Пакистана. С этой точки зрения очень важно искать опору в том, что является собственным наследием, в том числе с точки зрения выработки новой парадигмы российской внешней политики. Новой в свете того, насколько является новым интеграционный проект для постсоветской Евразии. Здесь важно решить, на кого мы будем опираться.

В.Соколенко совершенно справедливо упомянул Самуэля Хантингтона, он последний в ряду наиболее известных западных теоретиков цивилизаций (Арнольд Тойнби, Освальд Шпенглер, Питирим Сорокин). Но должен заметить, что есть один автор, которого нам-то, русским, забывать стыдно, который глубже, фундаментальнее и актуальнее для современного мира и для России, Украины и Белоруссии, - это Николай Данилевский с его книгой «Россия и Европа». Первый в мире теоретик культурно-исторических типов, предваривший все последующие теории цивилизации. Будучи человеком естественно-научного образования, он доказал неустранимость культурно-исторических типов из международной практики. Жаль, что русские забыли такого выдающегося ученого.

ДЕНИС КИРЮХИН
 Сотрудник Аналитического центра
 политических исследований
 и конфликтологии

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК ПРОБЛЕМА ДЛЯ УКРАИНЫ

Интеграционные проекты на постсоветском пространстве, разработка и реализация которых активизировалась в последние годы, что, судя по всему, связано с общим пересмотром системы межгосударственных отношений на пространстве СНГ, действительно являются проблемой, с которой столкнулась сегодня украинская власть. Почему сложившуюся ситуацию я оцениваю прежде всего как проблему, вызов?

Во-первых, следует принять во внимание, что Украина не является инициатором этих проектов и связанных с их реализацией процессов. Украина традиционно достаточно осторожно относится к новым объединительным процессам на постсоветском пространстве. В качестве наиболее яркого примера можно вспомнить, что, будучи одним из государств - учредителей СНГ, Украина тем не менее так и не стала его полноценным членом, поскольку протокол Соглашения о создании Содружества независимых государств в Киеве так и не был ратифицирован.

При этом нельзя не признать, что Киев неоднократно выступал инициатором локальных интеграционных проектов, таких как ГУАМ, Балто-Черноморско-Каспийский союз или Содружество демократического выбора. Впрочем, все эти проекты в полной мере не были реализованы, а фактически увенчались неудачей, по моему мнению, во многом потому, что были направлены против такого влиятельного игрока в регионе, как Россия.

Во-вторых, необходимо признать, что для Украины усиление интеграционных процессов на постсоветском пространстве далеко не во всем выгодно. Киев, как правило, поддерживал такую модель взаимоотношений на постсоветском пространстве, в рамках которой не создавались бы барьеры на пути украинских товаров на внешние рынки, но без какого-либо ограничения независимости страны. Отступила от своей стратегии Украина только при Президенте В.Ющенко, при котором внешняя политика страны определялась идеологическими, а не экономическими соображениями, чем, к примеру, не преминула воспользоваться Россия, которая фактически «выдавила» Украину из Центральной Азии. Отсюда и сегодняшняя заинтересованность Киева в подписании договора о создании Зоны свободной торговли в рамках СНГ. Ведь в рамках именно такой модели межгосударственных отношений украинские правящие круги чувствовали и чувствуют себя наиболее комфортно. (Модель взаимоотношений между Белоруссией и Россией не рассматривается как приемлемая для Украины, элита которой заинтересована в сохранении своей экономической самостоятельности.)

Проблема поиска оптимальных путей интеграции на постсоветском пространстве не стоит сегодня перед Украиной. В условиях неизменности закрепленного на законодательном уровне курса Украины на вступление в Европейский союз активизация с российской стороны интеграционных процессов ставит украинское руководство перед необходимостью поиска ответа на этот вызов.

Показательна в этом отношении предложенная В.Януковичем формула отношений Украины с Таможенным союзом - «3+1», предусматривающая сохранение существующего уровня торгово-экономического сотрудничества между Украиной и странами, вошедшими в Таможенный союз, без полноценного присоединения Украины к этому объединению. Данная формула как раз и есть один из предложенных вариантов решения задачи.

Украинская сторона демонстрирует неготовность к такой тесной экономической интеграции с Россией, Белоруссией и Казахстаном, которая предполагается в рамках Таможенного союза. Причем в данном случае мы наблюдаем не только и не столько демонстрацию позиции нынешнего руководства страны, сколько последовательность во внешнеполитической стратегии. Ведь Украина еще на момент создания Единого экономического пространства (т.е. еще во времена президентства Л.Кучмы) хоть и поддержала идею ЕЭП, но с самого начала обставила различными условиями свое участие в этом проекте. Так, соглашение о формировании ЕЭП Верховная Рада ратифицировала с оговоркой: «Украина будет принимать участие в формировании и функционировании Единого экономического пространства в пределах, которые отвечают Конституции Украины». Очевидно, что подобная формулировка предоставляет правительству страны широкие возможности для ограничения степени своего участия в этом экономическом объединении.

Официальный Киев сегодня исходит из того, что Украине следует продвигаться на рынок ЕС и вместе с тем сохранить уже завоеванные позиции на рынках СНГ. Именно поэтому Украина продолжает, похоже не безуспешно, переговоры с Европейским союзом о подписании соглашения о Зоне свободной торговли и одновременно ищет формулу взаимоотношений с Таможенным союзом (в частности, для Киева важно, чтобы ограничительные меры в отношении украинских товаров, которые имеет каждая из стран - членов Таможенного союза по отдельности, не распространились на всех участников этого объединения).

Украина сегодня сталкивается с достаточно жесткой позицией Российской Федерации, руководство которой неоднократно давало понять, что ставит Киев перед выбором: либо полноценное участие в экономическом союзе, либо введение ограничительных мер против украинских товаров. Однако такая жесткая альтернатива в отношении Украины вряд ли способствует продуктивному развитию двусторонних торгово-экономических связей. Следует принимать во внимание два обстоятельства.

Во-первых, Украина в отличие от России является членом ВТО, что налагает на нее определенные ограничения. В частности, у нас в среднем уровень таможенных пошлин составляет 4,5%, в то время как в Таможенном союзе - 10%. Соответственно, полноценное членство в Таможенном союзе потребовало бы от Украины пересмотра условий своего членства в ВТО (это займет достаточно много времени, и еще неизвестно, насколько выгодно для себя сможет Киев эти условия пересмотреть) либо выхода из этой организации, что, конечно же, немыслимо.

Во-вторых, закрытие «экономических границ» невыгодно не только Украине, но и самим странам - членам Таможенного союза. Украина заинтересована продавать, а Россия, в частности, заинтересована в ряде украинских товаров. В качестве примера можно вспомнить о продукции двух крупнейших предприятий украинского энергомаша - Сумского НПО им. Фрунзе и «Запорожтрансформатора», которая уникальна и сегодня крайне востребована в России.

Так что для обеих стран был бы выгоден отказ от политики, требующей однозначного выбора: «или - или» в пользу поиска взаимоприемлемой («гибкой») модели торгово-экономических взаимоотношений по примеру того, как Европейский союз умеет выстраивать различной степени интенсивности и глубины экономические отношения с разными странами.

Говоря об отношениях с Таможенным союзом, нельзя не упомянуть о представленном в известной статье В.Путина в газете «Известия» новом интегративном проекте на постсоветском пространстве - Евразийском союзе. Мне кажется, что Украина сегодня не готова дать однозначный ответ относительно возможности своего в нем участия. Многие украинские эксперты, чью точку зрения поддерживаю, сходятся во мнении, что на данном этапе этот проект

остаётся слишком неопределённым - и по процедурам вхождения в него, и по правилам экономического взаимодействия (насколько они будут или не будут соответствовать нормам ВТО, членом которой стремится сегодня стать и Россия), и, наконец, по тем политическим требованиям, которые выдвигаются к государствам, которые будут намерены к нему присоединиться.

И пока вопрос о Евразийском союзе не стоит на повестке дня, представляется необходимым строить взаимоотношения между Украиной и Россией исходя из понимания того, какой мы хотим видеть украинскую (и российскую) экономику, хотим ли мы сохранять и развивать свой экономический потенциал. И готовы ли мы продолжать делать ставку на сырьевую экономику и производство продукции низкого уровня переработки.

Наиболее перспективным в рамках украино-российского торгово-экономического сотрудничества является отраслевая интеграция, в особенности в сфере наукоемкого производства. В частности, речь может идти об углублении и развитии сотрудничества в военно-технической сфере. При этом пересмотреть свои подходы в данном вопросе следует не только Украине, но и России.

Страны Запада не стремятся видеть Украину и Россию в будущем высокоразвитыми в технологическом отношении государствами. Показателен пример, который приводит президент ОАО «Мотор Сич» Вячеслав Богуслаев: «Мотор Сич» уже несколько лет не может приобрести в Германии высококлассное оборудование, поскольку в Европейском союзе созданы списки нежелательных предприятий и «не рекомендовано продавать самое современное технологическое оборудование на те предприятия России и Украины, которые работают на оборонный комплекс» [См.: Військово-технічне співробітництво в умовах глобалізації: український вимір. К., 2011. С. 18]. Так что если Украина и Россия не начнут совместно развивать сотрудничество в сфере наукоемкого производства, они поодиночке проиграют конкуренцию в этой отрасли.

Перспективным представляется развитие сотрудничества и в сфере транзита. Строительство Россией обходных газопроводов, так называемых Северного и Южного потоков, крайне негативно сказывается на процессе развития украинского транзитного потенциала. Между тем в этой отрасли наши страны, как представляется, могли бы от модели конкуренции перейти к модели сотрудничества. Последняя, кроме прочего, предполагает предоставление Украине гарантий на транзит российских энергоносителей (возможно, путем создания международного консорциума по управлению украинской ГТС) и развитие транзитных возможностей в рамках международного транспортно-коридора ЕврАзЭС и ШОС (особенно если ШОС будет эволюционировать не в сторону превращения в военно-политический альянс, а, например, в подобие Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе).

Наконец, объективно интерес Украины состоит и в развитии сотрудничества с ОДКБ, причем не только военного. Киев заинтересован в расшире-

нии тематики такого сотрудничества. Потенциал ОДКБ, как представляется, Киевом в недостаточной мере используется, поскольку упор делается на сотрудничество с НАТО.

Развитие сотрудничества Украины с НАТО на современном этапе - тема, которая необычайно болезненно воспринимается Россией. Ни по существу, ни по форме взаимоотношения Украины и НАТО не изменились за последние три года, когда на юбилейном Бухарестском саммите Североатлантического альянса в 2008 году Украине было отказано в немедленном подписании Плана достижения членства (ПДЧ). Бухарестское решение отнюдь не означало, что тем самым Альянс отказался от своей политики «открытых дверей» по отношению к Украине. Ведь тогда фактически было принято решение о том, что интеграция Украины в Альянс будет проходить не через получение ПДЧ, а через реализацию Годовой национальной программы, аналогичной по своему содержанию ПДЧ. Неизменность курса на вступление Украины в НАТО подтверждена и Хартией о стратегическом партнерстве между США и Украиной, подписанной госсекретарем США К.Райс и главой украинского МИД В.Огрызко в декабре 2008 года.

Как известно, после победы В.Януковича на президентских выборах был законодательно закреплён внеблоковый статус Украины, который тем не менее не закрывает возможности для сотрудничества с НАТО (равно как и с ОДКБ), в том числе и в рамках реализации Годовой национальной программы. Иными словами, та логика сотрудничества Альянса и Украины, которая была определена на Бухарестском саммите, не была подвергнута пересмотру.

Сегодня Украина, впрочем как и Россия, активно сотрудничает с Североатлантическим альянсом. Вопрос же о присоединении к Альянсу на повестке дня не стоит и вряд ли в ближайшие годы он будет актуален. Тем не менее успешная реализация Годовой национальной программы, как представляется, способна создать условия, при которых будут устранены существующие сегодня военно-технические препятствия для присоединения Украины к Альянсу.

На этом фоне нельзя не отметить снижения объемов военно-технического сотрудничества Украины с Россией. Хотя Россия и остается главным партнером Украины в этой сфере, тем не менее за последнее десятилетие объем торговли оружием Украины с Россией снизился с 30-32% (2000-2002 гг.) до 20-24% (2007-2008 гг.), а в дальнейшем ожидается сокращение до 12-15% от общих объемов. [Данные приведены по: Військово-технічне співробітництво в умовах глобалізації. - С. 15]. Причем, как отмечают эксперты, происходит это сокращение во многом вследствие российской военно-стратегической политики.

Гуманитарное сотрудничество - сохранение единого информационного пространства России, Украины и Белоруссии - представляется чрезвычайно

важным для культурного и научного развития наших стран. И именно на это, по моему мнению, должны быть направлены основные усилия наших государств в этой сфере.

Таким образом, говорить о полноценном участии Украины в интеграционных проектах на постсоветском пространстве сегодня не приходится. Но задача состоит в выработке гибкой позиции, позволяющей Украине развивать и расширять сотрудничество на постсоветском пространстве без политической интеграции. И задача эта стоит не только перед Украиной, но и перед Россией и Белоруссией.

ИРИНА НОВИКОВА
Заведующая кафедрой экономической теории Академии управления при Президенте Республики Беларусь, доктор экономических наук

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРАДИГМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ, БЕЛАРУСЬЮ И УКРАИНОЙ

Глобализация мировой экономики, став объективной реальностью в XXI веке, определяет не только все мировые экономические процессы, но и все трансформации в национальных экономиках. Меняется роль государства, государственного регулирования и государственного взаимодействия между странами. Глобализация обуславливает необходимость трансформации сложившегося понимания не только роли государства и государственного регулирования, но самой парадигмы экономического взаимодействия

между странами, складывающейся на протяжении нескольких столетий со времен заключения Вестфальского мира (1648 г.)

Как в XIX веке были страны позднего становления капитализма или формирования рыночных государственно-оформленных систем (в частности, Германия), так и в XXI веке существует огромная группа стран, пассивно принимающих участие в процессах глобализации. Иначе говоря, эта группа есть объект глобализации, но не реальный субъект ее. Сюда относится и Россия, и ее ближайшие соседи - Беларусь и Украина.

Глобализация втягивает мировое хозяйство, совсем недавно понимаемое как совокупность национальных хозяйств, связанных друг с другом системой международного разделения труда, экономических и политических отношений, в рынок, рыночную экономику. На этой основе происходит трансформация части национальных экономик во внешние экономики (через ТНК, региональные группировки, особые экономические и приграничные зоны, двусторонние соглашения о свободной торговле, кластерно-сетевую регионализацию и др.). Далее, происходит отделение последних от национальных экономик и тесное переплетение этих секторов между собой как компонентов геоэкономики.

Результатом этих процессов будет создание единой мировой сетевой рыночной экономики и ее инфраструктуры, разрушение национального суверенитета государств, являвшихся главными действующими лицами международных отношений на протяжении многих веков. А уже на этой основе будет происходить формирование геоэкономики - системы единого мирового сетевого хозяйства и его новой структуры. Элементами ее будут не национальные государства, а все те субъекты, которые, оторвавшись от национальных экономик, сформируют мировую сетевую экономику - ТНК, транснациональные банки, транснациональные страховые компании и те элементы, которые будут обслуживать мировой воспроизводственный процесс безотносительно к стране происхождения, - мировая информационная система, финансовая система. Сегодня направления глобализации - это транснационализация и регионализация. В этих условиях формируется так называемая внешняя экономика.

Процесс вхождения в геоэкономику не одномоментный и достаточно длительный, идущий в контексте эволюции западных государственно-оформленных рыночных систем. Ситуация усугубляется тем, что к 2015 году мировая экономика должна войти в фазу спада «длинной волны». В этой ситуации весьма важно определить, какие производства потянут волну вверх, сконцентрировав усилия не просто на этих направлениях, но на направлениях, определяющих глобальное развитие.

Сегодня необходимо изменить подходы к модели интеграционных процессов, которая была характерна для второй половины XX века. Встраивание в

производственные системы ТНК предприятий, по-видимому, невозможно по разным причинам в большинстве стран - бывших республик СССР. Тем не менее, если такая возможность существует, необходимо ее реализовать.

В индустриальную эпоху мировое сообщество освоило два способа координации: первый – рынок, или рыночная координация, второй - иерархия, или вертикальное управление.

Рыночная координация имеет место, когда рынок связан с более простыми несложными товарами. Дж.Гэлбрейт в 60-х годах XX века писал, что чем сложнее становится техника и технологии, тем фирма все более и более заинтересована в фиксации кооперационных связей. В этой ситуации казалось, что мир двигается к вертикальной жесткой интеграции. Но со вступлением в постиндустриальную эпоху в XXI веке мировая экономика стала осваивать третий, гибридный вариант организации производства и управления, меняя свое привычное строение на кластерно-сетевое - гораздо более пластичное и одновременно более интегрированное. Причины перехода к кластерно-сетевой организации производства и управления: глобализация рынков и производственных систем; интеграция информационного и финансового пространства; мир уходит от любых иерархичных конструкций с замкнутым контуром и вертикальной субординацией, от власти государственной бюрократии и корпораций-гигантов; происходит вытеснение традиционной модели управления, построенной при наличии головного центра новым, сетевым механизмом достижения консенсуса, созданным на принципе «координации связей без иерархии»; использование высоких технологий, требующих глобальных рынков; меняется макроструктура национальных экономик (центр тяжести переносится на сферу услуг).

Таким образом, геоэкономика в своей основе имеет не только транснациональную сеть, а прежде всего кластерно-сетевую регионализацию. В этих условиях основная функция государства - создать условия равноправного вхождения в формирующуюся геоэкономике через процессы глобализации.

Участвовать в этих процессах пытается каждая страна. Но для участия «на равных» необходимо наличие по меньшей мере двух важных условий - открытости экономики и включение, «встраивание» в нее такого акселератора, как инновационное развитие, для обеспечения ее конкурентоспособности.

Открытость национальных экономик - это требование глобализации, без которого ее не может быть в принципе. В свою очередь, открытость системы предполагает адаптацию ее структуры к внешней среде. Другими словами, национальная экономика должна быть конкурентоспособной, а ее структура адекватна тенденциям и процессам, идущим в мировой экономической системе. Без структурных изменений в странах, участвующих в глобализации, не только экономический рост невозможен, невозможно будет сохранить и тот уровень экономического развития, а соответственно

уровень жизни, который каждая страна достигла к данному моменту. Это императив для любой экономики, интегрированной в систему мирового хозяйства и участвующей в процессах глобализации. И это первое условие для участия в них.

Бурное распространение кластеров в последнее десятилетие позволило выявить, что в основе их конкурентных преимуществ лежит сетевое партнерство государства, университетов (науки) и бизнеса, подпадающее под описание модели «тройной спирали».

Структурные изменения в экономике происходят не сами по себе. Сегодня они - результат инновационного развития промышленности. А последнее должно осуществляться как кластерно-сетевое сотрудничество между странами, и прежде всего Россией, Украиной и Беларусью.

Тем более это актуально для стран, в макроструктуре которых промышленность занимает если и не доминирующую, то значительную долю. К таким странам относятся и Республика Беларусь, и Россия, и Украина. Если в странах «G-7» соотношение сферы услуг, промышленности и сельского хозяйства составляет следующую пропорцию: 70-80%:19-29%:1%, то, по экспертным оценкам, в нашей стране на долю промышленности приходится более 30% ВВП. Таким образом, для нас поиск механизма «запуска» инновационного развития, прежде всего в промышленности, тем более в условиях большой экспортной составляющей в ВВП (более 60%), равносильно решению гамлетовского риторического вопроса: «Быть или не быть?».

Для России эти показатели составляют примерно следующую пропорцию: 58% приходится на услуги, а 42% - на промышленность и сельское хозяйство. Так что новые подходы должны быть актуальны и для России.

Совершенно очевидно, что в XXI веке смогут занять достойное место в мировом сообществе только страны, идущие по пути инновационного развития, обеспечившие структурную перестройку и модернизацию экономики и на этой основе рост конкурентоспособности продукции. Инновационное развитие экономики предполагает модернизацию, реинжиниринг экономических механизмов, и прежде всего на макроуровне. Не может быть одних и тех же механизмов на все времена. То, что было хорошо в административно-командной системе, неприемлемо для периода формирования рыночных отношений. То, что было хорошо для последнего, неприемлемо для инновационного развития.

Сегодня государство должно помочь бизнесу сформировать мощных глобальных игроков, оперирующих если и не на равных, то на приемлемых условиях с субъектами мировой экономики. Государство должно способствовать не только их формированию, но и выводу их на этот глобальный рынок в геоэкономику как равноправных субъектов.

Современная роль государства в экономическом развитии заключается

не в том, чтобы «зажимать», «контролировать и не пускать» национальные компании, а в том, чтобы содействовать, главным образом с помощью законодательных актов, формированию их внутренней бизнес-среды, создавать условия для инновационного развития. Это - во-первых.

Во-вторых, следует отметить, что огромная роль в процессах участия в глобализации принадлежит не только «встраиванию» наших компаний в действующие ТНК и ФПГ, но и интеграции регионов (через микрорегионализм - свободные экономические зоны, приграничные зоны, двусторонние соглашения о свободной торговле).

Да и регионы могут интегрироваться через предприятия, находящиеся на их территории. В условиях глобализации речь следует вести не только об интеграции национальных экономик в целом (хотя это и желательно), но и об интеграции регионов как частей национальной экономики. В связи с данным подходом возникает такая проблема, как необходимость формирования территориальных производственно-технологических комплексов-кластеров, объединенных общей системой связей в сфере предложения и спроса, возможно с учетом факторов спроса и предложения на сопредельных с нами территориях. Это будет являться хорошей основой для обеспечения преимуществ и на этой основе привлечения иностранных инвестиций.

Если ранее вопрос ставился о привлечении инвестиций на отдельные предприятия в регионах, то сегодня в связи с физическим и моральным износом оборудования на большинстве предприятий вопрос следует ставить об интеграции частей предприятий (цехов, участков, производств и т.п.), которые еще соответствуют мировому уровню, в производственно-сбытовые цепочки транснациональных корпораций. Для этого на тех предприятиях, которые еще в состоянии интегрироваться в производственно-технологические цепочки, необходимо провести технологический аудит.

Речь следует вести не о привлечении инвестиций на предприятия при условии сохранения численности работающих, социальной сферы. Следует искать новые пути интеграции в глобальную экономику через формирование своей внешней экономики. Более того, в условиях необходимости участия в процессах глобализации следует не просто вписываться в технологические цепочки мировых растущих брендов, но и проводить политику на предприятиях регионов для установления связей между участвующими в производственно-сбытовых цепях компаниями, получающими иностранные инвестиции, или иностранными компаниями, которые сами смогли бы если и не проинвестировать предприятие, то обеспечить рынок сбыта для наших производителей.

Сегодня проводить интеграцию в геоэкономику необходимо через «встраивание» своих предприятий в глобальные производственно-технологические сети. Но при этом следует не забывать, что это только одно из

направлений глобализации. Другое направление глобализации - это регионализация. Необходимо готовить приграничные регионы стран к процессам глобализации: способствовать созданию «критической массы» компаний, объединенных общей системой связей в сфере спроса и предложения («мини-кластеры») на территориях, включая и сопредельные территории, создавать условия по формированию территориальных комплексов, участвующих в производственно-сбытовых цепях иностранных (или, может быть, отечественных) компаний, получающих иностранные инвестиции, готовить социальную сферу, которая обеспечивала бы стабильность в регионах.

Таким образом, парадигма экономического взаимодействия между странами, которые хотят интегрироваться в геоэкономику через процессы глобализации, меняется. Нужно интегрировать (формировать и развивать) на микроуровне высокотехнологические производства, объединяя инновационные системы интегрирующихся стран и формируя глобальных игроков на новом технологическом укладе.

Необходимо формировать общий для стран Россия - Беларусь - Украина «инновационный лифт» через создание инновационно-технологических кластеров и совместных исследований попытаться прорваться в геоэкономику. Следует ускорить интеграцию приграничных регионов (особенно это касается европейского направления) на базе создания не логистических центров или городов, но логистических регионов. Возможно создание логистического пояса, в который войдут не только российские и белорусские предприятия, но и предприятия Литвы, Латвии, Украины, Эстонии, что позволит приблизить европейские рынки к российским и китайским. Также нужно способствовать созданию производственно-технологических кластеров на сопредельных территориях.

Политическая интеграция без экономической подоплеки, учета современных тенденций глобализации и движения мировой экономики к геоэкономике бесперспективна.

АРМЕН ОГАНЕСЯН: Хотелось бы услышать о вашей модели будущего (кластерно-сетевая модель), как нам к ней приспособиться. И как бы вы отнеслись к замене понятия «интеграция» на понятия «кооперация», «сотрудничество»?

ИРИНА НОВИКОВА: Правильно здесь говорилось о кооперации, но кластерно-сетевая интеграция работает практически. Развиваются научные центры, но научные центры не в привычной для нас форме - отдельно научный институт, отдельно университет, отдельно государство, а все это связанное вместе. Вижу, как мы должны сотрудничать. Предположим, Сколково - это своего рода российский кластер. Существует ряд структур в

Томске, Новосибирске, которые работают в связке с этим кластером. Почему не подсоединить сюда научные центры Украины и Белоруссии и работать вместе. То есть будет существовать один инновационный центр, на который будут работать и украинские, и белорусские разработчики. И одновременно пусть государство, не решая, кто будет участвовать, кто нет, поддержит эти инновационные проекты. Развитие таких сетей уже не остановить.

АРМЕН ОГАНЕСЯН: К сожалению, бизнес у нас крайне инертный, он не берет денег под новые технологии. Может быть, у Белоруссии и Украины бизнес более активен по части введения новых технологий?

ИРИНА НОВИКОВА: Дело, видимо, в том, что в России еще много ниш, где можно много заработать, не вкладываясь. Если наш бизнес не будет вкладывать, все это перекупят американцы. Когда они Сколково смотрели, они говорили: «А пусть создадут, как только появится толковое изобретение, мы его перекупим». Чисто американский подход.

ВЛАДИМИР МАКСИМЕНКО: Лет десять назад, когда слово «глобализация» становилось чем-то вроде заклинания, попробовал разобраться для себя, откуда же оно вдруг взялось. Ведь еще в середине 1990-х годов никто в мире не знал, что такое «глобализация», и слова этого не было. Хотя процессы проходили и раньше. Слово «глобализация», которое приобрело потом статус термина, было вброшено в Давосе на известном экономическом форуме в 1996 году. А дальше пошла всемирная операция по внедрению этого термина в общественное сознание, научный дискурс, политические круги. Значит ли это, что я стал бы отрицать процессы, объективно дающие обоснования для их обозначения словом «глобализация». Нет, конечно. Употреблять термин «глобализация» без грамматического приложения - полная бессмыслица. Американцы это делают, но это делается в рамках глобалистского идеологического дискурса. А если мы зададимся вопросом, глобализация в действительности существует ли сегодня, то ответ будет: это - глобализация процессов передачи данных, глобализация движения финансовых средств, глобализация средств массового уничтожения, глобализация некоторых (но далеко не всех) товарных рынков. Кажется, что следует быть осторожнее, придирчивее и скептичнее в отношении рамок употребления этого термина.

Следующий момент. Тезис о том, что роль государств в международных отношениях будет падать и сходить на нет, недоказуем. Отношу это на счет идеологической пропаганды.

Упомяну Восточное партнерство, это свежая тема. Восточное парт-

нерство никого и ничего не подтягивает к себе по той простой причине, что задуманное в Брюсселе как проект отсечения от РФ трех восточноевропейских и трех закавказских государств - Восточное партнерство (а Брюссель не мог предложить ничего практически значимого) стало разваливаться на глазах. И как пять государств постсоветских отреагировали на попытку заклеить Белоруссию в Варшаве, вы знаете лучше меня. Они единогласно - от Грузии с Саакашвили до Белоруссии с Лукашенко - отказались подписать.

Насчет Сколково и москвичей (я москвич). Люди, которые побывали в Сколково, имеют разные представления. Мы были поражены, что надписи на всех кабинетах, залах конференций, помещениях и даже на туалетах сделаны на английском языке. У меня вопрос: для кого создается Сколково?

ИРИНА НОВИКОВА: Насчет термина «глобализация» не соглашусь. В 1980 году вышла статья профессора Гарвардского университета Теодора Левита, где впервые был употреблен термин «глобализация». Эпиграф у статьи был очень интересный: «американские компании так должны научиться оперировать на мировом рынке, как если бы они работали дома». То есть американцы поняли, что этот процесс не остановить, и они решили возглавить его. Рейган стал проламывать интересы своих транснациональных компаний за рубежом. Но не только американцы проводят подобные кампании. Американские компании очень сильно потеснены последние десять лет. Более того, если посмотреть на прямые иностранные инвестиции, то в начале 2000-х годов американцы притягивали 25% мировых инвестиций, а сейчас только 20%. Поэтому не совсем согласна с тем, что проект американский и создан в Давосе и что в 1980 году термин использован впервые. Встречала работы со ссылками на то, что в 1972 году этот термин уже использовался.

Если же говорить о глобализации как явлении, оно возникло во второй половине 1950-х годов, когда США приняли закон «О полной конвертации по платежному балансу». Уже в 1960-х годах ученые увидели, что денежные потоки движутся быстрее, чем товарные, то есть стали возникать транснациональные корпорации. На чем выросли Южная Корея, Сингапур, Гонконг, позже Новая Зеландия? Они выросли на том, что крупные компании из развитых стран стали вкладывать в них средства. Почему они стали вкладывать? Потому что у них на родине была запутанная налоговая система, большие налоги, экологическое законодательство, очень сложное трудовое законодательство. Они стали выходить в другие страны, и таким образом начался процесс глобализации. С этой точки зрения он объективен, потому что деньги ищут, где прибыль.

Сессия II

ЧЕРНОМОРСКИЙ РЕГИОН:
СОСТАВЛЯЮЩИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА**АЛЛА ЯЗЬКОВА**

Руководитель Центра по исследованию проблем
Средиземноморья и Черноморья Института
Европы РАН, доктор исторических наук

**РОССИЯ - УКРАИНА: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ
СОТРУДНИЧЕСТВА В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ**

Для определения перспектив и проблем регионального сотрудничества России и Украины, сохранивших после распада СССР статус ведущих держав Причерноморья, необходим реальный учет сложившегося в этом регионе соотношения внутренних и внешних сил. Когда-то относительно спокойный и в известной мере периферийный регион Черного моря за истекшие два десятилетия стал перекрестком многосторонних противоречий и геополитического соперничества с участием не только причерноморских стран, но и ведущих европейских и мировых держав. Особую роль в этом сыграло открытие альтернативных Персидскому заливу месторождений нефти и газа на шельфе Каспия, что привело к вторжению в каспийско-черноморское геополитическое пространство крупных внешних игроков, прежде всего Соединенных

Штатов, НАТО и Евросоюза. Их все более очевидная заинтересованность не только в создании альтернативных путей транспортировки каспийских энергоресурсов, но и в предотвращении того, чтобы Россия доминировала на геополитическом пространстве Черноморья, а в ее отношениях с Украиной не складывался консенсус по представляющим взаимный интерес вопросам.

Черное море является одним из немногих морей, куда практически закрыт доступ для ВМС Соединенных Штатов. В то же время, согласно официальным заявлениям американских политиков, стратегической целью США стало «заполнение возникшего в Причерноморье после окончания холодной войны военно-политического вакуума евроатлантической составляющей». Практическим шагом на этом направлении стало создание в конце 1990-х годов в составе Совета национальной безопасности при Президенте США должности специального советника по проблемам Черноморско-Каспийского региона, а в составе ЦРУ - оперативного подразделения по отслеживанию политических процессов в причерноморских странах.

Геополитическая ситуация в Черноморском регионе претерпела дальнейшие изменения после российско-грузинского конфликта в августе 2008 года, в ходе которого возросла напряженность между США и Россией, военные флотилии которых оказались в дни конфликта на опасно близком расстоянии. Признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии не только надолго заморозило российско-грузинские контакты, но и осложнило развитие отношений России с рядом причерноморских государств. В частности, в сентябре 2008 года в Киеве было принято политическое решение о возможности вступления Украины в НАТО. В этих условиях, несмотря на объявленную администрацией Барака Обамы «перезагрузку» отношений с Россией, появились дополнительные возможности для продвижения в регион США и Евросоюза.

Американские военные базы появились в Румынии и Болгарии еще в 2005 году, при этом Президент Румынии Траян Бэсеску прямо аргументировал подписание соглашения о создании четырех американских военных баз в Констанце необходимостью «стратегически уравновесить позиции России на Черном море». Тем самым был укреплен черноморский фланг НАТО, членами которого к этому времени наряду с Турцией уже были Румыния и Болгария. Был также создан известный противовес отношениям США с Турцией, подчас проявлявшей известную самостоятельность в вопросах внешней политики.

Дальнейшему укреплению позиций Соединенных Штатов способствовал согласованный с Румынией проект размещения ПРО США на ее территории, что не могло не вызвать беспокойности близлежащих государств - не только России, но и Украины, и Молдовы, периодически подвергающихся политическому прессингу со стороны Румынии.

В целом же стратегическая линия Соединенных Штатов на Черном море

на протяжении ряда лет сохраняла рудименты холодной войны, хотя нельзя не заметить, что администрация Барака Обамы подходит к проблемам Причерноморья с учетом более широкого понимания американских внешнеполитических задач на Ближнем и Среднем Востоке.

Что же касается Европейского союза, то он достаточно долго не проявлял интереса к Черноморскому региону, и только в ноябре 1997 года появился первый документ - «Заявление Еврокомиссии по региональному сотрудничеству в районе Черного моря». После вступления Румынии и Болгарии в ЕС (2007 г.) возможности политики Евросоюза в регионе существенно расширились и были выдвинуты специальные проекты регионального сотрудничества - «Черноморская синергия» и «Восточное партнерство».

Наиболее существенным шагом стало принятие Европарламентом резолюции от 20 января 2011 года, определившей основные параметры стратегии ЕС на Черном море. В тексте резолюции прямо указывалось, что Черноморский регион имеет «стратегическое значение для ЕС», а Черное море «частично является внутренним морем Евросоюза, а географически в основном европейским морем, в результате чего у ЕС и стран региона есть общие сложные задачи и возможности». В резолюции также было указано на необходимость выработки Совместной операционной программы для бассейна Черного моря, а также на необходимость выделить конкретную строку бюджета для Черноморской стратегии.

Выдвинутые Европарламентом положения были конкретизированы в представленном на осеннюю сессию Европарламента 2011 года докладе депутата Илианы Йотовой (Болгария) по развитию рыболовства в Черном море. В документе представлен более широкий круг проблем - загрязнение и оскудение морской флоры и фауны, недостаточное внимание, а порой и полное отсутствие взаимодействия в решении экологических аспектов сотрудничества, что наносит непоправимый ущерб рыбному хозяйству. Решение этих и других проблем было предложено осуществить путем адаптации законов стран Черного моря к нормам Евросоюза, а координация действий на этом направлении возложена на Болгарию и Румынию.

В разработанных Евросоюзом документах и программах не отводится должного внимания существующей на протяжении уже двух десятилетий Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), неоднократно предлагавшей Евросоюзу сотрудничество в рамках совместных проектов, преимущественно в экономической сфере, в том случае, если бы ОЧЭС была предложена роль равноправного партнера, а не объекта региональной политики ЕС. На этом направлении в предшествующие годы был достигнут компромисс: взаимное одобрение конкретных проектов, преимущественно в экономической сфере. Однако последующие шаги ЕС, в частности принятие программы «Восточное партнерство», притормозили развитие сотрудничества ЕС - ОЧЭС, исключив Россию из сферы регионального взаимодействия.

В рамках ОЧЭС Россия на протяжении последних двух десятилетий сотрудничает с Турцией, наиболее радикальные изменения в политике которой после окончания холодной войны коснулись именно бассейна Черного моря. Президент Турции Тургут Озал в 1991 году стал инициатором расширения рамок Черноморского экономического сотрудничества. А в 1998 году Турция предложила идею формирования многонациональных военно-морских сил с участием всех прибрежных государств. В апреле 2001 года было подписано соглашение о создании Черноморской группы военно-морского сотрудничества (BLACKSEAFOR), для чего впервые в истории Черноморского региона собрались вместе представители всех черноморских государств. А в марте 2004 года Россия и Украина стали официальными участниками предложенной Турцией операции «Черноморская гармония». Наконец, во время августовской войны 2008 года Турция не пошла на нарушение Конвенции Монтрё, используя свои права хранителя конвенции и не пропустив в акваторию Черного моря крупнотоннажные американские крейсеры.

Несмотря на наличие ряда спорных проблем, отношения Турции с Россией развиваются по восходящей как в экономической, так и политической сферах. И, пожалуй, одним из главных вопросов, по которым их позиции в значительной степени сходятся, стало их нежелание «превращать Черное море в новую сферу борьбы крупных держав». На это, в частности, указывал турецкий исследователь Фатих Озбай.

Нельзя тем не менее недоучитывать и то, что после распада СССР военно-морские силы России сократились, в то время как Турция стала обладателем самого крупного на Черном море военно-морского флота. Помимо сильной корабельной группировки Турция располагает 13 подводными лодками германской постройки, в то время как Россия имеет в составе ЧФ одну боеспособную подводную лодку.

В ближайшей и среднесрочной перспективе важным геополитическим фактором в Черноморском регионе могла бы стать Украина. После августа 2008 года она сохранила позитивные отношения с Грузией, отказавшись от признания Абхазии и Южной Осетии, а в декабре 2008 года подписала наряду с Грузией Хартию о стратегическом партнерстве с США. В рамках ГУАМ Украина сотрудничает также с Азербайджаном и Молдовой, что не мешает ей поддерживать деловые и добрососедские отношения с Россией.

В то же время наибольшие сложности возникают в отношениях Украины с Румынией из-за заявляемых румынским президентом претензий на территории части Одесской и Черновицкой областей и противоречащей украинскому законодательству раздачи их гражданам румынских паспортов. В пользу Румынии был также решен международный спор по поводу острова Змеиный, на шельфе которого обнаружены признаки запасов нефти и газа.

Еще один источник потенциальной нестабильности - радикализация дви-

жений крымских татар, находящих поддержку исламских организаций Турции, а в последнее время и Северного Кавказа.

В системе безопасности Черноморского региона Крымский полуостров занимает особое место и по ряду других причин. Здесь сконцентрировано русскоговорящее население, от настроений которого в известной мере зависят отношения с Россией. Наконец, в Севастополе базируется российский Черноморский флот, бывший до подписания в 2010 году соглашения о его длительном базировании предметом постоянных споров между Россией и Украиной.

И дело здесь не только в исторических традициях, хотя и они постоянно находятся в поле зрения российской общественности самых различных политических ориентаций. Несмотря на его кризисное состояние, Черноморский флот способствует поддержанию баланса военно-морских сил в регионе и за его пределами, периодически участвуя в программах BLACKSEAFOR, Sea Breeze, а также в антитеррористической операции «Активные усилия» НАТО на Средиземном море и российско-итальянских военно-морских учениях.

Принятые в рамках «Стратегии ЕС в отношении Черного моря» документы оставляют вне рамок региональных инфраструктурных проектов не только Россию, но и Украину, хотя она имеет на Черном море самую протяженную прибрежную линию, на которой расположены 19 портов. Евросоюз заявил о своем намерении развивать черноморские и дунайские порты Румынии (Констанца, Тулча, Галац и Брэила), а также болгарские (Варна и Бургас), оставив Украину в стороне, что впоследствии может привести к переориентации товаропотоков в пользу Румынии и Болгарии. В то же время в сохранении и упрочении потенциала украинских портов заинтересована Россия, и российско-украинское сотрудничество в этом вопросе может принести дивиденды обеим странам и упрочить их позиции на пространстве Черного моря.

России и Украине необходимо предпринять меры по предотвращению дальнейшего загрязнения акватории Черного моря. По данным Института океанологии РАН, с помощью методов космического наблюдения на Черном море были обнаружены масштабные разливы нефтепродуктов как следствие технических сбросов танкеров. Эти и многие другие проблемы экологии Черного моря необходимо решать в сотрудничестве со всеми прибрежными странами.

Чем же в конечном итоге станет Большое Причерноморье - сферой регионального сотрудничества или ареной противоборства внутренних и внешних сил? Чье присутствие в регионе Черного моря станет в ближайшие десятилетия доминирующим? О чем смогут договориться Украина и Россия?

Ответы на эти вопросы пока не найдены, и ситуацию трудно прогнозировать, если вспомнить стремительное развитие событий на протяжении последних двух десятилетий. Нельзя тем не менее не заметить, что ключевым компонентом стратегии стабильности должно стать встречное движение на всех упомянутых направлениях, равно как и уважение законных прав всех го-

сударств региона. С этим согласны и участники созданной в 2009 году международной Черноморской комиссии, указывающие на то, что попытки односторонне привязать регион к Западу могут спровоцировать нежелательную конфронтацию. В подготовленном комиссией проекте содержатся конкретные предложения по поводу повышения уровня черноморского регионального сотрудничества и использования для подведения его итогов предстоящего в июне 2012 года саммита ОЧЭС, приуроченного к 20-летию этой организации.

СЕРГЕЙ АЛЁМОВ

Старший научный сотрудник Института биологии южных морей, кандидат биологических наук

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОРТОВЫХ АКВАТОРИЙ И ПУТИ ИХ СОВМЕСТНОГО РЕШЕНИЯ

Черное море относится к одной из наиболее эксплуатируемых экосистем Европы. Резкая деградация экосистемы моря в результате усиленного антропогенного воздействия второй половины XX столетия, сопровождаемая природной изменчивостью и изменениями климата, выразилась в значительных негативных изменениях его экосистем и ресурсов в прибрежных, наиболее урбанизированных зонах.

На протяжении веков эти зоны являются центрами разнообразной человеческой деятельности, включая индустриализацию, строительство портов и гаваней, разработку природных ресурсов, судоходство, рекреацию, туризм и прочее. Все эти виды деятельности воздействуют на экологическое состояние шельфо-

вых зон и проявляются в снижении биологических ресурсов, видового разнообразия, изменении ландшафтов, а также в снижении эстетической и рекреационной емкости. Зона сопряжения суши и моря играет ключевую роль в загрязнении морских бассейнов. Более 3/4 всех вырабатываемых на земле загрязнений поступает в моря и океаны. При этом до 90% всей массы загрязнений от береговых источников накапливается в узкой прибрежной акватории, занимающей в целом по мировому океану около 8% его поверхности и всего только 0,5% объема.

Эти проблемы - общие для всех прибрежных черноморских государств. В Севастополе канализация находится в плачевном состоянии, значительная часть стоков (из 30 млн. кубометров 20 млн.) неочищенные. Акватория Цемесской бухты подвергается регулярной интоксикации: промышленные предприятия ежегодно сбрасывают в море около 87 000 м³ сточных вод, из которых очистку проходят всего 41%. Происходят пролития с судов. 2 февраля 2011 года судно «Aegean Nobility», находившееся в одесском порту под греческим флагом, оштрафовано за загрязнение территориальных вод Украины. 19 мая 2011 года владелец судна «Vegavoyager» (под флагом Нассау) уплатил почти 14 тыс. долларов. Один из источников загрязнения акваторий портов - балластные воды судов.

Для порта Новороссийск с его глобальными судоходными связями и годовыми объемами сброса балласта, превышающими 32 млн. тонн, эта проблема является особенно актуальной и потребовала разработки и реализации пионерной целевой экологической программы по данному направлению деятельности.

Основная угроза водной среде при сбросе балласта в акватории портов заключается в возможном переносе чужеродных организмов, акклиматизация которых может нанести существенный вред уже сложившейся природной экосистеме. По оценкам Международной морской организации (ИМО), в десяти портах Украины в 2001 году было сброшено более 11 млн. тонн балластных вод, в том числе в одесском порту - около 6 млн. тонн. Приоритетным загрязнителем акватории Черного моря в целом и портовых акваторий в частности являются нефтепродукты, причем в ближайшем будущем указанное загрязнение может существенно (в несколько раз) возрасти в связи с увеличением масштабов перевозки нефти танкерами и строительством новых нефтетерминалов во всех шести причерноморских странах. Повышенные концентрации нефтепродуктов в воде наблюдаются в акватории моря вблизи Одессы (0,05-0,15 мг/л), Ильичевска (0,05-0,20 мг/л), Севастополя (0,10-0,20 мг/л) и других районах прибрежной части Черного моря.

Без учета аварийных ситуаций только при технологических потерях в 0,01% от объема транспортируемых нефтепродуктов в морскую среду может поступать ежегодно до 20 тыс. тонн нефтепродуктов. При авариях эти потери могут возрастать в десятки раз. Загрязнение донных осадков нефтепродуктами в дальнейшем может негативно повлиять на состояние донных сообществ и, соответственно, на самоочищающую способность среды в регионе.

Вместе с тем благодаря большим усилиям, по данным проведенного Рос-

гидрометом мониторинга состояния окружающей среды, к началу XXI века отмечается снижение концентраций загрязняющих веществ в прибрежных водах Черного моря. Так, если в начале 1990-х годов содержание нефтяных углеводородов в районах Новороссийска и Туапсе достигало 10-21 ПДК, то в середине 1990-х годов эти показатели снизились до величин 2 ПДК, а в 2000 году повсеместно не превышали ПДК.

Академик НАН Украины В.Н.Еремеев сказал: «Та экономика и те технологии, которые присущи странам региона, однозначно способствуют серьезному загрязнению морской среды. Пока на огромной территории Украины, России, да и Болгарии и Турции, это никого не беспокоит. Новую экономику мы еще не построили, новые технологии мы еще не используем. Поэтому можно говорить о какой-то стабилизации, но не о решении каких-то фундаментальных проблем экологии Черного моря».

Система экологического мониторинга, наряду с контролем состояния окружающей среды, должна предусматривать прогноз его динамики и разработку управляющих воздействий, для чего могут быть использованы накопленные данные многолетних наблюдений.

Важными задачами являются профилактика и ликвидация чрезвычайных ситуаций, связанных с транспортировкой опасных грузов, в том числе разработка и апробация оперативных планов транспортных предприятий и комплексов по чрезвычайным ситуациям с учетом региональных особенностей и условий их реализации; взаимодействие порта, города и региона при угрозе террористических актов, включая вопросы индикации химического и биологического загрязнения.

В настоящее время полностью предотвратить попадание нефтяных углеводородов в море не представляется возможным. Одним из путей борьбы с нефтяным загрязнением является ликвидация нефти, попавшей в море. Если оставить в стороне аварийные ситуации, то бороться приходится с концентрациями нефти в воде в пределах нескольких единиц ПДК. Для этого пригодны только биологические методы. Один из путей улучшения экологического состояния акваторий основан на создании искусственных гидробиологических систем для очистки загрязненных морских вод и оздоровления прибрежных акваторий.

Естественные, а особенно антропогенные изменения морской экосистемы требуют международного решения экологических проблем и переосмысления оценки ресурсов Черного моря и их роли в экономике причерноморских стран.

Осознание угрозы негативного воздействия человека на экосистему моря, понимание роли экологических параметров, признание необходимости обеспечения условий сохранения естественных процессов в море, международное сотрудничество в осуществлении экологических и экономических исследований в деле рациональной эксплуатации ресурсов и охраны морской среды - только соблюдение этих условий может позволить нам с оптимизмом смотреть в будущее уникального Черноморского бассейна.

ДЕНИС КИРЮХИН: Экологическая проблема не может быть проблемой одной страны, это проблема всех. И как раз в Черноморском регионе последнее время наблюдается не столько координация международных усилий по целому ряду проблем, сколько, наоборот, возрастание межгосударственной конкуренции. Хотелось бы обратить внимание на публикацию в мае 2011 года в «Asia Times» статьи «США играет мускулами в Черном море». Первое предложение этой статьи звучит так: «Россия и Турция вот-вот утратят свое историческое монопольное право на Черное море». И действительно, последнее время в Черноморском регионе, как мы сейчас услышали, появилось много игроков со своими интересами.

В этой статье Румыния воспринимается как проводник интересов США. Между тем она довольно сильный самостоятельный игрок, чья политика базируется на идеологии возрождения Великой Румынии, которая сейчас в регионе очень популярна. Алла Алексеевна, как вы оцениваете позицию Румынии и необходима ли, по вашему мнению, координация усилий Украины и России по возможной нейтрализации румынского фактора.

АЛЛА ЯЗЬКОВА: Румыния была первой страной, которая подала заявление на вступление в НАТО. Причем 96% населения, согласно опросам общественного мнения, хотели тогда вступления в НАТО. Такая общественная поддержка была в Румынии первоначально, еще при Президенте Илиеску, затем при Константинеску эти проблемы были немножко приглушены. Но с приходом нынешнего президента они вышли на поверхность. Румыния предпринимает открытые попытки объединения Молдавии с Румынией, выдачи молдавским гражданам румынских паспортов. В то время как в Молдавии есть западные европейские тенденции в обществе, но только в отношении Евросоюза, но не в отношении объединения с Румынией. Слишком в этом смысле жива память прошлого и межвоенных лет. Что касается Украины, то тут тоже (ведь когда Президент Бэсеску говорит о необходимости присоединения не Молдавии, а именно Бессарабии, то имеется в виду часть Одесской области и часть Черновицкой области). Такого рода претензии не находят, как мне представляется, должного ответа в том числе и в украинских политических заявлениях.

Сейчас молдавский «Альянс за европейскую интеграцию» придерживается проевропейской линии (не пророссийской!), но ни в коем случае не прорумынской. Это - проблема, проблема Румынии, особенно в контексте активных позиций Румынии (и Болгарии, которая идет с ней в паре) по Черному морю. Европейский союз наметил программу модернизации черноморских портов, и речь идет только о портах Румынии и Болгарии. В то время как Украина имеет 19 портовых выходов, но нигде и никогда не говорится о том, что Евросоюз готов каким-то образом

пойти навстречу Украине в этом вопросе. И здесь дело не в членстве в Евросоюзе, здесь речь идет о портовых сооружениях на Черном море вообще. Все это может привести к смещению товаропотоков через порты Черного моря. В конце концов это будет невыгодно ни Евросоюзу, ни странам Причерноморья.

Если смотреть шире, то Румыния давно заявила о себе как о форпосте евроатлантической цивилизации на Черном море, обращенной на Ближний Восток. Это подкрепление идеи Великой Румынии. Но к чему приводят идеи «Великих Румыний, Албаний», хорошо известно. История сказала тут свое слово.

ВЛАДИСЛАВ ГУЛЕВИЧ: Хотел бы вернуться к румынской тематике, напомнить, что этот вопрос является для безопасности Украины вызовом номер один. Ответ Украины на этот вызов часто запоздалый и вялый. Сравнительно недавно была усилена воинская группировка украинских вооруженных сил в Одесской области. Румыния обыгрывает Украину, прежде всего в сфере гражданских технологий и НПО (неправительственных организаций). Давно уже говорится о том, что молдавская диаспора Украины постепенно переползает в зону влияния Румынии. Причем делается это Бухарестом через Кишинев: украинские молдаване получают учебники истории, где прямым текстом пишется, что наша родина - Молдова, и далее идет прорумынский дискурс.

ВЛАДИМИР КАЗАРИН: Ряд замечаний критического характера. Считаю, что проблема - ограничивает или нет пребывание американцев в Черном море Конвенция Монтрё - устаревшая и надуманная. Нет, не ограничивает! Действительно, пребывание корабля ограничено, положено 36 дней, но один корабль вышел, другой зашел и продолжает пребывание, и никаких нарушений нет! Тем более теперь, когда три страны Черноморского бассейна являются странами НАТО, и поэтому натовские корабли приходят и не в гости, а они приходят в тот регион, где порты натовские, где страны натовские и т.д. Хочу сказать, что на самом деле ситуация острее и сложнее, чем мы иногда сами себе это представляем.

Второе, очень важное упущение. Черноморский бассейн имеет стратегическое значение не только в силу того, что здесь открыты запасы углеводородов. Сегодня Черноморский бассейн - это важнейший транспортный узел: идет гигантская перестройка всей транспортной системы, условно говоря «запад - восток - запад». Обратите внимание, как перенаправляются транспортные потоки из того же Китая и других стран. Они идут сегодня южнее Каспия. Россия отсекается от этих транспортных потоков. Раньше мы гордились тем, что у нас Транссиб, и мы обеспечивали это «плечо». А сейчас Китай работает через Киргизию, через другие потоки и страны. Было решение построить вокруг Черного моря кольцевую

дорогу. Какие две страны не построили свои участки дороги - Россия и Украина. Все остальные построили. Был я на этой трассе в Турции: три ряда в одну сторону, три ряда в другую, мощная разделительная полоса, бесконечно идут грузовики. Не один за одним, а бесконечным потоком. Они перенаправляют эти потоки, минуя нас, дальше на Дунай. И в результате мы выпадаем из этого оборота: из финансового, экономического и любого другого. В этом смысле тезис о том, что это периферийный регион, - отражение каких-то устаревших представлений, которые на севере до сих пор живы, хотя на самом деле совершенно иным образом все обстоит.

Что касается военной составляющей, это тоже странный тезис, который часто звучит так: какое военное стратегическое значение имеет Черноморский флот в этом закрытом море? Правильно говорят: «Нет Черноморского флота - нет Средиземноморской эскадры, нет Средиземноморской эскадры - нет стратегического положения в Атлантическом океане». Иной подход совершенно непрофессионален, который приводит к стратегическим просчетам и потерям.

АРМЕН ОГАНЕСЯН: Честно говоря, я бы ужаснулся, увидев здесь в Крыму шестиполосную дорогу. Это будет уже не Крым, а транспортная артерия. Тут надо подумать: стоит ли овчинка выделки? Это все-таки среда человеческого обитания. Относительно Черноморского флота наши позиции совпадают. Считаю, что Россия уделяет мало внимания развитию Черноморского флота. Сейчас с учетом ситуации на Ближнем Востоке флот надо укреплять.

Хотел бы еще коснуться темы экологии. Экология - это та тема, которая могла бы объединить Россию, Украину и Белоруссию. Черное море было советским морем. Здесь и санатории, и большое количество отдыхающих. 20 стран Европы (значительная часть из которых участники Европейского союза) сбрасывают свои воды в Днестр, Днепр и Черное море. Необходимо совместно заострить на этом внимание, добиваться, чтобы они несли ответственность. В решении этого вопроса интеграция необходима. В системе МАГАТЭ есть и организация, и ряд институтов, которые занимаются вопросами экологии морей. МАГАТЭ имеет уникальные технологии по диагностике и анализу загрязнения, нужно использовать эти возможности. У меня вопрос: в Одессе «Лукойл» начинает добычу нефти. Это может отразиться на экологии?

СЕРГЕЙ АЛЁМОВ: Этот вопрос всегда очень сложен. Сейчас есть технологии, которые позволяют если не полностью, то минимизировать загрязнение. Но все зависит от того, для чего мы выбираем регион: для рекреации или для промышленности.

Сессия III

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРАЦИИ: МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ, ОБРАЗОВАНИЕ, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ЯЗЫК

СЕРГЕЙ ТРАХИМЁНОК

Профессор Института национальной безопасности
Республики Беларусь, доктор юридических наук

БЕЛАРУСЬ, РОССИЯ, УКРАИНА: ОСНОВЫ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ И ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Распад Советского Союза не принес ни миру, ни континенту обещанного благоденствия и стабильности. Но поскольку в данной аудитории мы обсуждаем региональные проблемы, то ограничимся континентальным предметом исследования. Источником данной нестабильности, в частности для России, является, если пользоваться терминологией Вадима Цымбурского, «шельф», который образовался после распада СССР и которым в данный момент окружен «Остров Россия».

Итак, нестабильность исходит от так называемого культурологического (цивилизационного) пограничья. А поскольку «пограничный» по-латыни *limitrophus*, то политики прежде всего, а потом уже и ученые в последнее время в своих рассуждениях стали использовать активно этот термин.

Термин этот не нов. Появился он во времена Римской империи и обозначал пограничную область, которая обязана была содержать стоящие на своей территории имперские войска.

В XX веке в СССР его использовали для обозначения государств, образовавшихся на окраинах царской России, а после 1991 года для обозначения государств СНГ.

Термин «лимитрофные государства» употреблялся не только в СССР. В утвержденной 11 апреля 1939 года Гитлером «Директиве о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939-1940 гг.» указывалось, что после разгрома Польши Германия должна взять под свой контроль Литву и Латвию: «Позиция лимитрофных государств будет определяться исключительно военными потребностями Германии. С развитием событий может возникнуть необходимость оккупировать лимитрофные государства до границы старой Курляндии и включить эти территории в состав империи».

В конце XX - начале XXI века указанный термин был реактивирован усилиями российского философа и геополитика Вадима Цымбурского. Цымбурский не просто осовременил его, но и фактически создал понятие «Великий лимитроф», то есть межцивилизационное пространство, которым окружен «Остров Россия».

Цымбурскому принадлежит и объяснение причин, по которым образовался, с одной стороны, «Остров Россия», а с другой - «Великий лимитроф».

И они могли бы не только явиться фундаментом национальной идеи России, но и указать на препятствия, преодоление которых решит задачи безопасности для Беларуси, России и Украины. Однако нет пророков в своем отечестве.

Цымбурский также опроверг точку зрения о том, что «во все века своего существования Империя подобно средневековой Руси лишь сдерживала наскоки «латинян».

По его мнению, наступление Запада на Россию никогда не было первым тактом этого механизма. Так, 1812 год был подготовлен разделом Польши, сдвинувшим границы навстречу романо-германскому Западу, рейдами войск Суворова по Европе, войнами 1805-1807 годов и попытками осуществить ревизию Тильзитского мира.

Осада Севастополя англо-французами была реакцией на венгерский поход 1849 года и оккупацию придунайских княжеств в 1853 году.

За интервенцией Германии и Антанты в Россию в 1918 году стоит попытка России в 1916 году наконец решить «вопрос о проливах».

А 22 июня 1941 года событийно следует за соучастием СССР в уничтожении, как обнаружилось, охранявшей его Версальской системы.

«За имперские века, - подводил итог Цымбурский, - мы не можем назвать ни одного вступления Запада на земли России, которое не было бы непосредственно предварено нашей европейской игрой».

Процесс наступления России на Европу Цымбурский назвал «похищением» ее.

Здесь следует задать вопрос, почему же Россия время от времени занимается «похищением Европы»?

События, по мнению Цымбурского, всегда разворачивались по одному сценарию. «Россия включается в борьбу западных держав за гегемонию на стороне какого-либо или каких-то из них» - «западная(-ые) армия(-ии) вторгается(-ются)

на земли России» - «Россия отбивает агрессию и наступает на Европу в качестве ее потенциального гегемона» - «российский натиск надломлен сопротивлением Запада, и Россия откатывается на свою платформу».

Цымбурский подчеркивал, что все западные наступления против Империи занимают в цикле либо вторую позицию, либо четвертую, заключительную (Крымская война), но еще ни один цикл не начинался с прямой европейской или евроатлантической агрессии.

Однако здесь следует продолжить рассуждения Цымбурского. Когда речь идет о взаимодействующих системах, то они в равной степени оказывают влияние друг на друга в соответствии со своим потенциалом. Причем Запад всегда тягивал Россию в свои игры, для того чтобы использовать в своих интересах ее потенциал. Правда, и Россия охотно в них участвовала.

Немалую роль в этом сыграли и российские элиты, две трети которых принадлежали к дворянским и княжеским родам Западной и Восточной Европы.

Не была исключением и династия Романовых.

Хотя один из Романовых, Петр Первый, как-то выразился, что Россия - не царство, а часть света. И окно в Европу он прорубил, чтобы взять там ряд технических и организационных новшеств. Сам Петр полагал, что на это уйдет несколько десятков лет, а потом можно будет вернуться к Западу... спиной.

Еще раз подчеркну, что заслуга Цымбурского в том, что он по-новому взглянул на сегодняшнее состояние России. Хотя отталкивался он от давно забытых идей.

В частности, Семенов-Тянь-Шанский еще в XIX веке высказал мысль о том, что в условиях укрупнения человеческих форм выживания преимущества будут иметь великие империи, которые, вместо того чтобы располагаться, как в древности, вокруг внутренних морей-озер или рассыпаться клочками по океанским закоулочкам, как империи англичан и испанцев, отважно перекидываются от океана до океана, через целый континент. И именно им и принадлежит будущее. Так оно, кстати, и случилось - XX век принадлежал двум великим чрезматериковым державам - США и Советскому Союзу, читай - России.

На статус такой чрезматериковой державы сегодня претендует и Китай, если сможет выйти к Индийскому океану, возможно, через Пакистан или Бирму.

И это правильно, точнее, адекватно пространственному ресурсу.

Таким образом, маленькое образование по ресурсу - Европа всегда пыталась обезопасить себя по отношению к большому соседу. Способы этого были различны. После Ивана Грозного это было внедрение в правящую элиту представителей Запада и последующее тягивание России в европейские игры.

Наверное, Запад понимал, что позже ему придется объединяться, чтобы вытеснить привлеченного игрока-тяжеловеса. Но уж очень было велико желание решить свои задачи с помощью привлеченных средств.

Наиболее ярким примером этого являются события XX века. Советский Союз выдержал наступление немецких войск, сам перешел в наступление и

установил в Европе «железный занавес» почти на полвека. А затем вновь откатился на свою платформу.

Здесь к месту вспомнить еще один момент. В мозги обывателя на Западе все время внедряется мысль, что Великая Отечественная война была войной Германии с Советским Союзом. На самом деле у Германии, несмотря на ее военный потенциал того времени и опыт ведения локальных боевых действий, слишком тонкие ноги, чтобы длительное время воевать с Советским Союзом. И дело не только в стратегическом потенциале данного пространства, который всегда превосходил европейский.

Дело и в военном контингенте, который непосредственно участвовал в боевых действиях на территории Советского Союза.

Подтверждением вышесказанного могут служить данные из книги австрийского историка Стефана Карнера «Архипелаг ГУПВИ». В ней приведены сведения о военнопленных, участвовавших в военных действиях против СССР и оказавшихся после войны в советских лагерях.

Немцев - 2 388 443	Поляков - 60 272
Венгров - 513 766	Итальянцев - 48 957
Румын - 187 367	Французов - 32 136
Австрийцев - 156 681	Хорватов - 21 830
Чехословаков - 69 077	

Не привожу все остальные национальности Западной Европы, которых в ГУПВИ было менее 20 тысяч. Общая цифра военнопленных - более трех с половиной миллионов человек. А ведь это только военнопленные, то есть те, кто попал в советский плен. Чтобы не вдаваться глубоко в методики подсчета военнопленных по отношению к общему контингенту проигравшей стороны, возьмем самое простое, добавим один ноль после этой цифры и увидим численность армии, которая вела боевые действия против СССР.

Перед нами не что иное, как Вооруженные силы Западной Европы под командованием одной из ее стран - Германии.

В современной ситуации под определение лимитрофов подпадает каждая из 14 бывших союзных республик СССР (кроме России), то есть в сопоставлении с лимитрофами начала XX века из этой категории выпадают лишь Финляндия и Польша.

Что объединяет эти страны? Геополитики полагают, что такими признаками являются:

- принадлежность к единому геополитическому центру;
- принадлежность к единому экономическому комплексу в рамках системы международного разделения труда;
- общность языка или широко распространенных познаний одного и того же (государственного) языка.

Однако среди этих государств можно выделить два, которые цивилизационно наиболее близки к так называемому «Острову Россия».

Условно по ряду критериев «Великий лимитроф» можно разбить на цивилизационные фрагменты, отличающиеся своей спецификой, - Прибалтийские государства, Закавказье и Средняя Азия. А также современные Беларусь, Украина.

Подведем некоторые итоги этого блока доклада.

Современная ситуация в мире, события на Балканах, в Восточной Европе, на Среднем Востоке, в Северной Африке дают основания полагать:

- приближается большой милитаристский всплеск, который выступает как средство, с одной стороны, отвлечения внимания от мирового финансового кризиса, с другой стороны, реализации силами Запада значительных геополитических проектов, в том числе и в отношении «советского наследства» на «Великом лимитрофе»;

- этот всплеск не будет ориентирован на полномасштабные военные действия и военный успех, скорее всего это будут попытки шантажа по получению территориальных и ресурсных преимуществ;

- в ближайшее десятилетие Россия не будет участвовать в «похищении Европы», а также не будет претендовать территориально на пространство «Великого лимитрофа». Однако будет активным противником любой чужой гегемонии на его пространствах;

- отношения России с Беларусью и Украиной будут более сложными, чем с другими цивилизационными фрагментами «Великого лимитрофа», и причиной этому - феномен разделенного русского мира.

Данные выводы позволяют с некоторыми оговорками рассчитать направления политики государств Восточной Европы по отношению к соседям справа и слева, а также определить факторы, способствующие и препятствующие более тесному их взаимодействию.

Но самое главное, они проявляют основу будущей интеграции, коей являются отнюдь не политические и экономические интересы, а цивилизационные ценности - ориентиры, которые нам необходимо сохранить, ибо они есть фактор нашего выживания в меняющемся мире.

Любое эффективное управленческое воздействие на общественные отношения с целью достижения желаемого результата возможно только при адекватной оценке ситуации, поскольку неправильная оценка ее приводит к расходованию ресурса на негодный объект. Плюс учет закономерностей правового регулирования, потому что без таковых мы также рискуем не достичь поставленных целей.

Постоянной методологической ошибкой нашего пространства является неадекватность восприятия обстановки.

Традиционно и в рамках определений географов мы проживаем на территории материка Азия, в который входят несколько субконтинентов со своей ландшафтно-климатической и цивилизационной спецификой. Это Европа, Скандинавия, Индостан и Индо-Китай.

На картах (планах) дохристианского периода раздел того, что называется сегодня Западной Европой, проходил по линии, соединяющей сегодняшние города Калининград и Одессу.

В свое время Петр Первый «продлил» Европу до Урала. И с тех пор мы живем в ситуации европейского дома, фактически к таковому не относясь. Но мало этого, время от времени аппетиты нашего цивилизационного конкурента возрастают и появляются идеи создания европейского или общеевропейского дома от Атлантического океана до Тихого.

Геополитики отмечают факт интеграции Европы. Но при больших претензиях на научный анализ этого процесса никто не обращает внимания на основу этой интеграции. А ведь она интегрируется в рамках одного способа выживания или цивилизации. Основными моментами здесь являются не язык и даже не идеологические системы в форме религий, а система глубинных ценностей, которые Европа всегда весьма своеобразно защищала.

По закономерностям выживания малого в большом или малого рядом с большим маленькое этноцивилизационное образование Европа сумела внедрить в головы элит этноцивилизационных конкурентов в период так называемого Просвещения некую систему знаний, в частности технических. Однако вместе с ними она внедрила и свои ценности, которые не были присущи системе выживания на данном пространстве. С тех пор и существует разруха в головах большинства представителей наших элит. С тех пор и бытует странная притча о том, что все блага есть на данном пространстве, но нет умных правителей. Норманская теория - наукообразное подтверждение тому.

Однако следует отметить, что в особо экстремальных ситуациях элиты всегда возвращались к ценностным ориентирам, которые помогали выжить на данном цивилизационном пространстве. Но стоило ресурсу и запасу прочности вновь пополниться, они опять возвращались к либеральным, а точнее, европейским ценностям.

В 1999 году был заключен договор между Беларусью и Россией о создании Союзного государства. Прошло 12 лет.

Почему же не работают нормативные акты интеграционного характера. Почему не решаются задачи углубления интеграции в рамках Союзного государства России и Белоруссии, а также возникают трения между участниками Таможенного союза.

Этому есть две группы причин.

Европа, понимая значение объединения и объединяясь сама, тормозит эти процессы у своих цивилизационных конкурентов.

Таким образом, первый фактор, препятствующий объединению, - нежелание иметь рядом с собой сильного цивилизационного конкурента, который пробил бы брешь в поясе безопасности между пространствами двух цивилизаций.

Второй фактор, мешающий сближению: после распада СССР к власти в постсоветских республиках пришли элиты, определенная часть которых после объединения может потерять те преимущества, которые они получили в результате раздела собственности СССР.

И первое, и второе относятся к содержательной стороне правового регулирования. Чтобы ответить на поставленный нами вопрос с позиций формы,

необходимо проанализировать закономерности правового регулирования создания и Союзного государства, и Таможенного союза.

Теоретики права знают, что нормативные тексты делятся на право и не право. То, что не регулирует общественные отношения и остается на бумаге, не является правом. Принцип этот в романо-германской правовой семье известен со времен Древнего Рима.

Почему это происходит?

В рамках романо-германской правовой семьи, где доминирует Его Величество нормативный правовой акт, выработаны определенные принципы нормотворчества, нарушение которых может привести к феномену недействия права, то есть существованию его только на бумаге.

Вот некоторые из них:

- право регулирует общественные отношения, а не создает их;
- правотворчество - следствие процесса формирования права, то есть объективного «вызревания» отношений, не присущих обществу ранее;
- нормативное решение, не совпадающее с конфигурацией социальных потребностей, обречено на «недействие»;
- эффективность законодательства зависит от соблюдения принципов иерархичности;
- общая направленность регулирования зависит от ресурса государства или уровня стабильности.

Принципы тесно связаны между собой. Несоблюдение их приводит к эффекту «недействия» или частичного действия права, о котором говорилось выше. Однако в практическом нормотворчестве на это мало кто обращает внимание. Одной из причин этого является то, что после социальных реформирований (революций, перестроек, реформ) к власти приходят новые элитные слои общества. Приходят, с одной стороны, на волне новых социальных потребностей и ожиданий, но, с другой стороны, полагая, что их выход на первые роли в государстве - следствие субъективных причин.

Если мы совместим форму с содержанием, то увидим еще более интересные вещи: элиты, опасаясь потерять то, что они получили, в той или иной ее степени препятствуют интеграции. Но социум стремится к ней, поскольку он более защищен в крупном цивилизационном образовании и интуитивно чувствует это. Дабы успокоить его, элиты начинают процедуру правового регулирования интеграции, то есть принимают ряд нормативных актов, но делают это в такой форме, которая не позволит достигнуть целей, прописанных в указанных актах.

Основная ущербность данной направленности нормативного регулирования - отсутствие конкретности и выбора тех направлений интеграции, в которых заинтересован социум.

Никакая принудительная сила государства не сможет заставить выполнять

принятые правовые предписания, если в них кровно не заинтересованы те слои социума, которые должны их выполнять.

Снять данное противоречие можно, связав интересы законодателя с интересами исполнителей данных норм. Это с содержательной стороны, а со стороны формальной - для введения каждого нормативного акта, в определенной степени меняющего статус граждан, необходима широкая идеологическая подготовка.

ВЛАДИМИР КАЗАРИН
Заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Таврического национального университета, доктор филологических наук

ПОЧЕМУ МЫ НЕ ОТМЕЧАЕМ 1150-ЛЕТИЕ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ?

В сентябрьские дни 2011 года православная церковь начала широко отмечать 1150 лет обретения мощей священномученика Климента, четвертого Папы Римского, рукоположенного самим святым апостолом Петром.

Сосланный в Херсонес римским императором Траяном, он принял там мученическую смерть за христианскую веру от рук язычников. Естественно, Севастополь стал центром юбилейных мероприятий. 14 сентября в Херсонесском заповеднике открылась Международная церковно-научная конференция, посвященная этой дате. 15 сентября верующие во главе с митрополитом Лазарем прошли крестным ходом от Херсонеса до островка Святого Климента в Казачьей бухте.

Священномученика Климента одинаково почитают в Риме и в Москве (раз-

деление церквей, как известно, произошло только в 1054 г.), поэтому в крестном ходе приняли участие и православные, и католики.

Перед нами новый пример того, как православная церковь чтит свою историю и скрупулезно отмечает юбилеи памятных дат. Честь ей и хвала за это!

Но сейчас речь не о ней. Речь о нас - светских гуманитариях современной России, современной Украины и современной Белоруссии. Словом, о всех хранителях исторической памяти, о всех людях письменной культуры.

Что с нами происходит? Почему мы со стороны наблюдаем за юбилейными церковными торжествами, не вспоминая о другой, не менее значительной дате, заботу о которой должны проявлять мы сами и никто другой?

Как известно, обретение мощей Климента Римского имело место в 861 году. Произошло это в окрестностях Херсонеса (конкретное место - вопрос исторической полемики). Их обрели первоучители славянские - святые равноапостольные Кирилл и Мефодий (в другом варианте - только Кирилл, в миру Константин-Философ), которые оказались в Херсонесе по пути в Хазарию, где они должны были вести полемику с иудеями и мусульманами по вопросам веры.

Может быть, мы захотим вспомнить, чем еще было ознаменовано их достаточно долгое пребывание в византийском Херсонесе? Мы должны это сделать, чтобы еще и еще раз осознать, что главные подвиги были совершены солунскими братьями на крымской земле как раз на ниве слова и письма.

«Житие» повествует, что Константин, готовясь к богословским диспутам в Хазарии, «научился здесь (в Херсонесе) еврейской речи и письму, переведев восемь частей грамматики, и воспринял от этого еще большее знание». Позднее Кирилл будет успешно пользоваться свободным владением еврейского языка во время диспутов с иудеями при дворе кагана.

Мало того, получив от «некоего самаритянина» Пятикнижие (Моисеев Закон), «Философ затворился в доме и отдался молитве, и, восприняв знание от Бога, начал читать эти книги без ошибок», вызвав изумление их владельца и побудив его и его сына к крещению. Свободное владение Пятикнижием в оригинале тоже поможет Философу в предстоящих спорах одолеть его оппонентов.

И вот, наконец, самое главное свидетельство «Жития Константина» для всех гуманитариев славянского мира: «Нашел же здесь Евангелие и Псалтирь, написанные русскими письменами, и человека нашел, говорящего на том языке, и беседовал с ним, и понял смысл этой речи, и, сравнив ее со своим языком, различил буквы гласные и согласные, и, творя молитву Богу, вскоре начал читать и излагать их, и многие удивлялись ему, хваля Бога».

Вот она, читатель, самая большая радость, подаренная нам 1150 лет назад: через Кирилла (Константина-Философа) состоялось сретение - встретились письменность и книжная культура Византии и Древней Руси: Рима Второго (находящегося на вершине своего величия и славы) и Рима Третьего (пока еще только набирающего силы)!

Одновременно, вот она, читатель, самая большая филологическая загадка последнего тысячелетия! О каких книгах, «писанных русскими письменами», говорит «Житие Константина», если славянская азбука наставниками и первоучителями славянского народа еще не создана?

Как известно, они совершат акт ее творения после двукратного пребывания в Херсонесе (по дороге в Хазарию и обратно) в 861 году. В Моравию, куда их направят из Константинополя через два года - в 863 году - в ответ на просьбу Великоморавского князя Ростислава дать его «людям... такого учителя, чтобы нам на языке нашем изложил правую христианскую веру», братья прибывают уже с переведенным на славянский язык Евангелием. Глубочайшего смысла исполнен тот факт, что первыми словами, переведенными Кириллом с греческого на славянский, были те, которые открывают Евангелие от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1,1).

Первоучители совершат свой подвиг создания славянской азбуки, положив тем самым основание современной письменности всех славян мира. Но очень важно осознать, что «Житие Константина» свидетельствует об основании новой письменности именно на прочных фундаментах старой грамоты. Братья осуществили «привой» основанного на тысячелетней культуре христианского знания к крепкому стволу молодой и энергичной славянской культуры. Тем самым они не отсекали новый период от старого. Они их органически сплели.

Свидетельство «Жития Константина» подтверждает простой и совершенно очевидный факт: древние славяне до IX века, несомненно, имели какую-то свою систему письменности, которая до нас не дошла.

Не могли не иметь!

Академик Б.А.Рыбаков справедливо обращал внимание на то, что к IX веку славянские племена, земли, княжения занимали огромные территории, превышавшие земли большинства европейских королевств (!). Это стало результатом, используя терминологию Л.Н.Гумилева, пассионарного толчка, пережитого славянами в V-VI веках. Очень выразительно об этом писал профессор А.Г.Кузьмин: «Тем временем на огромных пространствах от Иллирии до Днепра приходят в движение славянские племена, которые вскоре окажутся у побережий Северного и Балтийского морей, Адриатики, Эгейского моря, заселят Балканы, включая ряд островов Средиземного моря, большими группами проникнут в Малую Азию, ассимилируют многие народы в одних случаях и ассимилируются сами в других». И далее: «Широкий разлив славянской речи в VI веке свидетельствует о многочисленности славянских племен и, следовательно, весьма широкой исконной территории, на которой эти племена разрастались. Архаичный строй славянских языков свидетельствует также о большой их древности. Но в VI веке они явно разрастаются за счет включения в свой состав иных языков, иных народов».

Показательно, что в скандинавских сагах Русь именовалась «страной го-

родов», а города, само собой разумеется, не могут существовать без той или иной формы письменного общения.

Свидетельство «Жития Константина» о книгах, «писанных русскими письменами», вызвало горячие, не стихающие до сих пор научные споры. Высказаны самые разные мнения о том, какие это могли быть письмена: готские, сурские, фрузские, узкие, рунические и всякие другие.

Но еще в XIX веке было высказано и прямое понимание написанного: речь идет о письменах древних русов (восточных славян) - жителей Поднепровья. Именно они достигли к этому времени такого могущества, что 18 июня 860 года Киевский князь Аскольд осадил Константинополь. По свидетельству очевидца событий - Константинопольского Патриарха Фотия, учителя и покровителя Кирилла и Мефодия, город «едва не был поднят на копье». Но осада была снята: русы добились своего - они подписали первый русско-византийский договор, результатом которого, помимо всего прочего, стало первое крещение Византией Руси. Этот акт был финалом долгого процесса приобщения славян Поднепровья к христианству, которое и привело к появлению тех самых книг, принесенных в Херсонес неизвестным нам человеком Кириллу.

Интересное обстоятельство, на которое мы почему-то не обращаем внимания! Кирилл и Мефодий послали распространять письменность именно среди западных славян. Их не отправили с миссией в Киев. В этом не было необходимости, так как в столице Древней Руси протокириллическая письменность, видимо, уже утвердилась.

К сожалению, пишет о письменах древних русов авторитетный современный ученый, не имеется каких-либо следов существования такого письма или упоминания о нем в других источниках.

Привычная ситуация для нашей науки: нам, ученым, зачастую нужны фанатики-любители: Генрих Шлиман или Олжас Сулейменов, чтобы наперекор всем сомнениям сдвинуть с мертвой точки вопросы о местоположении легендарной Трои и загадочном авторе «Слова о полку Игореве».

Во-первых, в известном смысле для нас неважно, каковыми были эти загадочные письмена. В первую очередь для нас важен сам факт, что та или иная система письма у древних славян была. А этот факт засвидетельствован «Житием Константина».

Во-вторых, почему мы говорим, что не сохранилось следов письма древних славян IX века? Они есть, и их много. Это и загадочные знаки на наших древних монетах, застежках и украшениях. Это и непонятные граффити на костях животных и керамике, различных предметах обихода (в частности, на пряслах и камнях) и строительных сооружениях. Наконец, это найденный в 1897 году под Рязанью у села Алканово глиняный сосуд со странными письменами, которые не прочитаны до сих пор. Это также обнаруженный в 1914 году в Киеве фрагмент амфоры с надписью, датируемой VIII-IX столетиями.

А сколько таких сосудов, фрагментов и знаков канули в Лету, не обратив на себя нашего внимания?!

Существование письменности у древних славян, по справедливому мнению киевского историка М.Ю.Брайчевского, доказывают русско-византийские договоры, которые, как известно, писались на двух языках договаривающихся сторон. Договоры также свидетельствуют о наличии у славян к концу 50-х годов IX века развитой деловой письменности - разного рода юридических актов, дипломатической переписки, соответствующим образом оформленных завещаний и т.д.

Справедливо М.Ю.Брайчевский указывает и на свидетельства арабских источников, не только подтверждающих наличие у славян письменности, но даже предпринимающих попытку воспроизвести в тексте чужие для них «письмена» (Ибн-Якуб аль-Недим).

Вместе с тем главный «след» этой письменности - созданная Кириллом и Мефодием азбука, которая представляет собой контаминацию букв греческого алфавита и знаков этой самой, не дошедшей до нас древнейшей славянской письменности. Вот свидетельство черноризца Храбра: «И создал он (Кирилл) для них тридцать письмен и восемь, одни по образцу греческих письмен, другие же в соответствии со славянской речью».

Показательно, что Храбр говорит о том, что Философ не позаимствовал, а создал 38 письмен, из которых, скрупулезно уточняет он далее, 24 подобны (!) греческим письменам, а 14 - славянской речи.

Первоучители совершили творческий акт: они не повторили известные им письмена, а воссоздали их в новой системе. Поэтому 24 их буквы, по заявлению Храбра, не копируют греческие, а всего лишь подобны им. Так же как и русские письмена, увиденные братьями в Херсонесе, не просто скопированы ими, а воссозданы в новом качестве. Они как настоящие ученые-филологи поняли, что славянская азбука из многовекового опыта византийской письменности примет, приносив к особенностям своего языка, а что отвергнет, упорно сохраняя свое первородство.

В этой контаминации - сакральность нашей азбуки, которая доносит до нас знаки письма древнейших славян, преодолевшие для встречи с нами не столетия, а тысячелетия! Со страниц нашей азбуки на нас в упор, не мигая, смотрит сама история наших древних предков.

Всего этого не было, если не удивительная «книжная» встреча, которая произошла в Херсонесе 1150 лет назад. Напомним, что «Житие Константина» создавалось соратниками и учениками Философа. Оно последовательно отражает точку зрения Кирилла на историю создания азбуки. И тот факт, что «Житие» так подробно рассказывает о встрече первоучителя с «русскими письменами», подтверждает исключительную важность этого эпизода для осуществления главного дела всей жизни братьев. Важно отметить, что Кирилл с присущим ему смирением не припи-

сывает себе абсолютного авторства. Он честно рассказывает, что получил подсказку. И получил ее не в Солуни и не в Константинополе, а в Крыму, в Херсонесе.

Братья, конечно же, знали и ранее славянские языки. Об этом свидетельствует, например, «Житие Мефодия». Византийский император Михаил III, отправляя первоучителей в Моравию, говорит: «Вы ведь солуняне, а солуняне все чисто говорят по-славянски».

Говорят-то чисто, но никто из них не умел по-славянски писать. В греческих Фессалониках, родном городе первоучителей, название которого многочисленные жители из числа славян преобразовали в более привычное для себя Солунь, те же самые славяне в книжных потребностях, конечно, пользовались греческим письмом.

Образованная Византия не встречалась до 861 года с письмом русов. Цесарь Михаил III на вопрос Философа, есть ли у моравских славян буквы для их языка, отвечает: «Дед мой, и отец мой, и иные многие искали их и не обрели, как же я могу их обрести?».

Братья «обрели» их в Херсонесе. И они «быстро», как сказано в «Житии Мефодия», создают в Константинополе «письмена» - универсальную славянскую азбуку, идея которой была подсказана им «книжной» встречей в Крыму. Они справедливо решили, что надо не каждому отдельному славянскому наречию создавать азбуку, а дать единую письменность всем славянским народам, преодолевая, в известном смысле, их региональную разобщенность и их многочисленные и неудачные в прошлом попытки решать вопрос церковной письменности каждый по-своему (например, записывать славянскую речь римскими и греческими письменами, использовать буквы других алфавитов).

То, что совершили первоучители славянства, в полном смысле слова является подвигом. Они, добиваясь права славян на письменность, испытывали гигантское сопротивление современного им мира, который пытался утверждать, что знакомиться с божественными текстами можно только на трех священных языках - еврейском, греческом и латыни. Братья доказывали право каждого народа, в том числе и славян, на своем языке проповедовать слово Божье. В «Житии Константина» герой отвечает своим хулителям, устроившим над ним в Венеции судилище: «Не идет ли дождь от Бога равно на всех, не сияет ли для всех солнце, не равно ли все мы вдыхаем воздух? Как же вы не стыдитесь лишь три языка признать, а прочим всем народам и племенам велите быть слепыми и глухими?»

Как известно, после кончины братьев с их учениками расправились очень жестоко. Некоторые из их числа были заключены в тюрьму и подвергнуты пыткам, а потом высланы из Моравии. Другие были проданы в рабство и доставлены на невольничий рынок в Венецию. Посол Византии выкупил их там и отправил в Константинополь, где судьбой изгнанников занялся лично император Василий I. Позднее ученики первоучителей были направлены для проповеди христианства на славянском языке в Болгарию и в сербские земли.

И они, не колеблясь, снова приступили к исполнению своего долга, забыв о тюрьмах и невольничьих рынках!

Благодаря братьям, славянский язык стал четвертым языком, на котором начали вести службы в христианских храмах и писать церковные книги. Хочу обратить внимание, что деятельность Кирилла и Мефодия по созданию славянской письменности была начисто лишена всякого национального эгоизма. Их родному, греческому языку доктрина «трехъязычия» ничем не угрожала. Тем величественнее совершенный ими подвиг - подвиг бескорыстного служения, подвиг братской любви к ближнему, подвиг деятельной защиты мира многоликого, а не уныло-однообразного.

Кирилл и Мефодий объединили своей азбукой разобщенный славянский этнос на века. Он получил духовную скрепу, которая позволила ему остаться самим собой при всех исторических катаклизмах, политических трансформациях и идеологических распрях. Вторичными оказались различия в обычаях и нравах, фенотипах и темпераментах, в говорах и диалектах. Азбука объединила всех!

Великий и странный город Севастополь! Он бережно хранит память о своей военной славе нового времени и до недавнего прошлого был совершенно равнодушен к своей древней истории. Как это ни странно звучит, но в Херсонесе-Севастополе никогда не было ни улицы, ни площади, носящих имя Кирилла и Мефодия, не было памятника, увековечивающего подвиг этих великих людей. В 2008 году по инициативе тогдашнего губернатора Севастополя Сергея Куницына был проведен конкурс среди скульпторов Украины и России, который выиграли харьковские специалисты во главе с замечательным мастером Александром Демченко. Проект памятника прошел все необходимые согласования, и 14 июня того же года, в день 225-летия города Севастополя и 2600-летия Херсонеса Таврического, был торжественно открыт.

Кстати, это уже пятый памятник первоучителям в Украине: один стоит в Киево-Печерской лавре, второй - на Михайловской площади Киева, третий - в Одессе, возле корпуса гуманитарных факультетов университета, четвертый - в Мукачеве. Севастопольский памятник - самый большой из всех установленных в Украине: величина отлитых в бронзе фигур Кирилла и Мефодия составляет около трех метров.

Можно также гордиться тем, что с 2008 года в Севастополе проходят Международные Кирилло-Мефодиевские чтения, которые в этом году отметили свой первый юбилей - пятилетие и собрали около 200 ученых из самых разных регионов и стран, среди них историки и филологи, философы и богословы, писатели и журналисты, политологи и общественные деятели. Но радуясь первому пятилетию чтений в родном для первоучителей Херсонесе, как не вспомнить, что в Болгарии, где Кирилл и Мефодий никогда не были, День славянской письменности и культуры уже более 150 лет является национальным праздником.

Может быть, перечисленные выше начинания приведут к тому, что 1175-летие современной славянской письменности мы отметим более достойно.

ВЛАДИМИР МАМОНТОВ
Президент издательского центра «Известия»

КАКИЕ ГРАНИЦЫ НАМ НЕ НУЖНЫ?

Когда я думал над этой темой, какие границы нам нужны, а какие не нужны, возник совершенно четкий образ. Нужна ли нам - трем государствам, которые вошли в Таможенный союз, приблизившись к интеграции, граница? Конечно же, нужна современная граница.

Границы должны защитить интересы, ресурсы, культуру и общность своих стран всеми доступными силовыми, техническими и иными средствами. В широком плане такие границы и ограничения на проникновения, влияния, дестабилизацию, безусловно, нам не помешают.

Какие границы нам не нужны? Нам не нужны никакие границы, касающиеся экономического развития и торговли. Все, что мешает кооперации, интеграции - можно выбрать любое слово, - нам не нужно. В.Путин на вопрос, какое событие в жизни постсоветского пространства он считает самым главным за последние годы, ни минуты не сомневаясь, назвал Таможенный союз. В этом направлении любое изменение в сторону снятия границ и ограничений очень важно. Следующий шаг - единое экономическое пространство. Кстати, Президент Беларуси А.Лукашенко сказал: «Нужно понимать, что без Таможенного союза не может быть единого экономического пространства, а нас это больше всего интересует!» Слова президента свидетельствуют о зарождении новых процессов.

Кризис подталкивает руководителей к консолидации, какие-то вещи стали лучше понимать благодаря этим кризисным явлениям. Один из моих коллег, белорусский журналист и политолог пишет: «Жалко, что столько времени было пот-

рачено зря. Можно было бы сделать это гораздо быстрее, умнее, талантливее и толковее. Слава богу, что ошибки осознаны, перспективы обозначены и наблюдается практическая работа по реализации конкретных задач четкого плана». Такие вещи, как сотрудничество, таможенные союзы, наша совместная работа, имеют абсолютно физическое выражение. Сергей Глазьев, занимающий пост ответственного секретаря Комиссии Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана, говорит, что ВВП к 2015 году получит прирост в 19%, что составит полтриллиона долларов. По прогнозам, отмена границ приведет к увеличению ВВП в России на 16,8%, в Беларуси - на 16,1%, в Казахстане - на 14,7%; суммарное увеличение составит от 15 до 20%. Украина «гуляет»: она продолжает терять, продолжает лавировать, продолжает размышлять, куда бы ей приткнуться.

Конечно, нам не нужны никакие границы для того, чтобы друг к другу ездить, для общения, для обмена культурой.

ЕВГЕНИЙ КОЖОКИН
Ректор Академии труда и социальных отношений,
доктор исторических наук

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ, РОССИЯ, СНГ: ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Европейский союз для России - одновременно конкурент и партнер. Предлагаю рассмотреть, в чем заключается смысл и перспектива борьбы ЕС за человеческие ресурсы, можно ли отношения на рынке труда между Россией и Евросоюзом сделать не только конкурентными, но и партнерскими.

Население Европы стареет, при этом в некоторых странах оно к тому же сокращается, иначе говоря, для Евросоюза характерен на данный момент затухающий прирост населения. В 27 государствах Евросоюза в 2009 году по сравнению с 2008 годом немного уменьшилась рождаемость, смертность осталась на прежнем уровне. Если и есть рост населения Европейского союза, то он очень небольшой.

В России удельный вес населения в возрасте 60 лет и более составляет 17% от общей численности населения страны, в Европе он превышает 20%: в Австрии, Испании, Франции - 22%, в Швеции - 24%, в Германии - 25%. В большинстве стран ЕС - тенденции к увеличению процента пожилых людей в составе населения. На конец 2008 года в России данный показатель был равен 17%.

Продолжительность жизни в странах Европейского союза, и прежде всего в странах Западной Европы, увеличивается. Лидирует Германия, но тенденция идентична по всем 12 обследованным странам и по ЕС в целом. Притом если брать другие источники, то прогнозы приблизительно такие же.

Получается такая ситуация: молодежи и, соответственно, трудоспособных людей становится все меньше, пожилых людей становится все больше, нагрузка на пенсионную систему в перспективе все больше будет увеличиваться, и это создаст серьезные финансовые проблемы.

Как следствие этого, на высокие темпы экономического роста в ЕС рассчитывать не приходится, несмотря на то что производительность труда будет расти. Внедрение новых технологий позволит наращивать производство и объем предоставляемых услуг. Но снижение числа работающих будет подрывать сами основы экономического роста. Предполагается, что под влиянием груза демографических проблем темпы экономического роста начнут снижаться уже через десятилетие. Если до 2020 года они прогнозируются в среднем несколько выше 2%, то в последующие десятилетия они, скорее всего, не смогут подняться столь высоко. И шаг за шагом будут падать ниже критической отметки в 2% прироста ВВП в год.

Как страны Европейского союза думают выходить из этой проблемной ситуации, которая с годами будет нарастать и нарастать? Рецепты борьбы с угрозой старения разработаны и большей частью уже предписаны. К таким мерам относятся: продление, юридическое и профессиональное, активной фазы жизни, которое включает в себя реформу пенсионного обеспечения, разные формы привлечения пожилых людей к общественному труду, их переобучение, вплоть до создания университетов третьего поколения.

Иного плана ответ на демографический вызов - это приезд мигрантов. С одной стороны, приезд мигрантов - это решение проблем. Притом решение традиционное для ряда стран Западной Европы. В XIX веке трудовыми мигрантами, к примеру во Франции, были в основном немцы, затем поляки,

отчасти, кстати говоря, русские в конце XIX - начале XX века, позднее мигранты были в основном из Италии, Испании, Португалии - все волны этих мигрантов вполне успешно интегрировались во французское общество. Множество граждан Франции имеют итальянские, португальские, польские фамилии, при этом у них самосознание французов, они абсолютно интегрированы во французское общество и, собственно, ничем не отличаются от французов, разве что у них есть воспоминания, что когда-то их бабушки или дедушки жили в Польше, Италии или Португалии. Последние волны мигрантов - это люди в основном из стран Ближнего Востока и Магриба. Интеграция этих людей в западное общество происходит с огромным трудом, а значительная часть таких мигрантов вообще не интегрируется. Турки и арабы, даже родившиеся и выросшие в Европе, подчас плохо знают язык страны пребывания. Арабы и турки в Европе живут общинами, сохраняют свою религию и нередко презирают граждан страны, их принявшей.

Все это приводит к тому, что мигранты, с одной стороны, помогают решить проблему дефицита рабочих рук, а с другой стороны, создают напряженность в обществе, и иногда эта напряженность выливается в массовые беспорядки. Несколько лет назад волнения прокатились практически по всей Франции, затронули Бельгию и некоторые города Германии и Голландии. Значительная часть (если не сказать большая) мигрантов, приезжающих из стран Ближнего Востока и Магриба, ни с гражданской, ни с социокультурной точек зрения не превращаются в европейцев.

Но помимо мигрантов из стран Ближнего Востока и Магриба есть и другие миграционные волны в Европу, о которых мало что говорится.

Согласно данным МВД, в 1987 году за границу из СССР эмигрировали 39,1 тыс. человек против 6,1 тысячи в 1985 году. В 1989 году число эмигрантов увеличилось до 235 тысяч, в том числе 47,5 тыс. человек (20,2%) выехали из России. В 1990 году, когда этническая эмиграция немцев, евреев и греков была разрешена официально, эмиграция из России удвоилась.

Введение в действие закона о свободе въезда и выезда с 1 января 1993 года открыло двери и для остальных россиян, на 1993 год пришелся максимум эмиграции - 113,9 тыс. человек. После 1995 года эмиграция стала плавно снижаться, но в 1999 году под воздействием финансового кризиса произошел ее новый всплеск. Затем нисходящий тренд восстановился. В 2002 году эмиграция упала до 67 тыс. человек. В 2003 и 2004 годах снижение эмиграции за рубежи бывшего СССР продолжалось. По данным Госкомстата, в 2004 году она была на 20% меньше уровня 2002 года.

За 1989-2004 годы, по учетным данным, из России за рубежи бывшего СССР выехало 1,3 млн. человек. Разумеется, де-факто эмиграция была гораздо больше, возможно, даже в два раза больше, считает известный российский демограф Ж.Зайончковская.

Большую часть эмигрантов из России приняла Германия - 760 тыс. человек (58%), четверть потока - 324 тыс. человек - принял Израиль, 11%, или 145 тыс. человек, - США. Во все другие страны выехало лишь 80 тыс. человек (6%).

Среди них есть те, кто приезжает, работает, получает гражданство. Трудовая миграция из стран СНГ в ЕС имеет существенные отличия. Из Украины, Молдовы в основном в Европу едут неквалифицированные люди или люди, имевшие, но в силу экономических обстоятельств потерявшие квалификацию. Они едут работать на стройках, сельскохозяйственных фермах. Сейчас в Португалии, Италии уже имеются значительные общины украинцев и молдаван.

Из России большей частью уезжала интеллигенция. Уезжали ученые, инженеры, программисты, врачи. Уезжали молодые люди на учебу, но, отучившись, не возвращались. С чем это связано? С отсутствием патриотизма? Очень часто нет. Дело в том, что в отличие от экономистов, социологов, лингвистов, для которых не требуется лабораторий, для биологов, химиков, физиков часто возникает жесткая дилемма: или ты работаешь в лаборатории с современным оборудованием, и тогда ты состоишься как ученый, или ты работаешь в лаборатории с отсталым оборудованием, и, даже если ты потенциально гениальный химик или биолог, ты никогда не состоишься как ученый мирового класса. И эта дилемма, с которой, к сожалению, сталкиваются наши молодые химики, биологи, физики, работает на руку в том числе и Германии.

Отметим, что большая российская община, живущая в Германии, не создает сколь-либо существенных проблем для местной полиции, это община вполне интегрированная. Там есть проблемы не у берлинской полиции, не у немцев, живущих вместе с русскими, евреями, выехавшими из России, а у тех, кто выехал: они сталкиваются с некоторым психологическим дискомфортом, подчас выходцам из России очень умело притормаживают их карьерный рост. Притом иногда с этим сталкиваются даже немцы, выехавшие из стран СНГ.

В Болгарии россияне среди иностранцев находятся на первом месте (на втором месте Украина). В Чехии на первом месте среди иностранцев - Украина. Латвия - это особый случай, потому что категория лиц без гражданства - это не мигранты, а люди, которые просто жили в Латвии, не латыши, они никуда не мигрировали, просто жили в своих домах, работали, но, когда изменилось законодательство о гражданстве, они не получили гражданство и оказались в категории лиц без гражданства. Часть из них взяли российское гражданство, поэтому в Латвии на первом месте среди якобы иностранцев лица без гражданства, а на втором месте - россияне (и это не приехавшие в Латвию, а жившие в Латвии, просто принявшие российское гражданство). Даже в такой специфической с точки зрения отношений с Россией стране, как Польша, на втором месте после Германии оказалась Украина, а на третьем - Россия. В Португалии - значительное количество украинцев. Румыния

прилагает усилия к тому, чтобы в перспективе Молдову интегрировать в том или ином виде, поэтому ведется политика и по привлечению большого количества студентов из Молдовы, и облегчению получения румынского гражданства для граждан Молдовы.

Выходцы из стран СНГ занимают все более заметное место с демографической точки зрения, но с точки зрения экономического, профессионального присутствия в ЕС - это еще более заметный фактор.

Многие уезжают в страны ЕС на учебу. Германия проводит постоянную работу по привлечению студентов. Притом прилагаются усилия по привлечению лучших студентов с учетом того, что значительный процент из тех, кто учится в Германии, там же и останется на работу. Но не только наши учащиеся серьезно представлены. Шестое место по численности обучающихся в Германии удерживает Украина. У Украины в этом плане абсолютно такие же проблемы с точки зрения «утечки мозгов», как и у России, Украина теряет не только трудовые ресурсы, но и интеллектуальные.

Обращает на себя внимание тот факт, что в Россию на учебу или стажировку стремятся уехать в большей степени лица, имеющие начальное образование, в то время как в страны ЕС в большей степени стремятся лица, имеющие среднее и высшее образование.

Мигранты, приезжающие в страны ЕС из России и других стран СНГ, - это в основном молодые люди. Тем самым мы, сами страдая от нехватки молодых, из года в год помогаем ЕС решать одну из сложнейших проблем. Более того, как показывает исследование, проведенное агентством «Gallup», Россия и ЕС постепенно становятся конкурентами в борьбе за трудовые ресурсы из стран СНГ.

На протяжении 1990-х и 2000-х годов миграционный вектор имел следующую направленность: из России уезжали в Германию, Израиль, США русские, евреи, немцы, украинцы, белорусы, греки, а к нам приезжали из стран прежде всего Центральной Азии и Южного Кавказа, а также из Молдовы, Украины и Китая. Сейчас уменьшается поток выходцев из стран Южного Кавказа, Украины и Молдовы. Но опросы «Gallup» выявили, что и в странах Центральной Азии привлекательность приезда в Россию начинает постепенно падать. Это связано в том числе и с тем, что в Европе и США появились общины центральноазиатских народов. Община является организующей ячейкой, притягивающей к себе соплеменников и помогающей им обустроиться в чужой среде. При этом год от года усиливается борьба за идейное влияние на население Центральной Азии, с одной стороны, салафитов и представителей «Хизб-ут-Тахрир», с другой - носителей либеральной идеологии, организационно и финансово чаще всего связанных с различными государственными и негосударственными структурами США и стран ЕС. Россия на данный момент не имеет сформулированного идеологического проекта, интересного и привлекательного для выходцев из Центральной Азии. Это осложняет для нее борьбу

за образованных людей из этого региона. В то же время вопрос человеческих ресурсов является ключевым с точки зрения будущего любой страны.

Сейчас в нашей стране исключительно много говорится о необходимости модернизации, инновациях, но кто будет осуществлять модернизацию? Кто будет реализовывать инновации? Инновация превращается в реальность в результате выстраивания исключительно сложной интеграции между научной теоретической и прикладной, производством и рынком. То есть должны быть исследователи, которые видят, как эти теоретические разработки можно использовать в практическом значении для производства каких-то новых продуктов. И, наконец, люди, которые увидят, как этот новый продукт можно реализовать на рынке. Цепочка на самом деле очень специфическая, и для реализации этой цепочки требуется главное условие: наличие хорошо образованных, ориентированных на творчество людей. И, конечно, нужны нормальные условия для работы, для того чтобы талантливые люди не уезжали в ту же Германию, а оставались в России.

АЛЕКСАНДР МОИСЕЕВ
 Политический аналитик
 по проблемам Иbero-Америки

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В ИСПАНИИ И ПОРТУГАЛИИ, ОПЫТ ЕВРОПЫ ДЛЯ РОССИИ, УКРАИНЫ, БЕЛОРУССИИ

Миллионы людей в мире ежегодно пересекают границы в поисках лучшей, более комфортной жизни. Одни это делают демократично и законно. Другие - нелегально, обогащая мафию по торговле людьми. Весьма приблизительные

данные ООН свидетельствуют: только за последние 20 лет число стран, охваченных процессом миграции, увеличилось более чем вдвое, а общая численность переселенцев в мире превысила 200 миллионов (Латинская Америка. 2008. №12. С. 58). Международная организация по миграции (МОМ) считает процесс межгосударственного переселения «одной из определяющих глобальных проблем начала XXI века».

На нашей конференции речь идет об интеграционных процессах в трех братских странах - России, Белоруссии и Украине. Хотел бы остановиться главным образом на миграционном опыте Испании и Португалии, который мог бы стать полезным для взаимодействия наших славянских государств.

Почему «для сравнения» мы выбрали Испанию и Португалию? Да потому, что с Испанией и Португалией у нас много схожего. Эти две страны Пиренейского полуострова (были времена, когда они составляли и единое государство) служили географическим и христианским форпостом между Европой и Африкой. Россия же была и остается мощным звеном, соединяющим Европу с Азией.

Более крупная Испания для нас может быть даже более интересна, чем Португалия, насчитывающая сегодня примерно 10 млн. жителей, столько же, сколько в России, по некоторым данным, иммигрантов. Правда, в той же Португалии до недавнего времени трудились до 600 тыс. украинских трудовых мигрантов. Но гораздо больше их в России - от 700 тысяч до 1 миллиона. Россия принимает трудовых мигрантов и из союзной Белоруссии. Причем цифры не менее лукавые - от 300 тысяч до 1 миллиона. Но основная масса иммигрантов в России, в том числе нелегальных, - выходцы из бывших советских республик Средней Азии, преимущественно узбеки, таджики, киргизы, а также из кавказских - Азербайджана и Армении.

О Португалии можно сказать отдельно: власти в Лиссабоне быстрее поняли, что носители «чуждой» местным гражданам-католикам мусульманской культуры со временем, накопив большую массу, могут представить реальную угрозу для идентичности небольшого по численности социума небольшого пиренейского государства. И руководство республики приняло мудрое решение: принимать на работу трудовых мигрантов преимущественно из стран Восточной Европы, более близких португальцам по религии, ментальности и континентальному духу. Иначе говоря - молдаван, румын, украинцев, русских и т.д.

По-своему поступили испанцы. Так, в беседе со мной официальный хроникер Мадрида публицист Педро Монтолью уверенно утверждал, что Мадрид готов принять у себя столько иммигрантов, сколько приедет. Прошло несколько лет. Приехало слишком много. И ассимилироваться в испанское общество, впитав его культуру, в современной обстановке арабские мусульмане из Марокко или Туниса уже никак не желают. Мадрид населяют примерно 11% мигрантов, многие из которых исповедуют ислам. Специалисты по миграционным проблемам считают, что масса приезжих, превышающая 10% коренного населения, уже может представлять угрозу безопасности принимающей

страны. В Испании уже есть регионы, которые населены 12% «чужаков». И там уже ощущается определенная социальная напряженность.

Испания в течение нескольких столетий считалась страной эмиграции. Однако за сравнительно короткий промежуток времени превратилась в страну иммиграции.

С 1975 года число эмигрантов начинает снижаться. Продолжался стремительный закат эпохи франкизма. В 2001 году, например, домой возвратилось около 50 тыс. испанцев. О динамике экономического роста страны и улучшении качества жизни в Испании свидетельствуют цифры, взятые мной из мадридских «ежегодников миграций»: если в 1970 году вне Испании проживало 2 млн. 200 тыс. испанцев, то в 2001 году - уже только 1,413,353.

Бурный строительный бум и модернизация аграрного сектора на Иберийском полуострове потребовали сотни тысяч новых молодых и сильных рабочих рук. И страны смело открылись для притока мигрантов, заботясь исключительно о выгодах текущего дня и не очень задумываясь о последствиях. Мадридский Национальный институт статистики предупреждает: к 2020 году число иммигрантов в Испании превысит 15 млн. жителей страны, став третьей частью всего ее населения. Если учесть, что чужестранцы расселены по территории неравномерно, а в некоторых регионах составят половину или даже более числа коренных граждан, нетрудно себе представить, какую борьбу пришельцы развернут за свои политические и экономические права и как далеко может зайти их давление на власть и коренное население.

Испания в течение десяти лет XXI века оказалась среди европейских лидеров по приему иммигрантов. Теория мультикультурализма, то есть толерантного смешения носителей разных культур в одном государстве при преобладании коренной, овладела в Испании умами местной интеллектуальной элиты так же, как и в других развитых странах Евросоюза. В 2000 году Испания продемонстрировала самый высокие в мире среднегодовые темпы роста иммиграции - в 3,5 раза выше, чем в США - мировом лидере в этом процессе, и в 8 раз выше, чем во Франции. С началом нового века в страну въезжало около 600 тыс. «искателей лучшей доли» в год. Например, в 2003 году в стране было уже 800 тыс. иммигрантов, и к 2008 году иберийское королевство имело уже 10% «пришлого» активного населения, которое нужно было интегрировать в свою национальную культуру и исторически сложившееся ментальное пространство.

Разумеется, миграция имеет свои плюсы и минусы. И если плюсы приносят в основном экономический эффект частному бизнесу и определенным группам чиновников и правоохранительных органов, а в теоретически-арифметическом плане отчасти формально решают демографическую проблему страны, то ее минусы ощущают на себе миллионы коренных жителей Испании,

далекие от псевдонаучных рассуждений о глобализации и мультикультурализме, вынужденные жить бок о бок с возрастающей массой чужестранцев, не желающих или не умеющих уважать «устав чужого монастыря». И вот тогда начинается конфликт цивилизаций. И выясняется, что мультикультурализм, толерантность и политкорректность имеют свои границы.

При усугублении перечисленных проблем возникает реальная угроза национальной безопасности. Неслучайно даже во властных структурах Мадрида порой раздаются голоса с обвинениями пришельцев в том, что они, мол, «больше получают от Испании, чем отдают», да к тому же сознательно не желают интегрироваться в испанский социум, отказываются следовать уставу «приютившего их монастыря».

Глобальный финансово-экономический кризис и в Испании, и в Португалии создал новую ситуацию. Коренные жители, ощутив на себе спад производства и безработицу, вновь потянулись в более благополучные страны еврозоны. А наводнившие Иберийский полуостров иммигранты стали паковать чемоданы и возвращаться на родину. Социальная напряженность нарастает. Безработица в Испании достигла 6 млн. человек, или более 22% трудоспособного населения (вместо теоретически допускаемых Евросоюзом 10%).

Очевидно, что в современном мире складывается ситуация, требующая смены цивилизационной парадигмы, изменения подходов к миграционной проблематике. В связи с этим следует подумать и о новых моделях поведения, адекватных рискам, угрозам и возможным изменениям «демографической физиономии» Испании и Португалии, а также и всей Европы, включая Россию, Белоруссию и Украину. Мы уже сегодня ощущаем эти вызовы, которые несут с собой риски национально-этнического изменения многих стран, разрушения или размывания их коренных культур и замены привычных устоев на привнесенные из другой цивилизации, более пассионарные и радикальные. Первые признаки осознания опасности в бесконтрольной и плохо управляемой миграции, в слепой надежде на ее дружелюбное содержание проявились после первых же бунтарских попыток иммигрантов заявить о своих «правах» на часть принявшей их территории. И это понимание диктует ужесточение регулирования потоков трудовых мигрантов с более трезвым анализом ситуации и с учетом всех возможных последствий.

Ряд мер уже приняты или принимаются испанскими и португальскими властями, руководящими органами Европейского союза. Среди них: регулирование и управление миграционными потоками, оценка и глубокий анализ глобальных последствий предпринимаемых действий; изменение отношений к будущему и осознание угрозы саморазрушения общества при неправильном подходе к миграционной политике; изменение стратегии и тактики в борьбе с нелегальной иммиграцией, перенос центра тяжести этой борьбы в страны-доноры, в истоки миграции; изменение основной модели образовательного процесса,

адаптация его к многонациональному социуму, но с преобладанием коренного, национального как общегосударственного стержня; преобразование требований к квалификации и образованию, необходимость непрерывного обучения как для «своих», так и для «пришлых»; появление новых сообществ, развитие процесса электронного сетевого образования в глобальных масштабах и др.

Что касается наших трех славянских республик, сотни лет живших в одной большой империи, то, исходя из опыта Испании и Португалии, следует сделать более конкретные выводы:

1) планы реинтеграции наших стран требуют разработки и принятия реальной программы преференциальной миграционной политики, общей для строгого исполнения на территориях России, Украины и Белоруссии;

2) главной целью приглашения трудовых мигрантов из славянских республик должны стать не количественные показатели, а качественные. Принимать следует только профессионально подготовленных специалистов;

3) при приеме на работу предпочтение необходимо отдавать национальным кадрам, а потом уже прибывшим из братских славянских стран;

4) во всех трех странах целесообразно усилить подготовку трудовых резервов по всем профессиям, в которых испытывается дефицит, организовав при этом обмен профессиональным опытом и высококвалифицированными кадрами;

5) обеспечить законодательную базу и финансирование совместных проектов по регулированию миграционных процессов между Россией, Украиной, Белоруссией. Трудовая интеграция должна стать эффективным проектом нашего славянского содружества;

6) усилить совместную юридическую и силовую защиту мигрантов из России, Украины, Белоруссии в «славянском трудовом пуле» во взаимных интересах каждой из стран. Активизировать борьбу с миграционными криминальными группировками, торгующими рабочей силой из стран Азии и Африки;

7) принять комплекс мер по реанимации национальных трудовых ресурсов в каждой из наших трех стран и в «содружестве славянских государств в целом».

АРМЕН ОГАНЕСЯН: Хотел бы вернуться к докладу В.Соколенко, который говорил о цивилизации наших трех стран как восточно-православной цивилизации, то есть наследницы Византии. Соловьев писал, что народ - это не то, что он думает о себе в современности, это то, что думает о нем Бог в вечности. Можно согласиться с мнением, что Россия, Белоруссия и Украина - это основа православной цивилизации. Не будем это забывать. И латинство, и протестантизм наложили на западноевропейский менталитет такой отпечаток, который нас очень во многом отдалил от православного мироощущения и мировоззрения.

Интересно, что, формулируя Лиссабонский договор, европейцы отказа-

лись вписать туда, что Европа является наследницей христианских ценностей. И советы ни Папы Римского, ни патриарха Алексия II приняты не были.

В книге С.Лаврова проскальзывает правильная с исторической точки зрения мысль, что западноевропейские революции разрушили основы европейских ценностей. Понадобились потом абстрактные, вырванные из контекста традиционных ценностей ценности сами по себе хорошие - демократия, свобода, равенство, но вырванные из контекста, они стали еретическими по отношению к богатству ценностей, которые были у России, когда Россия во времена классического периода своего развития забыла о названии - до периода классической Европы начала XVII века она называла себя христианским миром. Потом только она стала называть себя Европой. Так что если и можно было похитить Европу, то только начиная после XVIII века. А потом получилось, к сожалению, удаление от традиций. И у Лаврова проводится интересная мысль, что, дорогие западные христиане, не найдете вы языка общего с цивилизациями, пока не вернетесь к своим корням и не научитесь эти ценности уважать. Потому что неуважающий свои коренные ценности, никогда не будет уважать коренные ценности других цивилизаций, согласен он с ними или нет.

Вернемся к идее острова. По сути дела, предлагается почти китайская схема - опора на собственные силы. И должен согласиться, что некоторый слой российской элиты, в основном с Петра I, был ориентирован на Запад, это не была пятая колонна. Это была элита, которая видела развитие России, ее будущее в сближении с Западом.

Разные предлагались схемы: «возьмем техническое - отвергнем духовное», «возьмем внешние признаки цивилизации, отвергнем то, что может подорвать нашу цивилизацию в плане духовном», это была иллюзорная надежда конечно. И она привела ко многим ошибкам. Мы часто попадали в ловушки, когда нас провоцировали на поход на Запад, это действительно так было, Цимбурский совершенно прав. Могу привести пример из недавней современной истории: Столыпин Извольского, извините, за фалды держал, когда тот рвался в Сербию в 1905 году. Совершенно самоубийственно.

С другой стороны, позиция Столыпина - никакой аффектации на внешнем поле, не подтвержденной силой внутренней политики и внутренних ресурсов. Не вмешиваемся никуда. Это была совершенно правильная позиция: не провоцируем Запад. Горчаков тоже был против Балканских войн. Наш канцлер был категорически против освободительного похода на Балканы и даже уговорил большую часть российской элиты. Но тут всколыхнулся народ, то есть православная масса, с сознанием того, что можно все отдавать, но нельзя отдавать православную цивилизацию балканских народов и братьев-славян православных. Россия восстала, вышла из границ «острова». Правильно, мы не говорим о чистой геополитике, предавать свою цивилизацию нельзя, иначе это уже будет не «остров» цивилизации, а бункер какой-то.

ВЛАДИСЛАВ ГУЛЕВИЧ
 Эксперт украинского отделения ИА РЕГNUM

МЕНТАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ УКРАИНО-РОССИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Некоторые мои тезисы пересекаются с тем, что было озвучено, поэтому - строго по делу. Что касается интеграции, то бросается в глаза отсутствие единого философского дискурса, в рамках которого бы осмысливалась насущность такой интеграции.

Несмотря на многократные заявления руководства обеих стран, интеграционные процессы идут не так быстро, как хотелось бы, что сказывается на системе евразийской безопасности в целом, с учетом того, что Украина - ее ключевое звено.

Часто упускается из виду, что интеграционная идея вынужденно оппонирует идеологически мощной концепции глобализации, которая в современном мире по умолчанию принимается за моральный императив. Официальный Киев декларирует стремление интегрироваться в ЕС, то есть играет по правилам западнцентричной модели мироустройства.

Влияние западнцентричного мировоззрения на верхи украинской власти в разы превышает интеллектуальное воздействие со стороны России. Преобладание глобалистского дискурса в экспертной среде есть знак-выражение осмысленного отсутствия России в регионе. Понятие глобализации семантически нагружено противоположным, не российским, смыслом.

Емкой альтернативы евроинтеграционным устремлениям Киева Москва долгое время предложить не могла. Теперь может: практическое измерение

интеграционной идеи постсоветского пространства проявилось в недавних высказываниях Владимира Путина о Евразийском союзе. Дело теперь за полнокровной и философски осмысленной цивилизационной концепцией единения постсоветских республик в геополитический механизм с согласованными функциями. Этот вопрос еще требует концептуальной огранки с опорой на ряд критических позиций.

Концепция государства-нации незаслуженно воспринимается как общепризнанная ценность. В интеллектуальный дискурс на постсоветском пространстве необходимо ввести критические замечания в адрес концепции национальных государств, сосредоточившись на их главнейших недостатках:

- этнической политике «плавильного котла», разрушающей этнокультурное многообразие населения;
- мифе о гарантированном суверенитете государства-нации в эпоху существования современных империй (ЕС и США).

Все соседи России, в том числе Украина, - национальные государства. Русское культурное пространство не совпадает с границами России как национального государства. Россия окружена государствами-нациями, но сама таковой не является. Элиты государств-наций, стремясь сохранить личный суверенитет, подвергают интеграционные моменты резкой обструкции, противопоставляя идее интеграции идею национальных государств. Стремление Киева сконструировать в географических рамках Украины украинскую нацию как политический концепт соответствует динамике развития государства-нации.

Государства-нации - «горючее» для глобализационных процессов, в том числе регионального масштаба. Глобализация продвигается за счет поглощения национальных государств как политико-административных единиц, делая понятие национального суверенитета оксюмороном.

На Украине практически отсутствует пропаганда идеи здоровой интеграции. Работы, которая ведется в этом направлении пророссийскими организациями, недостаточно, пророссийские сетевые и печатные издания борются с финансовыми проблемами. Ментальный ландшафт формируют другие смыслы, идеи российско-украинского единения среди которых нет. Когнитивное политическое поле Украины условно можно разделить на несколько частей, соответствующих географическим регионам республики.

Выполнять роль «сшивающего» политико-географическое пространство Украины фактора может введение в историко-политический дискурс элементов интеллектуального наследия карпаторусского движения, пользовавшегося значительной популярностью на Западной Украине в XVIII-XIX веках. Этот существенный идеологический ресурс остается незамеченным, хотя его актуальность не вызывает сомнений, наиболее яркие представители этого течения трудились вплоть до середины XX века. В современной Украине на историко-духовное наследие галицких русофилов наложен негласный запрет.

Карпаторусское движение представляет собой локальное ответвление славянофильского течения с охватом всей Западной Украины (Галиции, Буковины, Закарпатья), а число его выдающихся последователей составляет несколько десятков. Почти каждый из них оставил труды по языкознанию, истории, фольклористике, богословию, национальной философии. Программа школьного и вузовского гуманитарного образования построена на концепции украинства, которая имеет региональную специфику, и не способствует зарождению ярких ментальных интеграционных символов. Прямая темпоральности украинского конструкта уходит в бесконечность (так как теоретически может продолжаться бесконечно долго), в то время как прямая темпоральности сохранения русского самосознания населения Украины имеет четкие пределы и, несмотря на «островки сопротивления», с годами все меньшее число граждан Украины будет помнить о своих исторических корнях.

Созрела необходимость в обеспечении украинскому студенчеству доступа к историческим фактам о деятельности карпаторусских будителей в создании научно-просветительских проектов, популяризирующих интеллектуальное наследие галицко-русского движения, проведении симпозиумов, «круглых столов» и ознакомительных конференций, рассчитанных на самый широкий круг лиц. Не будет лишним запуск информационных порталов, посвященных истории карпаторусского течения и его отдельных, наиболее ярких представителей. Некоторые информресурсы должны быть украиноязычными, рассчитанными на западноукраинскую аудиторию, ведь процент русского населения в регионе не так уж мал, как принято думать (только в одной Львовской области проживает 92 тыс. русских). Закарпатские русины - наиболее выпуклый пример современной пульсирующей карпаторусской жизни.

Отдельной строкой хотелось бы коснуться Крыма, где происходят два разнонаправленных процесса - радение за Россию и обособленность крымско-татарского этнического элемента, а также наблюдается повышение градуса межэтнической конфликтности. К тому же Крым - ментально-стратегический контрбаланс, уравнивающий украинское политическое поле, на противоположном конце которого находится Западная Украина с ее национал-партикуляристской идеологией. Ось Львов - Севастополь представляет внутриукраинский механизм балансирования между двумя разнонаправленными векторами внешнеполитических предпочтений официального Киева.

Крымско-татарский меджлис оперирует как параллельный региональный орган власти, дублируя функции центральных властей и имея собственные внешнеполитические каналы связи со своими зарубежными партнерами, могущими непосредственно влиять на позицию Киева. Силowymi центрами политического притяжения традиционно считается Анкара, Вашингтон и с некоторых пор Брюссель. Однако в последнее время эта трехчленная конструкция претерпела изменения. Турция не рассматривает сегодня Крым как

поле приложения антироссийского вектора турецкой политики. Анкара предпочитает укреплять свои позиции на полуострове взвешенными культурно-дипломатическими методами, без политизации и радикализма.

Между тем ряд экспертов утверждают, что меджлис контролирует не более 40% татарского населения. Остальные находятся в «идеологическом поиске», что создает угрозу экстремистского «брожения» в крымско-татарской среде. Уже отмечен рост заинтересованности крымско-татарской молодежи в исламистской риторике: тон информационных ресурсов исламской направленности становится более агрессивным, предметом обсуждений становятся фигуры северокавказского бандподполья, а политический ислам приобретает все большее число приверженцев. Одновременно с этим активизировались межрегиональные связи между северокавказскими субъектами РФ и АРК.

Из радикальных исламских движений, в разное время замеченных в Крыму, можно назвать три - «Хизб-ут-Тахрир», «Джаамат Таблиг», «Ат-Такфир валь-Хиджра». Последователи «Джаамаат Таблиг» не были замечены в откровенно террористических или экстремистских действиях, хотя есть мнение, что эта организация занимается пропагандой радикального ислама, но делает это исключительно в проверенном информационном поле, не переходя к акциям прямого действия. Против членов «Ат-Такфир валь-Хиджра» в 2009 году возбуждалось уголовное дело по статье 255 Уголовного кодекса Украины (создание преступной организации). Но наиболее мощным информационным потенциалом обладает на сегодня «Хизб-ут-Тахрир», конкурирующая с меджлисом за сердца крымских татар. В ряде стран СНГ, в том числе в России, деятельность «Хизб-ут-Тахрир» запрещена законом. На Украине «Хизб-ут-Тахрир» действует вполне легально, и это в разы увеличивает результативность ее агитационной деятельности, к тому же эта организация располагает собственными информационными ресурсами.

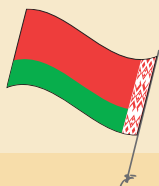
Есть тактические расхождения и внутри самого меджлиса. Молодые лидеры, готовые прийти на смену многолетнему председателю М.Джемилёву, могут оказаться более радикальными, учитывая широкие возможности общения крымско-татарских активистов с зарубежными исламскими центрами. О том, что угроза экстремизма все-таки не столь туманна, свидетельствует намерение Духовного управления мусульман Крыма (ДУМК) реализовать Программу противодействия влиянию религиозных сект на мусульман и жителей АРК. Как говорится в заявлении ДУМК, программа создается с целью «эффективного отпора наплыву религиозных спекулянтов различных толков, а также систематизации полученных сведений о деструктивном влиянии и деятельности религиозных сект в Крыму».

Представитель другой исламской структуры - Духовного управления мусульман Украины (ДУМУ) муфтий Украины шейх Ахмед Тамим еще в 2007 году призывал положить конец экстремистским сектам, которые расширяют свое информационное присутствие. Согласно заявлению ДУМК, на полуострове учреждены десятки религиозных общин, за которыми стоят экстремистские

организации «Ат-Такфир валь-Хиджра» или «Хизб-ут-Тахрир» («Адет», «Давет», «Азамат», «Иман» - в Симферополе, «Минарет» - в Евпатории, «Эски-Юрт» - в Бахчисарае, печатные издания «Возрождение», «Минарет», «Мирас», информационные порталы «Виляят Крым», «Возрождение»).

ДУМК пользуется авторитетом среди крымских мусульман. В то же время ДУМУ пока только пытается потеснить ДУМК в АРК. Легальное существование двух независимых исламских центров (ДУМК и ДУМУ) не способствует нормализации внутриконфессиональных отношений мусульманской уммы.

Крымские татары составляют 260-270 тыс. жителей полуострова, славянское население (с учетом Севастополя) - около 2,2 миллиона. Говорить о тревожной радикализации Крыма пока не приходится.

АЛЕКСАНДР ГРОНСКИЙ

Доцент кафедры гуманитарных дисциплин
Белорусского государственного университета
информатики и электроники,
кандидат исторических наук

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИИ КАК ПРЕПЯТСТВИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫМ ПРОЦЕССАМ

После появления на осколках Советского Союза ряда независимых государств началась активная работа местных идеологов по созданию исторического обоснования полученного суверенитета. Однако первые проявления использования исторических событий в качестве оправдания «национального возрождения» начались еще в позднем Советском Союзе. Не обошли эти процессы стороной и Белоруссию.

С середины 80-х годов XX века в белорусском обществе происходят социокультурные трансформации, связанные с изменением курса советского правительства. В БССР, как и других союзных республиках, усилилась критика и отрицание старых догм, базировавшихся на советской интернациональной идеологии. Наиболее сильной группировкой, аккумулировавшей новые требования, стал Белорусский народный фронт, являвшийся символом оппозиции советской системе. Критика советских взглядов разрушила старое идеологическое основание существования нации, а новое так и не было разработано. Попытки быстрого решения этой проблемы привели к появлению различных эрзацев, часть из которых была сконструирована в постперестроечный период, а часть реанимирована из белорусского прошлого, точнее - из начала XX века.

Любой режим, приходя к власти, создает свою «национальную историю», наиболее «точно», но вместе с тем и наиболее субъективно освещающую период развития государства или жизни народа. Естественно, что «своя» история логически приводит к выводу, что именно данный режим является «настоящим», легитимным не только с точки зрения современности, но и по логике всего предыдущего развития. Таким образом, режим освещается всем предыдущим существованием государства или нации.

Однако в период общего структурного кризиса новые элиты для оправдания собственной значимости вынуждены были искать объяснение ухудшающейся обстановки. Самым простым способом сплотить нацию оказался поиск внешнего врага, виновного во всех бедах. На роль врага в конце XX века не могли подойти прежние потенциальные противники, так как они в тот момент являлись образцами для новых элит, поэтому роль врага была отведена России. Представление России в образе врага дало возможность элитам некоторых бывших союзных республик сплотить нацию. Однако в мировоззрении белорусского населения Россия до последнего времени не представлялась врагом, как бы эту точку зрения не навязывали радикалы. Например, на Украине радикалы сумели подвести некую базу под представление России в качестве образа врага. Украинские политики вычленили несколько волн голода, прошедшего по югу довоенного СССР, и объявили голод попыткой геноцида, инспирированного из Кремля. Первая попытка увидеть русско-белорусский конфликт в седой старине была изобретена в начале XX века В.Ю.Ластовским, который рассматривал борьбу древнерусских князей как национальный конфликт. В начале XXI века появились утверждения, что полочане уже в X веке боролись за свою независимость как сформированный белорусский этнос.

Однако большинство населения не воспринимало ни Полоцкое княжество, ни Великое княжество Литовское (ВКЛ) как свою непосредственную историю. Белорусские интеллектуалы конца XX - начала XXI века, зазывая население в «свою» историю в виде Полоцка и ВКЛ, не смогли вмонтировать новую историческую версию в сознание современников. Неудача с конструированием прошлого показала белорусским интеллектуалам их неспособность «говорить» с народом, вести

пропаганду своих идей на доступном каждому языке. Таким образом, романтические представления белорусской интеллигенции об идеальном белорусском народе, который она поведет в светлое белорусское будущее, потерпела крах.

Для налаживания диалога нужна была кропотливая работа с населением и снижение планки требований к обывателю. Обыватель попросту отвернулся от интеллектуалов, которые после неудачной попытки объявить себя лидерами нации обвинили народ в отсутствии национального самосознания.

Тем не менее представления среднестатистического белоруса о своем прошлом сегодня уже не те, которые были еще десять лет назад, и уж совсем не те, которые бытовали 20 лет назад. Люди в массе своей стали воспринимать как истину ту концепцию истории, которая ранее воспринималась как нечто искусственное. По-моему, это произошло по причине того, что постоянный информационный фон «новой истории» сначала раздражал, а потом к нему все привыкли и стали воспринимать как должное. Для придания значимости укореняющимся догмам белорусские историки и публицисты, занимающиеся исторической эссеистикой, стали использовать ряд методик, которые помогают закреплять в сознании большинства нужный ход мыслей и нужные представления об историческом процессе. Постараюсь дать им названия и проанализировать эти способы.

Белорусоморфизм - наделение нормативными белорусскими чертами лиц, не связанных напрямую с участием в белорусском национальном проекте. Вследствие чего данные лица воспринимаются как белорусы или действующие с точки зрения пользы для белорусов. Он характерен и для определения государственных образований (например, «Великое княжество Литовское - это средневековое белорусское государство»), и для определения политических событий (например, «белорусы силой успокоили бунт в Жмуди и Аукшайтии»). Таким образом, конструируется некая белорусская реальность, которая со страниц учебников и научной литературы попадает к конечному потребителю в виде внешне научного, но по сути идеологического продукта, создавая представление о белорусской субъектности в истории.

Так, профессор А.Ф.Смоленчук при упоминании одного из регионов Российской империи - Северо-Западного края постоянно перед официальным названием ставит словосочетание «так называемый», предпочитая называть его Белорусско-Литовским краем. Таким образом, создавать субъектность можно просто переименовывая официальные названия в такие, по которым эта субъектность будет прослеживаться.

Российская имперская администрация меньше всего хотела ущемить права белорусов на самостоятельное существование хотя бы только потому, что, когда вводилось название «Северо-Западный край», общность под названием «белорусский народ» не была актуальна в принципе. Нельзя было угнетать тех, кого не считаешь реальностью, но белорусские историки любое действие российской администрации пытаются расшифровать с точки зрения борьбы «варварской империи» с «европейски ориентированными» белорусами.

Кроме того, в любом учебнике политологии, выпущенном в Белоруссии, можно встретить анализ текстов древнерусских религиозных деятелей Кирилла Туровского и Ефросиньи Полоцкой именно как белорусских политических мыслителей. Ефросинья Полоцкая уже успела быть назначенной первым белорусским востоковедом, поскольку она в конце своей жизни посетила Святую землю. Если именно по этому принципу определять людей как востоковедов, тогда в востоковеды нужно записать всех, кто путешествует в современную Турцию или Израиль. Ведь люди ходят там на экскурсии, фотографируют, а по приезде домой, естественно, рассказывают о своих впечатлениях знакомым и показывают фотографии.

Интересен также факт, что первыми белорусскими туристами были, оказывается, полоцкие дружинники периода ранней Киевской Руси. Они ходили в походы на Константинополь, что дает право записывать их в первые белорусские путешественники. Об этом можно прочесть в параграфе «Возникновение туристского движения в Беларуси» из учебника по истории туризма.

Также показателен пример выездной лекции для молодежи одного из белорусских ученых по средневековой белорусской истории. В частности, исследователь утверждал, что все европейские средневековые монархи были белорусами. Логика объяснений была следующей. Рогнеда, дочь полоцкого князя Рогволода, была белоруской. Все подозрения о том, что Рогволод был варягом, лектором просто отменялись по принципу того, что это русификаторские выдумки тех, кто хочет лишить гордых белорусов их подлинной истории. Так вот, Рогнеду (под именем Гориславы) насильно взял в жены князь Владимир, который позже стал великим князем Киевским. Поскольку, как утверждал лектор, у древних белорусов родство велось по материнской линии, то дети Владимира и Рогнеды были белорусами. В том числе и Ярослав Мудрый. Итак, белорус Ярослав Мудрый стал великим князем Киевским. Он выдал своих дочерей замуж за европейских монархов. Одну за венгерского короля, другую - за шведского, а третью - за французского. Таким образом, женами европейских королей стали белоруски, а их дети - будущие монархи - тоже являлись белорусами, так как они были рождены от белорусских матерей. Лектора даже не смутило то, что Ярослав Мудрый был «белорусом» по женской линии, но его жена была шведской принцессой. Следовательно, их дети, по логике белорусского ученого, должны были быть шведами.

Квасисамоидентификация - наделение своих предков чертами и самосознанием нынешней общности. В белорусском варианте этот механизм выглядит следующим образом: современные исследователи-белорусы, говоря о населении Полоцкой земли, Великого княжества Литовского или Северо-Западного края Российской империи, утверждают, что это население было белорусами. Логика проста: мы - белорусы, поэтому наши предки - тоже белорусы. Когда белорусы определяют сами себя, это и есть самоидентификация, но поскольку «белорусы» прошлого имели совершенно другие представления о самоидентичности, то приходится признать, что современные определения их как бело-

русов имеют достаточно большую долю условности, то есть предки и потомки отнюдь не одно и то же. Именно из-за большой доли условности можно сказать, что современное определение попросту конструирует представления о самоидентификации населения, жившего на конкретной территории некоторое время назад, иначе говоря, происходит квазисамоидентификация.

Квазисамоидентификация очень хорошо подходит для конструирования образа вечного врага. Если с точки зрения квазисамоидентификации предки белорусов имели такую же ментальность, как и современные белорусы, жили в окружении тех же соседей, что и сейчас, и имели с соседями примерно такие же отношения, что и сегодня, получается, что нынешние враги белорусов были врагами и в прошлом. Это очень хорошо можно было проследить в период российско-белорусских «газовых войн». Отказ России предоставить белорусской стороне дешевые энергоносители вызвал шквал антироссийской риторики, в которой иногда утверждалось, что это вечная проблема в белорусско-российских отношениях, а Россия перманентно является империей, стремящейся колонизировать гордую и независимую Белоруссию.

Крипторевизионизм - это скрытый, неявный пересмотр исторических событий, при котором у стороннего наблюдателя складывается впечатление, что пересмотра не происходит. Особенно ярко крипторевизионизм проникает в те исторические события, гордость за которые разделяют народы, проживающие сразу в нескольких государствах. Для стран, расположенных на территории бывшего СССР, таким событием стала Великая Отечественная война. Упомянув о совместной борьбе с нацизмом, некоторые белорусские эксперты постепенно начинают утверждать, что история войны представлена не очень объективно, что затушевывается роль белорусского народа в победе. Крипторевизионизм постепенно проникает всюду, подчеркивая основную роль белорусов в победе над Германией и умалчивая обо всех остальных. Так, Монумент Победы в Минске был назван символом мужества только белорусского народа. Один белорусский журналист в июне 2011 года рассказывал о защитниках Брестской крепости: «Тогда стояли насмерть, чтобы сейчас стоять под свой гимн - символ Независимости», как будто в Брестской крепости сражались и умирали только представители белорусского народа. А в 1941 году советские солдаты защищали единую страну, а не отдельные суверенные государства. За отдельные суверенные государства, в том числе и Белоруссию, ратовали коллаборанты, то есть те, кто сотрудничал с оккупантами. Первыми к крипторевизионизму прибегли американцы, заявив, что это они выиграли Вторую мировую войну.

Интересен крипторевизионизм в устах профессиональных белорусских историков. На одной из недавних конференций, объясняя фразу Гитлера о том, что немцы при вторжении в Советский Союз открыли дверь, не зная, кто за ней, один белорусский историк однозначно заявил, что «за дверью был советский белорусский народ». А других народов будто бы и не было. Далее в докладе утверждалось, что целями нацистов являлись расщепление и оккупация белорусских

земель. Одним словом, профессиональный историк спокойно заявлял о том, что войну с СССР Гитлер начал только потому, что ему хотелось уничтожить белорусов. Из текстов научных работ и учебников такие утверждения постепенно перетекают в головы обычных граждан.

К сожалению, школьные сочинения о Великой Отечественной войне белорусских учащихся подтверждают такую направленность мыслей. Крипторевизионизм является на сегодняшний день одним из самых эффективных инструментов конструирования представлений о значимости своего народа в истории, поскольку он не отвергает старые убеждения, а только лишь корректирует их в пользу своего народа. Опасность крипторевизионизма заключается именно в его кажущейся безобидности.

Концепция «своей»/«не своей» войны. В идеологическом конструировании используются примеры из прошлой героики, которые иллюстрируют борьбу прошлых поколений за независимость своей страны. «Своя война» - любые войны, восстания или сражения, которые можно проинтерпретировать как войну своего народа с врагами. «Не своя война» - любые войны, восстания или отдельные сражения, не имеющие потенциала для поддержания национального/националистического дискурса.

Если говорить более просто, то «своей» войной можно гордиться как национальной, а по отношению к «не своей» такой гордости не возникает. Понятие «своей» войны актуально не только по отношению к событиям, происходящим на территории, признаваемой «своей», но и за ее пределами. В таком случае пропаганда показывает героическую роль «своих» солдат или повстанцев в событиях, происходящих за пределами «своей» территории. «Не своя» война актуальна только для тех событий, которые протекают на «своей» территории. В результате такие войны воспринимаются как трагедия народа, а пристальное идеологическое внимание уделяется страданиям местного населения, то есть «своего» народа.

В этом смысле для белорусской истории «своими» войнами можно считать битву на Немиге 1067 года, Грюнвальдскую битву 1410 года, Польское восстание 1863-1864 годов (которое в Белоруссии не называют польским), Великую Отечественную войну. Соответственно, «не своими» представляются: Северная война 1700-1721 годов, Отечественная война 1812 года (которая в Белоруссии даже перестала называться Отечественной), Первая мировая война.

Итак, «своей» войной считается Польское восстание 1863-1864 годов. Это восстание стало настолько «своим», белорусским, что иногда отрицается даже его польская составляющая.

В качестве примера «не своей» войны возьмем Отечественную войну 1812 года. В Белоруссии даже в школьных учебниках постепенно пытаются убрать слово «Отечественная» из названия войны, называя ее или русско-французской войной, или просто войной 1812 года. Более того, в нынешнем представлении о

той войне убирается даже упоминание о партизанских отрядах. Однако когда пишется об антироссийской деятельности помещичьих отрядов после Польского восстания 1830-1831 годов (отряды из крестьян Михаила Воловича), их действия называются партизанскими. Также партизанскими действиями называют антироссийскую борьбу повстанцев во время Польского восстания 1863-1864 годов.

Причиной этому является положительная коннотация слова «партизан» в современном белорусском массовом сознании. В первую очередь это связано с памятью о советских партизанах периода Великой Отечественной войны. Партизанские действия подчеркивают, что борьба становится не только делом армии, но и всего народа. Таким образом, партизанская война воспринимается как подтверждение массового сопротивления врагу. В итоге получается, что слово «партизан» и его производные подчеркивают «национальность» сопротивления, его народный характер. Напомню, что партизанскими называют только антироссийские выступления, а выступления против врагов России - это все-го лишь попытка защитить свое имущество от разграбления.

Концепция «своей»/«не своей» страны, или «своего»/«не своего» государства. «Свое государство» («своя страна») - страна, которая представляется родиной предков, которые в этой стране составляли государствообразующий народ или один из государствообразующих народов. Поражения такой страны воспринимаются как свои (или своего народа) поражения, а победы - как свои (или своего народа) победы. «Не свое государство» («не своя страна») - страна, которая располагалась на территории, контролируемой в настоящее время современным государством, но не имеющая потенциала для нациестроительства, поскольку не представляется возможности обозначить ее как родину предков, а сами предки не воспринимаются как государствообразующий народ.

«Свои» или «не свои» государства очень четко определяются при просмотре школьных учебников по истории. Историю в белорусских школах изучают в двух вариантах - история собственно Белоруссии, то есть своя история, история своей страны, и всемирная история, то есть история всех остальных стран. Напомню, что государства с названием Белоруссия в истории не существовало. Первые попытки собственно белорусского государственного строительства появились только в период Гражданской войны в России. Первая попытка создать государственность в форме Белорусской народной республики оказалась формальностью. Государство было объявлено на оккупированной немецкими войсками территории, а сами немцы признавали эти земли частью России. И хотя некоторые немецкие военачальники говорили, что оккупированные территории не вернутся «под пяту России», тем не менее немцы не пытались признавать на официальном уровне доморощенные национальные режимы.

Хотел бы сказать еще и о следующем. Изначально территория Белоруссии находилась в составе Древнерусского государства. Первое упоминание о Полоцке - самом древнем белорусском городе - в летописи содержится среди населенных

пунктов, подчинявшихся Рюрику. Полоцк изначально был частью Новгородской земли и не имел самостоятельности, что так пытались опровергнуть некоторые белорусские историки конца 1990-х годов. Но в истории Белоруссии изучаются только те территории Киевской Руси, на которых сейчас существует белорусское государство, остальные же части Руси отнесены к всемирной истории. Таким образом, Киевская Русь является «не своим» государством для белорусской историографии.

Получается парадоксальная ситуация. Киевская Русь - государство восточных славян, как принято сейчас говорить. Восточные славяне - предки современных русских, белорусов и украинцев. В период Киевской Руси эти предки нынешних народов вообще не разделялись на разные народы, то есть это государство одного народа - русского. Если уж говорить более пространно, то предки белорусов делили его с предками русских и украинцев в составе одного народа. Киевская Русь тем не менее представляется «не своим» государством.

Великое княжество Литовское являлось государством, в котором существовали славяне и балты. Вообще, большая часть Великого княжества была территорией восточнославянского расселения. Оно занимало территории предков современных белорусов и украинцев, но там было много и балтских территорий. Это государство считается в учебниках «своим».

Речь Посполитая - государство, которое было, если мерить современными мерками о существовании тех или иных народов, польско-белорусско-украинско-литовским. Но там практически не было предков современных русских (опять же, если мерить нынешними мерками о существовании народов). Речь Посполитая выступает как «свое» государство.

В Российской империи белорусы стали жить с русскими в одном государстве. Оно не считается «своим», так как изучается в курсе всемирной истории. В СССР белорусы также были объединены с русскими в рамках одной большой страны. СССР также является «не своим» государством.

Обратите внимание. Если белорусы или их предки проживают совместно с русскими или их предками (Российская империя, Советский Союз) или даже являются одним народом (Древняя Русь), тогда эти «общие» государства не рассматриваются в белорусских учебниках как «свои». Если же белорусы или их предки проживают в одном государстве совместно с балтами-литовцами, украинцами или поляками, но отдельно от русских или их предков (Великое княжество Литовское, Речь Посполитая), тогда такое государство рассматривается только в курсе истории Белоруссии, то есть является «своим». И печатает такие учебники государственная типография при университетах «Народная света».

АЛЛА ЯЗЬКОВА: *Существует комиссия историков России и Украины, которые обсуждают вопросы совместной истории. Российская сторона в комиссии представлена Институтом всеобщей истории РАН. Существуют ли какие-то попытки обсуждения такого рода с Белоруссией и Россией, Белоруссией и Украиной?*

АЛЕКСАНДР ГРОНСКИЙ: *Комиссий таких нет. Попробовать стоит. Может быть, что-то и получится. Уверен, что это быстро не будет.*

ЕВГЕНИЙ КОЖОКИН: *Как-то мне позвонил академик А. Чубарьян и сказал: сделайте что-нибудь с Т. Гусенковой, что это она пишет про украинские учебники? На это я ответил уважаемому академику, что статьи, которые пишет Тамара Семеновна, выверены до последней запятой, безобразные цитаты из украинских учебников все соответствуют действительности. Поэтому, если есть возражения, то все они к авторам учебников. На этом мой разговор с председателем комиссии российских и украинских историков закончился. Пользы от таких комиссий никакой. Что мы получили в результате работы этой комиссии? Ничего. Как писалось в украинских учебниках про «украинского» князя Игоря и «украинскую» княгиню Ольгу, так и пишется. Поэтому, если возникнет такая же комиссия с Белоруссией, толку не будет. Ну, поставим мы еще одну «галочку». Все зависит от позиции участников комиссии.*

ИГОРЬ ЗЕЛЕНКОВСКИЙ
 Главный редактор
 интернет-издания «Западная Русь»
<http://zapadrus.ru>

СОВРЕМЕННЫЙ ЗАПАДНЫЙ РУСИЗМ КАК ПОДЛИННАЯ ИДЕЯ БЕЛОРУСОВ

Кратко напомним о том, что такое западнорусизм, немного расскажу о самом проекте. После татаро-монгольского нашествия Древняя Русь на долгие столетия была разделена, ее восточная часть с центром во Владимиро-Суз-

дальской земле, а потом в Московском княжестве оказалась под властью Золотой Орды, а западная часть - современная территория Украины и Белоруссии - была захвачена литовскими и польскими магнатами. Термины «Восточная» и «Западная Русь» - это довольно поздние и чисто академические понятия, которые появились в XIX веке. На самом деле все всегда называли эти земли Русью, население - русским, а политически делили на Московскую Русь и Великое княжество Литовское, или просто Литву. Позже появились названия историко-географических областей: Великая, Малая и Белая Русь, так же как были и Красная Русь, и Черная, и Угорская, и Холмская Русь, и Забужская Русь. Само же население вплоть до начала XX века называло себя русским, было православным или греко-католическим, и у всех в основе культуры была память об общем происхождении от Киевской Руси, что отражено в песнях и былинах и церковнославянском языке в богослужении. Длительная власть Литвы и Польши над теперешними украинскими и белорусскими землями наложила определенный отпечаток на население, когда на протяжении веков русские были угнетены, православие преследовалось и проводилась колонизация, а главное, эти территории были оторваны от восточной части Руси. Все время население Западной Руси вело борьбу за свое русское имя, отцовскую веру и язык. Периодически эта борьба выливалась в восстания и даже на небольшое время дважды - в XV и XVII веках - образовывались государства, которые назывались Великое княжество Русское. Русские цари всегда по праву считали земли Западной Руси своей вотчиной и в своем титуле указывали «самодержец Великой, Малой и Белой Руси». И поэтому Русское царство периодически воевало с Речью Посполитой, стремясь освободить ее население от чужеземной власти иноверцев. Казацкие войны, результатом которых стала Переяславская Рада, - тоже один из эпизодов этой длительной освободительной войны.

После раздела Речи Посполитой большая часть Западной Руси - Белая и Малая Русь - вошла в состав Российской империи. Во все времена опорой русского сопротивления окатоличиванию и колонизации на Западной Руси была церковь и западнорусские просветители. Как только появилась возможность после вхождения в состав России, начался процесс разрыва унии и возвращения образования на русском языке.

Сейчас в Белоруссии и на Украине многие историки, особенно из националистического лагеря, утверждают, что это была насильственная русификация белорусов и украинцев русскими властями. Это не так - белорусов и украинцев не было и в помине, поскольку они себя считали людьми русскими и веры русской. Инициатива шла от самого населения Белоруссии и Украины и его образованной части, в основном вышедшей из среды священников. В XIX веке появилась целая плеяда западнорусских просветителей - выходцев как из Малороссии, так и Белой Руси. Это архиепископ Могилевский Георгий

Конисский, родившийся в семье малороссийских казаков, митрополит Литовский Иосиф (Семашко), также выходец из Малороссии и подготовивший разрыв церковной унии, выдающийся историк Михаил Коялович, заложивший основы классического учения западнорусизма, филолог Евфимий Карский, написавший фундаментальный труд «Белорусы», и многие-многие другие.

Наибольшее развитие деятельность западнорусистов получила на белорусских землях благодаря помощи выдающихся российских политических деятелей графа Муравьева и Столыпина. Но западнорусизм имеет прямое отношение и к Малороссии - Украине, и если бы киевским генерал-губернатором была личность подобная Муравьеву, то, возможно, не появилось бы украинство. Что касается Столыпина, то именно он, когда был гродненским губернатором, помог с финансированием газеты «Северо-Западная жизнь», которую издавал Иван Солоневич и его сын, написавший впоследствии известную книгу «Народная монархия».

Результатом деятельности западнорусистов стало то, что процесс полонизации, окатоличивания был приостановлен и народ Белой Руси вернул свое русское начало и веру отцов. Население Белоруссии было одним из самых верных подданных империи. При выборах в Думу наибольшее количество голосов монархисты получали именно в белорусских губерниях.

Если кратко, то основой взглядов западнорусистов было то, что белорусы и малороссы являются самобытной частью единого русского народа. Вся история русских Белой Руси и Малороссии есть борьба за свое русское имя и православную веру. Язык, на котором говорили белорусы и малороссы, западнорусисты считали наречием русского языка, таким же как, например, другие русские наречия в Поволжье или под Архангельском. То что в Белоруссии говорят на белорусском наречии русского языка, доказал Евфимий Карский, и это никто так и не смог до сих пор опровергнуть. Этот неудобный факт сейчас стараются умалчивать. Также западнорусисты никогда не занимались русификацией, как в этом их постоянно обвиняют белорусские националисты. Считая, что необходимо изучать русский литературный язык как язык высокой культуры и науки, который является общим достоянием всех трех русских племен, западнорусисты также составляли учебники для младших классов белорусского наречия. Западнорусисты считали, что белорусское наречие нельзя утратить и что оно, как и прочие русские говоры, только украсит общерусскую культуру.

Таким образом, западнорусизм есть учение, на которое значительное влияние оказало славянофильство. Западнорусисты считали, что высокая русская культура и православие есть основа государственности трех ветвей русского народа и что только в лоне Российской империи может свободно развиваться культура белорусов и малороссов. Это утверждение западнорусисты также доказали на деле, вернув белорусов из польско-католического гнета и зало-

жив основы их русского возрождения. После революции судьба всех западнорусистов сложилась трагически. Все они были репрессированы, поскольку их деятельность мешала большевикам разделять русский народ на отдельные нации: собственно русских, белорусов и украинцев. Результат этого разделения мы видим сегодня, когда три ветви русского этноса разделены государственными границами. Но и сегодня мы, современные западнорусисты, считаем, что опыт и богатейшее наследие западнорусизма можно использовать в деле воссоединения России, Белоруссии и Украины.

Несмотря на преследования западнорусизма в советское время, учение не исчезало никогда. В Белоруссии его продолжали развивать такие историки, как профессор БГУ Игорь Оржеховский и профессор истории Могилевского университета Яков Трещенок, умерший в августе 2011 года. Яков Трещенок преподавал историю Александру Лукашенко. И Президент Белоруссии всегда очень тепло отзывался о своем учителе. Возможно, благодаря Якову Трещенку в Белоруссии два государственных языка, и, возможно, в память о своем учителе Александр Лукашенко опубликовал в «Известиях» ответную статью Владимиру Путину о необходимости построения Евразийского союза, написанную в духе западнорусизма. Но надо констатировать, что сегодня учение западнорусизма в Белоруссии стало терять свои позиции. Ученые старшего поколения сохранили его традиции, но все-таки наложили на него отпечаток советизма. Многие позиции этого «советизированного» западнорусизма легли в основу идеологии белорусского государства. Успехи развития Белоруссии в конце 1990-х и начале 2000-х годов объясняются во многом этими основами западнорусизма. Но надо признать, что потом эта идеология стала проигрывать националистам, что вполне объективно. Необходимо было избавиться от советизма, поскольку марксизм чужд идеологии, основанной на православии.

Развитием современного западнорусизма и занялась группа историков, философов, политологов и экономистов, которые объединились вокруг проекта «Западная Русь». При том, что основное ядро проекта находится в Белоруссии, другими членами проекта являются также известные ученые и публицисты, проживающие и на Украине, и в России. Таким образом, наш проект можно считать общерусским. Проект имеет свой сайт «Западная Русь», также мы проводим «круглые столы», небольшие конференции, на которых обмениваемся мнениями и координируем свою работу. Надо отметить, что наш проект абсолютно независимый, поскольку не имеет никакого финансирования и существует только благодаря энтузиазму его членов.

Сейчас все более становится очевидным, что наступает переломный период в нашей постсоветской истории, которую иногда называют «великой смутой». 20 лет минуло после «цивилизованного развода» бывших советских республик. История этого «развода» немного напоминает случай, когда супруги развелись, но разъехаться не могут. Продолжают жить в одной квартире и постепенно на-

чинают осознавать, что разрыв был поспешным, что можно и нужно найти путь к восстановлению отношений, и этому способствуют хорошие воспоминания о прожитых вместе годах. Для большинства постсоветских государств такой общей «жилплощадью» является единое геополитическое пространство от Карпат до Тихого океана, а «добрые воспоминания» - это ценности русской цивилизации, давно ставшие общим достоянием всех народов стран СНГ.

Однако при установлении новых союзных отношений остро стоят вопросы о суверенитете государств и объеме полномочий, которые будут переданы наднациональным органам управления в союзных образованиях. Правда, эти вопросы больше волнуют не сами народы, а их новые национальные элиты, боящиеся потерять полноту власти. Но надо ли бояться потери элементов суверенности отдельными государствами и надо ли вообще так ставить вопрос? Может, в процессе интеграции государств СНГ, а вернее, восстановления естественных связей, эта суверенность даже усилится? Если строительство союзных отношений будет основано на данности общего геополитического и экономического пространства, а главное - на ценностях русской цивилизации, общих для всех постсоветских государств, то, как ни парадоксально, суверенность отдельных государств в таком союзе будет только укрепляться. Россия, Украина и Белоруссия смогут сохранить себя только при условии создания политико-экономического союза, который, как бывший СССР, будет самодостаточен в ресурсном, людском и технологическом потенциале, в котором можно воссоздать полный цикл производства всего спектра товаров потребления и внедрять собственные новые технологии.

Понимание того, что только крупное союзное образование может противостоять глобальной власти спекулятивного финансового капитала, никогда не покидало здравомыслящих политиков наших стран. Благодаря этому пониманию, путем проб и ошибок уже появились реально работающие модели нового экономического и политического союза. Это и Союзное государство России и Белоруссии, и Таможенный союз Белоруссии, Казахстана, Киргизии и России, и недавно анонсированный Владимиром Путиным как один из пунктов его предвыборной программы Евразийский союз. Замечательно то, что эта программа построения новой интеграционной общности не вызвала реакции отторжения у руководства Белоруссии и Казахстана. Более того, Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев сам давно говорил о ЕврАзЭС, а Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко в своей статье в «Известиях» 3 октября 2011 года подтвердил готовность Белоруссии двигаться по пути интеграции.

Пока в стороне стоит Украина, но это пока, хотя она объективно должна была бы одной из первых участвовать в интеграционных процессах. В данном случае играют больше субъективные и чисто политические факторы, а также наличие на Западной Украине значительного населения, много веков прожи-

вавшего под властью Австро-Венгрии и Польши и потому с трудом вписывавшегося даже в украинскую государственность. Но всегда была и остается уверенность, что на Украине чаша весов склонится к пониманию необходимости интеграции в рамках Таможенного союза, ЕЭП и будущего Евразийского союза. За это говорит то, что, как бы ни хотелось некоторым политикам, они не в состоянии изменить границы цивилизаций, складывавшихся веками в определенном геополитическом пространстве. Сейчас все больше экспертов склоняются к мысли, что в установлении союзных отношений между государствами важную роль играют ментальные установки и культурная идентичность. Эти субъективные факторы становятся объективными, если их рассматривать с позиции существующих цивилизаций. В этом ключе правомерно говорить о существовании особой русской цивилизации, границы которой четко совпадают с евразийским геополитическим пространством, протянувшимся от Карпат до Камчатки.

Народы, проживающие на этом огромном участке континента, могут мирно сосуществовать и процветать, только находясь в составе государственного образования в виде союза, конфедерации, федерации или империи.

Так было испокон веков - от скифских времен до ордынских. Всегда после потери господства над этим пространством какого-то одного племени наступало время хаоса, войн и переселений, пока не появлялся новый народ, силой покорявший эту стихию и устанавливавший свой порядок. Но только Россия умиротворила просторы Евразии и смогла дать народам приемлемую для всех форму общежития. Россия имеет уникальную историю мирного освоения континента, когда под ее сильную руку добровольно входили народы, чтобы иметь защиту от агрессивных соседей. Наступление России диктовалось только из соображений обороны с целью закрепления границ по естественным географическим рубежам. Стремясь к этим рубежам, русские освоили громадную территорию и установили законы мирного сосуществования населяющих ее народов. Сложилась уникальная цивилизация, имеющая в своей основе русскую культуру и православие и которая была всегда открыта для представителей всех народов России. Благодаря своей открытости русский язык и культура стали в один ряд с величайшими культурами и богатейшими языками человечества. От достижений русской цивилизации вряд ли смогут отказаться народы, ранее входившие в Российскую империю и Советский Союз. Иначе они рискуют оказаться на пути регресса, поскольку их собственная культура и язык получили развитие при заботливой поддержке русской культуры. Таким образом, к русской цивилизации причастны не только русские, белорусы и украинцы, а и все народы Евразии. Таким образом, у государств СНГ есть мощный интегрирующий фактор - общее геополитическое пространство и достижения общей для всех русской цивилизации. Поэтому гуманитарный аспект при реализации интеграционных проектов должен быть не менее значимым, чем экономический. Это прекрасно

понимают наши противники, и поэтому основной их удар нацеливается на русский язык и русскую культуру. Поэтому и американцы, и европейцы не жалеют сил на создание НПО в области гуманитарных программ.

Все в этом мире повторяется, и многому можно научиться на собственном опыте, оглянувшись в прошлое. Русский мир переживает «великую смуту», но сейчас наметился процесс выхода из нее. И как с приходом Романовых началось собирание русских земель, так и сейчас без собирания всех русских земель из смуты не выйдем. Основной задачей сейчас стоит вопрос объединения ядра русской цивилизации - России, Украины и Белоруссии. Во времена Российской империи после присоединения Белоруссии и Украины остро встал вопрос культурного и духовного объединения и противостояния полонизации, униатству и католицизму. Без решения этих задач население Западной Руси было бы враждебным империи. Эти задачи удалось решить благодаря движению западнорусизма. Русский мир сейчас тяжело болен украинством - центробежными процессами по разрыву русского этноса и враждебному противопоставлению друг другу отдельных его частей. Свое украинство есть и в России, например сибирство, и в Белоруссии в виде литвинства, свядомства и прочих форм белорусского национализма.

Сейчас в Белоруссии в условиях общественно-политического и экономического кризиса есть все предпосылки для формирования новой государственной идеологии на базе современного западнорусизма. Его основные тезисы следующие:

- белорусы - самобытная часть большого русского этноса. Исследования генотипа являют, что у белорусов и русских одинаковый генотип. Археологи доказали, что русские заселили белорусские земли, будучи уже единым народом на всей территории Руси. Племена балтов и финно-угров находились на более низкой стадии развития и потому были немногочисленны и утонули в массе русских поселенцев без следа. Никто не смог опровергнуть утверждение Карского, что белорусы говорят на белорусском наречии русского языка. Современный белорусский литературный язык во многом искусственный, и сельское население, которое еще говорит на белорусском наречии, не принимает его как свой язык и предпочитает переходить на русский литературный язык. Это полностью подтвердила последняя перепись, зафиксировавшая значительное сокращение белорусов, употребляющих белорусский язык. Минск, в котором проживает почти четверть населения страны, полностью русскоязычный, за исключением горстки творческой интеллигенции;

- при реальном двуязычии может развиваться и белорусский язык, и культура. Западнорусисты считают, что в результате попыток грубой белорусизации в 20 - 30-х годах и 90-х годах XX века было уничтожено живое белорусское наречие. Ответственность за почти полное исчезновение разговорной белорусской

речи лежит на большевиках и националистах. Если освободить белорусский язык от чуждых полонизмов, то еще возможно его возрождение как разговорного наречия белорусов;

- Белоруссию необходимо строить как одно из русских государств, которое, сохраняя свою суверенность, будет естественным образом интегрироваться с двумя другими русскими государствами - Украиной и Россией. Если будет понимание общности судьбы Русского мира, то экономические связи естественным образом укрепятся, появится общая валюта, сформируются общие трансграничные промышленные холдинги. И все это не станет считаться ущемлением суверенитета или распродажей национальной собственности чужакам. Это даст базу для модернизации и успешной конкуренции с остальным миром;

- только в лоне русской цивилизации возможен подлинный суверенитет Белоруссии.

ИРИНА РЕЗИНКИНА
Директор информационного агентства
«Правда»

ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО УКРАИНЫ В УСЛОВИЯХ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ВЫЗОВОВ В СОЮЗЕ С РОССИЕЙ И БЕЛОРУССИЕЙ И ВНЕ СОЮЗА С ЭТИМИ СТРАНАМИ

Украина из трех государств - Россия, Белоруссия, Украина - наиболее уязвима в части целеполагания (смысла) существования государства, из-за чего за 20 лет независимости не случилось ни одного созидательного порыва и тем более прорыва,

а демографические показатели плачевны: минус 6 млн. физических потерь (9 млн. родившихся и 15 млн. умерших) и 6,5 млн. разбежавшихся из страны (официальная, государственная статистика - 1,2 миллиона, 5 миллионов - данные Всемирного банка, 6,5 - данные ООН). Но, несмотря на это, Украина остается крупнейшей страной, обладающей большой территорией, большим сельскохозяйственным потенциалом, природными ресурсами, выходом к Черному морю, развитой инфраструктурой, в этом смысле - в смысле потенциала - страна претендует на субъектность.

Главный вызов, который стоит перед Украиной и который будет определять ее будущее как государства, - вызов выбора (не выборов, а выбора!). Так или иначе, а Украина будет вынуждена выбирать, к какому берегу пристать, на что согласиться в обмен на возможность существовать в сегодняшнем формате - формате государства, за 20 лет построившего тоталитарный капитализм латиноамериканского образца. На собственный проект Украина уже претендовать в рамках существующей модели общественно-политического устройства не может. Для собственного проекта нет ни ресурсов (ресурсы УССР проедены), ни кадров, способных осилить задачи государственного масштаба. Для собственного проекта не существует ни плана задач (только для того чтобы такой план создать, нужна напряженная работа в течение многих месяцев, а то и года), ни партнеров в мире, готовых поддерживать такой проект.

Вызов выбора, остро стоящий перед Украиной, не сумевшей за годы независимости создать собственный проект, - это так или иначе вызов раскола вследствие внешних или внутренних потрясений. «Врожденная» предпосылка - цивилизационный разлом, о котором говорил Сэмюэль Хантингтон в «Столкновении цивилизаций»: в случае Украины, это разлом между русской и западной цивилизациями. Украина, обладая в 1991 году прекрасными стартовыми условиями - наличием четвертой по уровню развития экономики в Европе и высокоразвитой инфраструктуры, наукоемкой промышленности, мощных вооруженных сил и ядерных технологий, - а также чрезвычайной распространенностью русского языка при достаточных условиях для культурного и языкового развития украинцев, вместо созидательного порыва получила полную зависимость от иностранных кредитов и фрагментацию общества.

То же самое происходит и с русским языком, вопрос о котором играет роль разменной политической монеты, но не решается в соответствии с реальным выбором большинства людей. Институт Гэллага, исследовавший распространенность русского языка в постсоветских государствах в 2008 году, приводит данные, указывающие на высочайшую распространенность русского языка на Украине - 83%. Однако Украина остается страной, где столь высокие показатели не подтверждены официальным статусом - русский язык не является государственным, не преподается наравне с украинским (или вообще не преподается), число русских школ уменьшается из года в год. В то же время, по

данным исследований Института социологии НАН Украины, 69,5% опрошенных граждан считают необходимостью обязательное изучение русского языка в общеобразовательных школах (стоит отметить, что в 2002 г. так считали 75,8%). Но мнение большинства и здесь искривляется СМИ, существующие же политические «элиты» не выражают волю большинства и, соответственно, не следуют этой воле.

В самом же обществе отсутствует общий сценарий будущего. То есть, даже будучи неудовлетворенными в целом социальной политикой правящей группировки, основная часть населения представляет разные полюса - прозападный и евразийский. Ни общество, ни элита не способны создать модель, которая позволяла бы в рамках одного государства мирно сосуществовать и развиваться группам населения, исповедующим разные ценности. В принципе такая модель возможна при условии смены целей существования украинского государства, на практике же в Украине случился капитализм латиноамериканского образца, когда несколько десятков семей являются владельцами страны, им принадлежат экономика и финансы, парламент и государственные должности, все центральные СМИ. В таких условиях невозможна власть государственников, способных «перевести стрелки», перенаправить Украину на путь созидания, придать созидательный импульс, сменить цели. Все, что происходило и происходит за 20 лет независимости, - проедание под разными лозунгами наследия Украины советской.

В то время как окружающие Украину страны проявляют все больше настойчивости, политической воли и стремления к новым завоеваниям (в экономическом, территориальном и геополитическом смыслах), вся жизнь украинского государства проходит в карнавале бесконечных выборов, где власть и оппозиция сменяют друг друга, но элита остается несменяемой. Вся энергия правящего класса уходит на передел оставшихся ресурсов и охрану их от посягательств от соратников по классу. Элита, не будучи обремененной задачами государственного масштаба, стремительно вырождается, поэтому она не способна конкурировать ни с польской, ни с румынской, ни тем более с российской, турецкой, немецкой или французской элитами.

Поэтому Украина всегда проигрывает - и влияние в Крыму, где совершенно свободно себя чувствуют около десятка террористических организаций, и румынскую экспансию (шельф отдали, паспортизация Буковины идет полным ходом, известны и не скрываются территориальные претензии Румынии к Украине - вернуть Буковину и Бессарабию, если получится - присоединить к Румынии Закарпатье).

На территории Украины проживают 190 тыс. 900 этнических румын (0,3%). Из них 92,7% считают румынский язык родным. Сама Румыния настаивает, что румын на Украине не менее 500 тысяч. Официальных данных о количестве выданных румынских паспортов не существует. В поддержку румынской диаспоры ежегодно вы-

деляется Румынией и ее зарубежными партнерами около 700 млн. долларов в год.

Правящий украинский класс не способен не только адекватно отвечать, но и оценивать сегодня подобные вызовы.

Украина проигрывает и Польше, воспринимающей себя как лидера Восточной Европы после распада Варшавского договора и включающей Украину в орбиту собственных интересов. Польской элите необходим союзник («младшая сестра»), вместе с ней противостоящий в Европе мощному партнерству России и Германии. Польша категорически против самостоятельных российско-германских отношений «через голову ЕС» в сфере энергетической политики и проекта Договора о европейской безопасности. Польша четко ориентирована на США и продвижение НАТО в Европе. Россия в этом смысле - угроза для Польши.

Включение Украины в орбиту польской политики происходит через многие «точки доступа», например: а) информационную сферу - польские передачи и новости на национальных радиостанциях и телеканалах (разумеется, Западная Украина имеет возможность смотреть польские телеканалы, где даже погоду предсказывают гораздо точнее! Уровень польской журналистики несравним с уровнем журналистики украинской, поэтому о настоящем уровне коррупции вокруг проектов евро галичане читают в польских газетах!); б) образование - в Польше множество программ, позволяющих получить образование за те же деньги (или дешевле), что и в Украине; в) бизнес - простоту «старта»; г) карту поляка, которую выдают не только тем украинцам, которые имеют этнические польские корни, но и тем, которые активно работают в общественных организациях на польские или американские гранты, с тем чтобы насаждать польское мировосприятие на Украине.

Польша считает, что для Путина и российских властей в целом, да и вообще для каждого русского Украина в контексте Киевской Руси является не чем иным, как колыбелью русской цивилизации, поэтому важнейшее завоевание Запада - отторжение Украины от России. Сам факт проживания на территории Украины 10 млн. русских и 32 млн. людей, использующих русский в своем повседневном общении, представляет собой серьезную угрозу Украине. Доминирование русского населения Польша считает главным вызовом и предлагает США способствовать разделению Украины на «украинскую Украину», которая, по мнению поляков, занимает территорию в 346 тыс. квадратных километров, и «русскую Украину» с территорией 257 тыс. квадратных километров. Видение Польши - необходимо как можно быстрее избавиться от «русской обузы».

То же самое - разделение - предлагает Украине и та часть экспертов из США, которая не увлечена планами сохранения целостности страны путем полного подавления русского фактора. Так, в 2005 году профессор Итан Бергер писал: «Украинцы, которым небезразлично будущее страны, могут задуматься о перспективе разделения. Это трудно сделать, особенно решить, где проводить границу. Но альтернативы могут быть еще хуже, чем разделение, которое может привести к сильной неста-

бильности в стране. Украинцы, которые не хотят вновь подчиняться Москве, выигрывают в том смысле, что у них появится возможность создать новое государство, которое будет больше соответствовать их предпочтениям. Реализовать такой проект можно путем референдума, проводимого под наблюдением ОБСЕ».

СЕРГЕЙ ГОРБАЧЕВ
 Специалист по проблемам
 Черноморского флота, старший преподаватель
 кафедры журналистики филиала МГУ в Севастополе,
 кандидат политических наук

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА РОССИИ: ПРЕЦЕДЕНТ И ФЕНОМЕНЫ. ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Было бы нелогично, если на нашей конференции, проводимой в Крыму, на берегу Черного моря, мы в прямой постановке не затронули бы комплекс проблем Черноморского флота. Ведь именно благодаря наличию здесь военного флота Россия смогла включить в состав империи Крым, опираясь при этом прежде всего на военно-морскую компоненту созданной в екатерининские времена системы обеспечения безопасности государства и отстаивания его интересов. И именно на юге российское державное руководство искало выходы в мир, начав «рубить окно в Европу» много веков назад.

Как известно, истоки зарождения и развития флота и мореплавания на Руси неразрывно связаны именно с Черным морем, которое в древности называлось Русским. Наиболее глубокие корни русское мореплавание имело на юге. Отсюда же в течение длительного времени исходили главные угрозы. В этой связи

начиная с XVII века Россия ведет здесь целый ряд кровопролитных войн, в результате побед прирастая территориями, повышая свой статус и способность эффективно решать комплекс масштабных геополитических задач. Говоря об этом, надо отметить: главным театром Восточной (Крымской) войны, по своим целям, участвующим силам, последствиям ставшей, по сути, Первой мировой войной, были Крым, Кавказ и Придунавье. Именно с Турцией Россия больше и чаще всего воевала как на суше, так и на море. Если же боевые действия не велись, то всегда учитывались потенциальные угрозы, исходившие с южного направления, со стороны Турции, как, например, в Великую Отечественную войну или в эпоху холодной войны. Достаточно сказать, что одним из поводов Карибского кризиса (1962 г.) стало размещение на территории Турции американских ракет типа «Луна», направленных на южные районы СССР.

Бассейн Черного моря и прилегающие к нему территории на рубеже веков превратились в одну из самых конфликтных зон. При этом стоит подчеркнуть: очаги некоторых конфликтов расположены в пределах границ СССР (Нагорный Карабах, Южная Осетия, Абхазия, бывшие северокавказские автономии, Крым, Приднестровье). Рядом - Балканы, Курдистан, Ближний Восток, где, собственно, и варится сегодня кухня мировой политики. К слову, Россия, присутствуя на ней, всегда оперировала посредством сил Черноморского флота, с 1964 года на постоянной основе решавшего задачи в Средиземном море, которое вместе с Азово-Черноморским бассейном составляло операционную зону флота. Особо подчеркну для тех, кто не знает или заблуждается: наш флот, безраздельно доминировавший в Черном море, был предназначен для действий за Черноморскими проливами. В этой связи следует отметить: степень использования сил ЧФ по сравнению с другими флотами СССР была самой высокой, что в том числе было обусловлено периодическим обострением военно-политической обстановки в Восточном Средиземноморье в связи с активизацией арабо-израильского противостояния. Это и 1967, и 1973, и 1982 годы, Кипрский кризис 1974 года, а также рецидивы «дипломатии канонерок», проводимой 6-м флотом США в отношении Ливии в 1980-х годах. Наличие постоянно развернутой советской Средиземноморской эскадры, костяк которой составляли силы ЧФ, в значительной мере позволяло сдерживать силу и гасить конфликты, а нашей стране быть полноправным игроком на этой площадке.

Коренным образом ситуация изменилась 20 лет назад, после событий августа 1991 года, именно с тех событий ведет свое начало новейшая история Черноморского флота.

Напомню: уже 24 августа 1991 года с провозглашением Акта о независимости Украины ее Верховный Совет принял постановление «О воинских формированиях на Украине», в соответствии с которым ставшее независимым украинское государство брало под свою юрисдикцию все соединения и части советских Вооруженных сил, находившиеся на ее территории. Реализация

этого решения заняла некоторое время, но уже 6 декабря 1991 года украинский парламент принял пакет документов по военным вопросам, впоследствии было объявлено, что это - день рождения ВС Украины (приняты законы «О Вооруженных Силах» и «Об обороне»). Процесс этот шел неоднозначно, противоречиво, что было вполне естественным, так как именно на украинской территории располагалась самая мощная (после нашей группы войск в европейских странах) группировка. (О том, как это было, в частности, рассказано адмиралом И.В.Касатоновым в розданном участникам нашей конференции специальном выпуске журнала «Международная жизнь» - «История без купюр».)

Основой военного строительства на Украине также стали заявления ее руководства о безъядерном статусе и внеблоковости государства. В этой связи сразу же возник комплекс проблем, к разрешению которых 30 декабря приступили главы государств Содружества, подписав соглашение о стратегических силах и о вооруженных силах и пограничных войсках. При этом Черноморский флот был отнесен к стратегическим силам, решающим задачи в интересах всего СНГ. Однако в этот же день Президент Л.М.Кравчук заявил о реализации права Украины на создание собственной армии с 3 января 1992 года. Это заявление подвело итог уже проделанного в течение четырех месяцев пути, продемонстрировавшего как наличие особой позиции Украины по военным вопросам, так и стремление Киева к быстрому дезавуированию или постепенной ревизии ранее достигнутых договоренностей. Такая практика в последующем, как правило, носила деструктивный характер, что со всей очевидностью продемонстрировал растянувшийся на годы процесс разрешения судьбы Черноморского флота бывшего СССР и определения его нового статуса, для краткости его называли флоторазделом. Моряки-черноморцы смогли сохранить для России свой флот, основные силы которого оказались на территории, находящейся под юрисдикцией украинского государства. Именно моряки обеспечили его пребывание и функционирование в своих исторических, созданных ими же базах, в одночасье оказавшись за рубежом.

Черноморский флот, все происходившее в Севастополе стали лакмусовой бумажкой состояния и вектора зародившихся и проходивших свое становление российско-украинских отношений. И даже сегодня, спустя 20 лет, о какой бы проблеме, существующей между Киевом и Москвой, не говорилось, всегда вспоминается околофлотская проблематика, в том числе «временная» дислокация российского ЧФ на украинской территории. Черноморцы явили миру прецедент: многотысячный военно-морской организм (военнослужащие и гражданский персонал - порядка 200 тыс. человек), оперативно-стратегическое объединение, обладающее ядерным оружием, жизненные органы которого расположились на огромной территории от Измаила до Батуми, от сирийского Тартуса до Киева, отказался подчиняться распоряжениям новой политической элиты, вмиг прозревшей от ранения осколками национального самосознания.

Черноморский флот в течение нескольких месяцев (с декабря 1991 г. до августа 1992 г., то есть до официального начала так называемого переходного периода), не поднимая мятежных флагов, на деле никому не подчинялся. При этом моряки, стремясь сохранить единство флота, надеялись на принятие руководством Российской Федерации, ставшей правопреемницей Советского Союза, конкретных и эффективных решений, соответствующих их чаяниям. Скорее на основе интуиции (хотя она базировалась на знании истории, опыте флотской службы и здравом смысле) они прекрасно понимали: раздел флота в любом его виде может привести лишь к одному - его гибели. В конце концов к пониманию роли и значения Черноморского флота для России пришло и руководство стран, наконец, решившись на принятие принципиальных решений в апреле 1992 года и в дальнейшем - Ялтинских соглашений от 3 августа 1992 года.

В январе 1992 года в трех военных округах - Киевском, Одесском и Прикарпатском, а также в других военных формированиях личный состав был приведен к новой военной присяге. Черноморцы отказались приносить присягу Украине, флот удалось сохранить единым, в воинских и трудовых коллективах не произошло раскола по национальному признаку. При этом в течение почти шести лет флот решал свойственные ему задачи под символической несуществующего государства. Боевые корабли и вспомогательные суда выходили, в том числе и за пределы Черного моря, под военно-морским флагом СССР (до 12 июня 1997 г.).

Еще один важный момент. В условиях декларируемой департизации и деидеологизации как в Вооруженных силах, так и в целом в стране, флот проявил себя мощной политической силой. При этом мы вправе говорить о «феномене адмирала Касатонова» - «первого лица» в процессе разрешения флотской судьбы, своими действиями опровергшего популярный в начале 1990-х лозунг «Армия - вне политики». Занимая должность командующего флотом в начале флотораздела, по сути, на пике российско-украинского противостояния, он проявил себя как масштабная личность, настоящий лидер, поддержанный массами. Причем, не только моряками-черноморцами, но и севастопольцами и крымчанами, связывающими свое прошлое, настоящее и будущее с Россией. Он проявил себя и как дипломат, и как флотоводец, и как успешный администратор. Вполне закономерно: его фамилия в тот период находилась в верхних строчках рейтингов самых влиятельных политических деятелей страны. Адмирал И.В.Касатонов достиг конкретного результата - благодаря ему для России сохранен Черноморский флот. Дальновидные, обоснованные и просчитанные действия (зачастую, правда, присутствовал и элемент случайности) обеспечили защиту интересов России, всего Содружества (и объективно - Украины) в регионе Причерноморья, на юго-западном стратегическом направлении. Морская составляющая оборонной системы страны сохранена.

Следует также особо отметить: именно Черноморский флот стал гарантом

стабильности в бассейне Черного моря, минимизировав региональные конфликты (Грузия, Абхазия) и не допустив превращения Крыма, находящегося в центре «коромысла», «дуги нестабильности» (Синьцзян - Памир - Центральная Азия - Каспий - Кавказ - Черное море - Балканы - Адриатика), в регион «горячего» конфликта.

Околофлотская проблематика и сегодня является фактором влияния на характер, темпы международной деятельности, внешнеполитических инициатив всех сил, так или иначе имеющих интересы в окончательно оформляющемся каспийско-черноморском геополитическом пространстве. Сегодня Черное море стало, как отмечалось, внутренним европейским морем, где каждая страна ЕС, включая далекую Португалию, имеет свои интересы. О своих жизненно важных интересах здесь еще в 1996 году заявили США. И это вполне объяснимо. Черное море - важнейший узел энергопотоков и транспортных коридоров, перспективным является и его шельф. В этой связи трудно переоценить роль Черноморского флота в обеспечении как безопасности в регионе, так и необходимого баланса сил после утраты нашей доминанты в Причерноморье, продолжающегося состояния замороженности российско-грузинских отношений, стремления к региональному лидерству Турции и Румынии, реализации замыслов по размещению американской ПРО у рубежей России, а также в связи с Олимпиадой-2014.

Черноморский флот, его присутствие в Крыму и Севастополе, не только обеспечивает стабильность общественно-политической ситуации в Северном Причерноморье, но и в значительной степени определяет перспективы развития в разных областях Автономной Республики Крым и города - главной базы флота. Достаточно сказать, что более 17% бюджета Севастополя формируется за счет нахождения в нем ЧФ. Плюс к тому субвенции, которые перечисляются Киевом как компенсация городу за базирование флота, также прибавим вклад России в социально-экономическое развитие Севастополя. Образно говоря, ЧФ сегодня - самое успешное предприятие Севастополя, исправно выплачивающее налоги. Нельзя не учесть и то, что черноморцы - наиболее обеспеченная часть горожан. Естественно, свою зарплату они тратят в Севастополе и Крыму.

Завершая свое выступление, хотел бы отметить: жизнь, к сожалению, дает почву для появления новых прецедентов и феноменов. Они обусловлены как существующими для России вызовами и угрозами, так и переформатированием архитектуры обеспечения безопасности в бассейне Черного моря и Причерноморье. Многие вещи представляются просто парадоксальными. К примеру, процесс флотораздела занял шесть лет (1991-1997 гг.), и это казалось длительным периодом. Но за последующие 15 лет Москва и Киев, по сути, не смогли наладить действенного сотрудничества, в том числе в сфере безопасности и обороны, хотя регулярно проводятся переговоры и встречи на разных уровнях, делаются по этому поводу громкие заявления. В значительной мере причина этого

- в отсутствии в течение длительного времени (прежде всего у Кремля) четкой, внятной и эффективной политики в отношении как Украины, так и соотечественников, проживающих на ее территории. Вспомните: в конце нулевых годов дело дошло до открытой конфронтации, как раз основанной на комплексе флотской проблематики. Киев не только говорил о невозможности продления базирования ЧФ на украинской территории после 2017 года, но и стал требовать досрочного вывода его сил. Угроза прихода НАТО непосредственно к нашим границам становилась реальностью.

К сожалению, и после достижения Харьковских соглашений (апрель 2010 г.) в основном перспективы флота не прояснились. Киев изменил политическую риторику, напряженность в отношениях спала, но перемен в жизни флота, ощутимо отразившихся как на его состоянии и составе, так и на благополучии черноморцев и членов их семей, не наступило. Причина: непонимание нынешним руководством России роли Черноморского флота и ВМФ в целом. Положения Морской доктрины России (действует до 2020 г.) уже давно устарели или не связаны с реалиями, а фундаментальных документов, касающихся состояния и перспектив развития ВМФ, нет. Документ, в котором прописаны основы военно-морской деятельности России, определял перспективы до 2010 года. Он был выполнен лишь частично. Нового перспективного документа нет. Нет и ясной программы военного кораблестроения. Такие программы в течение всех 90 лет XX века существовали.

На сегодняшний день из 49 черноморских кораблей, составляющих боевое ядро Черноморского флота, лишь четыре не перешагнули нормативного срока эксплуатации. К сегодняшнему дню ЧФ утратил свою подводную составляющую - единственная подводная лодка «Алроса» находится на ремонте на Балтике. Прорекларированный приход новых кораблей на флот выглядит благим пожеланием с учетом срыва Гособоронзаказа для ВМФ и, соответственно, переносом сроков строительства надводных кораблей и подводных лодок. Техника и вооружение остальных родов сил флота, прежде всего авиации, также требуют замены. Как неблагоприятное для флота оценивается экспертами переподчинение ЧФ Южному военному округу. К сожалению, в данном случае проигнорирован особый статус Черноморского флота как единственного оперативно-стратегического объединения, находящегося и решающего задачи за рубежами России, на передовых рубежах оборонной системы государства, а также действующего в дальней морской и океанской зонах. Подход при обретении флотом «нового облика» был таким, как к внутренним военным округам. Увы, но и сегодня такое же отношение продолжает иметь место - флот по-прежнему неоправданно сокращают, его состав физически и морально стареет. Не лучше ситуация в молодых Военно-морских силах Украины.

Приходится также с сожалением отметить: после достижения Харьковских соглашений не оправдали себя ожидания в области развития интеграционных,

кооперационных процессов России и Украины в военно-морской сфере, кораблестроительной отрасли. Напомним: ее украинский сегмент был ведущим в СССР. Именно на Украине построены основные крупнотоннажные боевые корабли советского ВМФ. После некоторого оживления «зависло» решение судьбы недостроенного в Николаеве крейсера «Адмирал Лобов» (бывший «Украина»). Отсутствие позитивной динамики в отношениях привело Киев к реализации программы строительства украинского корвета. Украинские кораблестроители-профессионалы, не имея работы на своих предприятиях, трудятся за границей, в том числе в Китае, создавая ему современный океанский военный флот.

Таким образом, анализ процессов, идущих на протяжении последних 20 лет в связи с разделом Черноморского флота бывшего СССР и реализацией достигнутых в его ходе и продолжающих действовать российско-украинских соглашений, свидетельствует об утрате Россией статуса военно-политической доминанты в бассейне Черного моря и регионе Причерноморья. Военно-морская деятельность Черноморского флота сегодня носит ограниченный характер, а в средиземноморском сегменте зоны ответственности флота сведена до критического минимума. Лишь один пример: в конце 1980-х годов через Черноморские проливы для решения военно-политических задач, демонстрации военно-морского флага ежегодно проходило до 100 черноморских боевых кораблей и вспомогательных судов. В этом же году за девять месяцев пределы Черного моря не покинул ни один(!) боевой надводный корабль ЧФ России.

Снижение уровня и потенциала военно-морской составляющей в геостратегическом (геополитическом и геоэкономическом) плане привело к изменению статуса России как великой морской державы, в значительной мере утрачены 250-летние завоевания, достигнутые с екатерининских времен.

Непоследовательная и невнятная политика Москвы привела к отторжению от «большой» родины миллионов соотечественников, связывающих с Россией свое прошлое, настоящее и будущее. Севастопольцы и крымчане утрачивают веру в ее руководство. Продолжающиеся негативные процессы могут привести к полной утрате морской составляющей на юго-западном стратегическом направлении оборонной системы государства.

АРМЕН ОГАНЕСЯН: *Хочу предоставить слово, завершающее нашу конференцию, Владимиру Григорьевичу Соколенко - заместителю директора Департамента внешнеполитического планирования Министерства иностранных дел России.*

ВЛАДИМИР СОКОЛЕНКО: *Благодарю, Армен Гарникович, за эту ответственную, доверительную, почетную и трудную миссию - подвести итог нашему двухдневному, в высшей степени интересному и плодотворному разговору работы конференции. Постоянное общение с участниками конференции и в процес-*

се работы, и в кулуарах позволяет мне констатировать, что конференция получилась, прошла живо, заинтересованно, я бы сказал, с удовольствием для всех участников этого разговора.

Интеграционные процессы и участие в них трех государств все-таки формируется на западном направлении. И проблема отношений с Западом остается центральной, фокусной в любом контексте - политическом, экономическом и гуманитарном. Хотел бы процитировать Николая Данилевского в ответ на замечание, что мы не использовали творческое наследие этого великого деятеля и мыслителя, для того чтобы отследить историческую эволюцию состояния Россия - Запад. Итак, Н.Данилевский: «Взгляните на карту, - говорил мне один иностранец, - разве мы не можем чувствовать, что Россия давит на нас своей массой, как нависшая туча, как какой-то грозный кошмар?» Отношение Германии, сейчас нашего ближайшего союзника в Европе: «Все самобытно русское и славянское кажется ей достойным презрения и искоренения, и искоренение его составляет святейшую обязанность и истинную задачу цивилизации». Или вот иллюстрация того, в каком направлении как работало «окно в Европу»: «Несмотря на то, что Россия довольно послужила Европе, посылая свою армию сражаться не всегда за свои интересы, тем не менее в эпоху евроцентризма в международных отношениях в Старом Свете сформировалось такое отношение к России, что всякое преуспевание России, всякое развитие ее внутренних сил и увеличение ее благоденствия и могущества есть общественное бедствие, несчастье для всего человечества». И ответ Н.Данилевского на вопрос, почему же Европа враждебна России: «Дело в том, что Европа не признает нас своими, она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое...»

Такие исторические предвзятости существуют, мы о них знаем, но тем не менее оптимистический взгляд в будущее выступает основой нашей внешней политики. Мы стоим за формирование целостного мира, мы будем участвовать, несмотря ни на что, в его строительстве. Инструментарий, связанный с самоизоляцией, враждебностью и конфронтацией, - на свалку истории. Шашки и ружья - на стенку. Мы берем на вооружение «мягкую силу» - это наш интеллект, наши культурные традиции, инновации. И с этим инструментарием совместно с наиболее развитыми передовыми государствами будем строить нашу цивилизацию, реализуя при этом свою культуру, свои ценности и свое видение будущего. Такая вырисовывается позиция. Этому предшествует серьезная работа со стороны России.

Представители трех государств - России, Украины и Белоруссии - продемонстрировали на конференции такое общение, которое иногда отодвигает рационализм реалий и на первый план выходит душевно-сентиментальное восприятие окружающего мира и друг друга. Значит, мы все-таки остались самими собой. И это главный факт, который подтвердила наша конференция. Я с этим всех поздравляю и считаю, что встречи в тройственном формате нужны и необходимы.

СОВЕТ ЖУРНАЛА:**С.В.ЛАВРОВ**, министр иностранных дел России**А.А.АВДЕЕВ**,*министр культуры
России***М.В.ВАНИН**,*генеральный директор
Министерства
иностраннных дел
России***А.И.ДЕНИСОВ**,*первый зам. министра
иностраннных дел
России, кандидат
экономических наук***А.С.ДЗАСОХОВ**,*доктор политических
наук***К.И.КОСАЧЕВ**,*депутат Госдумы России,
кандидат юридических
наук***В.П.ЛУКИН**,*уполномоченный по правам
человека в России,
доктор исторических наук,
профессор***М.В.МАРГЕЛОВ**,*председатель Комитета
по международным делам
Совета Федерации
России, кандидат
политических наук***А.Ю.МЕШКОВ**,*Чрезвычайный и
Полномочный Посол***Ф.М.МУХАМЕТШИН**,*руководитель
Россотрудничества***А.Н.ПАНОВ**,*доктор политических наук***Б.Н.ПАСТУХОВ**,*старший советник гене-
рального директора ОАО
«Центр международной
торговли»***В.Г.ТИТОВ**,*зам. министра
иностраннных дел России***А.В.ТОРКУНОВ**,*ректор МГИМО,
академик РАН***В.А.ЧИЖОВ**,*постоянный
представитель России при
Европейских сообществах
в Брюсселе***В.И.ЧУРКИН**,*постоянный
представитель России
при ООН, кандидат
исторических наук***Ю.К.ШАФРАНИК**,*председатель Правления
МГНК «СоюзНефтеГаз»,
президент Фонда
«Мировая политика
и ресурсы»***А.В.ЯКОВЕНКО**,*Чрезвычайный и
Полномочный Посол,
доктор юридических наук,
профессор***Главный редактор А.Г.ОГАНЕСЯН**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор А.Г.ОГАНЕСЯН

Е.В.Ананьева,
*обозреватель, кандидат
философских наук*
Н.И.Воробьева,
*заместитель
главного редактора*
А.И.Давыденко,
*первый заместитель
главного редактора*
В.К.Злобина,
*заведующая отделом
интернет и мультиме-
диaproектов*

Г.И.Поволоцкий,
шеф-редактор
Б.Д.Пядышев,
*Чрезвычайный и Полно-
мочный Посол, доктор
исторических наук*
Е.Б.Пядышева,
*ответственный
секретарь, кандидат
исторических наук*
Е.В.Студнева,
обозреватель
С.В.Филатов,
эксперт

РЕДАКТОРЫ:
О.Н.Ивлиева
Н.В.Карпычева
Л.А.Подчашинская

**ВЕРСТКА, МАКЕТ,
ДИЗАЙН:**
И.Н.Знатнова
В.А.Позднякова
Е.В.Родина
М.С.Тюрина

**Материалы, публикуемые в журнале «Международная жизнь»,
не обязательно отражают точку зрения редакции.**

**Адрес редакции: 105064, Москва, Гороховский переулок, 14.
Тел.: 8 (499) 265-37-81; факс: 8 (499) 265-37-71; E-mail: journal@interaffairs.ru**

Адрес английского издания нашего журнала, выпускаемого в Миннеаполисе,
США, фирмой East View Information Services, 10601 Wayzata Blvd, Minneapolis MN,
55305-1526 USA. Phone: 1-952-252-1201 (N.America); fax: 1-952-252-1202;
toll-free: 1-800-477-1005; E-mail: periodicals@eastview.com

Журнал зарегистрирован в Госкомитете РФ по печати.
Свидетельство о регистрации ПИ №ФС 77-42508 от 01.11.2010 г.

Подписано к печати 23.01.2012. Формат 70x100 1/16. Офсетная печать.

Компьютерный набор, верстка и дизайн редакции. Заказ №56.

Отпечатано в типографии ООО «Верже-РА»

Москва, 127055 ул. Новослободская, дом 31, стр.4, офис 11

www.verge.ru, e-mail: info@verge.ru тел./факс: +7 (495) 727-00-08, 363-61-55

© МИД РФ. Редакция журнала «Международная жизнь». 2012.

INTERNATIONAL AFFAIRS

*A Monthly Journal of Foreign Policy,
Diplomacy and National Security*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

С 2009 года журнал перешел на систему рецензирования. Статьи на рецензию представляются в электронном виде. Электронные версии статей следует направлять по электронной почте по адресу редакции: articles@interaffairs.ru с указанием фамилии, имени, отчества (полностью), должности, места работы, ученой степени и звания. Объем присылаемых в редакцию статей - не более 0,6 а.л. Редакция просит авторов прилагать к тексту статей краткую (8-10 строк) аннотацию на русском и английском языках, ключевые слова (не более 10), контактную информацию для переписки (адрес электронной почты). Примечания помещаются в постраничных сносках, источники помещаются в конце текста. Плата за публикацию рукописей не взимается.

РЕДАКЦИЯ РАССМАТРИВАЕТ ФАКТ НАПРАВЛЕНИЯ АВТОРСКИХ РУКОПИСЕЙ ПО АДРЕСУ: articles@interaffairs.ru КАК ПЕРЕДАЧУ ЕЙ АВТОРАМИ ПРАВ НА ИХ ПУБЛИКАЦИЮ.

Правила оформления сносок и библиографии в конце статьи:

¹Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.

²Putham H. Mind, language and reality. Cambridge: Cambridge univ. press, 1979. P. 12.

³Инвестиции останутся сырьевыми//PROGNOSIS.RU: ежедн.интернет-изд. 2006. 25 янв. URL: <http://www.prognosis.ru/print.html.id=6464> (дата обращения: 19.03.2007).

⁴Ефимова Т.Н., Кусакин А.В. Охрана и рациональное использование болот в Республике Марий Эл // Проблемы региональной экологии. 2007. №1. С. 80-86.

www.interaffairs.ru